

Калинкина Светлана, Шеремет Павел

Случайный президент Лукашенко

Метастазы сталинской деспотии

Книжка интересная, читается легко, но очень грустная. На каждой странице бесконечная череда вопросов: почему? Почему так случилось, что из сталинской неволи — кровавой и бесчеловечной — народ Беларуси угодил в неволю нового царька. И снова произвол и ложь поскакали по многострадальной белорусской земле. По той земле, народ которой достоин покоя и благоденствия после вековых безмерных страданий.

Да, кардинальные исторические повороты выплескивают на поверхность бурлящей реки времени немало пены. Так было всегда и везде после смут, революций и контрреволюций. Вот только насыщенность исторической шпаной была разной. Но беда этой срединной европейской страны заключена в том, что тенденции неизбежного самоочищения пока не вырисовывается.

Видимо, метастазы раковой опухоли сталинской деспотии поразили эту страну сильнее, чем другие части союзной империи.

Но что меня особенно тревожит? Это до дрожи знакомое поведение элиты советской выучки, которая вмиг забыла уроки недавнего прошлого и вновь готова не только служить, но и прислуживать. Все логично. Бездна за прошлое рождает безнаказанность за настоящее.

Вот почему мне не кажется точной название книги «Случайный президент». Ничего тут случайного нет. Правитель Беларуси — законное дитя советской системы.

Александр Н. Яковлев, Академик РАН.

Светлана и Павел — смелые люди. Они произнесли вслух то, о чем многие боятся даже подумать. Считаю, что уже давно пора раскрыть людям глаза на президента Беларуси. Там — в Беларуси и, что особенно важно, здесь — в России. Всем, кто ратует за создание российско-белорусского союза нужно очень серьезно задуматься: о том, с кем мы намерены объединяться. Нужно понять, что братский белорусский народ — одно, а Лукашенко — совсем другое.

«Случайный президент» — это приговор и диагноз, который вынесли Александру Лукашенко авторы этой книги. Согласен — только случайностью или нелепой ошибкой истории можно объяснить появление диктатора во главе страны, народ которой прекрасно знает, что такое диктатура. Причем, этот диктатор «белорусского масштаба» пришел к власти благодаря тому, что в Беларуси была принята действительно демократическая Конституция и проведены демократические выборы. Пожалуй, это даже не ошибка, а настоящая насмешка истории.

Добавлю, что Светлана Калинкина и Павел Шеремет написали полезную книгу. Нам действительно был очень необходим такой откровенный, серьезный, честный и, одновременно, эмоциональный рассказ о последнем диктаторе Европы.

Борис Немцов, лидер Союза Правых Сил (Россия)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известно, если история повторяется, то уже в виде фарса. Только смеяться от этого не хочется. В XX веке в СССР был Сталин. Пережили: признали зло и осудили. И вот на исходе того же века, на той же территории появляется человек, которого называют «последним диктатором Европы». По иронии судьбы родиной нового европейского диктатора стала страна, народ которой традиционно считается мирным и дружелюбным. Страна, где не было и не могло быть межнациональных конфликтов. Государство, у которого нет геополитических рычагов давления на внешний мир, в конце концов, у элиты которого не было традиций абсолютной власти. Александр Лукашенко был избран президентом Беларуси на демократических выборах в стране с демократической Конституцией, но стал тем, кем стал. Как это произошло? Почему это стало возможно? Кто помог ему и кто пытался помешать? Как становятся диктаторами и бывает ли «цивилизованная диктатура»? Ответы на эти вопросы мы и попытались дать в этой книге. Здесь нет ни одного выдуманного факта, здесь каждое слово подтверждено документами или свидетельствами очевидцев. Мы специально не рассказываем обо всех громких фактах из жизни и деятельности первого белорусского президента. Мы приводим только те, которые помогут понять суть этого человека и смысл логику действий.

**Белорусские грабли,
или
Как человек с улицы может стать президентом страны?**

Александр Лукашенко — дитя смуты, продукт социально-политических потрясений. Мальчик из деревни с простенькой биографией. Горбачевская перестройка с ее призывами к демократии, инициативе низов, творчеству масс и гласности, потом развал Советского Союза и появление новых национальных элит, — все это давало Саше Лукашенко шанс. Впрочем, ему давался такой же шанс, как и миллионам других. Более того, у этих самых «других» стартовые возможности были и получше, и понадежнее. В 1994 году, когда в Белоруссии состоялись первые президентские выборы, невозможно было представить, с какого дна, из какой грязи политическая волна вынесла на поверхность человека по фамилии Лукашенко.

Шутка о том, что Александр Лукашенко больше двух лет нигде не работал, а потому даже если и станет президентом, то ненадолго, родилась не на пустом месте. Его «охоту к перемене мест» подтверждает даже официальная биография:

Родился 30 августа 1954 года.

В 1971-1975гг. — учился на историческом факультете Могилевского педагогического института. Специальность по образованию — учитель истории и обществоведения. Работал учителем, был секретарем комитета комсомола школы в г.Шклов.

В 1975г. был призван в армию. Служил в погранвойсках.

В 1975-1977гг. — инструктор политотдела войсковой части 2187 Западного пограничного округа (г.Брест).

1977-1978гг. — секретарь комитета комсомола горпищеторга, инструктор Октябрьского райисполкома г.Могилева.

1978-1980гг. — ответственный секретарь районной организации общества «Знание» в г.Шклов.

1980-1982гг. — заместитель командира танковой роты войсковой части 04104 по политчасти (Могилевская область).

1982-1983гг. — заместитель председателя колхоза «Ударник», Шкловский район.

1983-1985гг. — заместитель директора Шкловского комбината строительных материалов.

1985-1987гг. — секретарь парткома колхоза имени Ленина, Шкловский район.

1987-1994гг. — директор совхоза «Городец», Шкловский район.

1994 и до настоящего времени — президент Республики Беларусь.

Женат. Супруга — Галина Родионовна Лукашенко (в девичестве Желнерович). Имеет двоих сыновей.

«Что касается моего детства, — уточнял позднее белорусский президент в одном из интервью, — то я родился в селе, был вторым ребенком. Первый умер в два года — это была огромная трагедия. Потом пути моих родителей разошлись. Отца я не помню, мать меня воспитывала одна. Пятидесятые годы — это страшная была нужда, тяжелые времена. Я помню, какая была борьба на селе. Кто был сильнее, тот выживал, у кого были здоровые мужики и отцы, тем было легче. Мне досталось от этой жизни, но я не жалею — я всему научился. Даже успел закончить музыкальную школу по классу баяна. Неплохо пел, стихи писал. Словом, был первый парень на селе. Где какие компании, свадьбы — без меня не обходилось... Поступил на исторический факультет, отлично его закончил, потом экономический факультет нашей Академии, стал экономистом. Я очень хотел работать на селе, мечтал сделать что-то доброе людям...»

Эта выверенная, сильно отредактированная версия — для публики. Правда, позже претерпит изменения и она, и Александр Лукашенко уже не будет упоминать, что был вторым ребенком в семье. Он и вторым? Первый и только первый! Первый ребенок, первый парень на селе, первый президент... . Если Лукашенко играет в хоккей, то под номером один, участвует в лыжной эстафете — его команда неизменно приходит первой. Он искренне радуется, что обошел на дистанции чемпионов. А то, что, они томятся в ожидании, когда же он их догонит и перегонит, то это «происки журналистов». «Нячэсных», разумеется. Которые, кстати, и раскопали, откуда у белорусского президента столь болезненное стремление к лидерству.

В разные годы Александр Лукашенко указывал разные места своего рождения, но вырос и закончил школу он в деревне Александрия Шкловского района Могилевской области. В соседней деревне Большой Межник, что в десяти минутах ходьбы от Александрии до сих пор живет Елена Федоровна Желнерович — теща белорусского президента. До выхода на заслуженный отдых она много лет проработала завучем в Александрийской школе. Школа эта знаменита тем, что в ней создан музей Александра Лукашенко. Над дверями плакат: «Знай свой край!»

«Вот на стене фотография, доказывающая, что Александр Григорьевич в 1978-79 учебном году работал здесь в качестве учителя истории. Этот факт, кстати, практически нигде не упоминается», — рассказывает заведующая музеем, преподаватель начальных классов Наталья Емельянова. И действительно, по официальной биографии Лукашенко в это время работал ответственным секретарем Шкловской районной организации Всесоюзного общества «Знание». На самом деле попал он в «Знание» значительно позже.

После окончания пединститута, куда Лукашенко поступил в 1971 году, он проработал в школе города Шклова всего три месяца, а затем был призван на срочную службу. Уволившись в запас в ноябре 1976-го, за короткий срок успел сменить несколько мест работы, чтобы в августе 80-го снова надеть погоны. Говорят, не ради должности замполита роты, а по семейным обстоятельствам он тогда оставил молодую жену с ребенком на руках. Но кто знает?...

Наталья Емельянова в свободное от уроков время работает над подробной биографией Александра Лукашенко.

— По Александру Григорьевичу документы предоставляли его теща и его мама. Екатерина Трофимовна Лукашенко только несколько лет назад уехала жить куда-то ближе к столице. Да и у Елены Федоровны Желнерович тоже было много информации. Некоторые фотографии президент сам нам передал, хотя и не лично... Только портрет с автографом мы получили из рук в руки — 2 сентября 2001 года, когда он сюда приезжал.

— А родословная президента у вас есть?

— Я работаю над биографией, но пока говорить об этом рано... Знаете, когда спрашиваешь людей, одни говорят одно, другие — другое.

Если бы Наталья Емельянова, составляющая биографию первого президента, обратилась за консультацией к бывшему первому секретарю Могилевского обкома партии, а позже — первому министру сельского хозяйства в правительстве Лукашенко Василию Леонову, то он помог бы восполнить и еще один пробел. В своей автобиографической книге «Работа над ошибками» Леонов обнародовал копию удостоверения личности Александра Григорьевича Лукашенко, согласно которому данный лысоватый человек в 1983-1985 годах работал в должности заместителя директора КСМиИ учреждения УЖ 15-17, то есть в колонии. В официальной биографии на это время приходится работа заместителем директора Шкловского комбината строительных материалов. Странное несоответствие документа и официальной биографии. И так практически по каждому этапу его жизненного пути — реальные данные серьезно отличаются от официальных.

...В школьном музее есть альбом со старыми фотографиями Лукашенко. Вот Саша Лукашенко и Галя Желнерович (ныне — Галина Родионовна Лукашенко) — старшеклассники. Говорят, дружба завязалась после того, как дочка завуча и учившийся на год старше Лукашенко сыграли на новогоднем празднике Деда Мороза и Снегурочку. «Она славная девочка была. Училась очень хорошо. И он подружился с ней, особенно их дружба завязалась в художественной самодеятельности», — вспоминает классный руководитель Лукашенко Татьяна Ивановна. Художественная самодеятельность, спорт, увлечение историей, девушка — дочка завуча. Мальчик жаждал славы и общественного признания. Он хотел выбиться в люди и искал наиболее верный путь. «В учебе он не выделялся на фоне других учеников. Обычный средний ученик. Но упорный был. У него этого упорства даже слишком много было. Если, что он задумал сделать, все», — говорит Татьяна Ивановна.

«А вот дом, в который переехала его мать из холупки, когда он стал президентом», — показывает Наталья Емельяновна на одну из фотографий. Есть в музее и фото этой самой «холупки». Но его не показывают. Мол, неудобно, посмотрит народ на эту развалюху и задумается: что за президент такой, если родительский дом не мог отремонтировать. Дом деда — Трофима Лукашенко — долго стоял в Александрии. Даже после того, как внук Александр переместился жить в официальную столичную резиденцию, это «историческое здание» сохранялось. Более того, именно в нем жила мама главы государства. Затем устыдились, построили для нее дом в Минске, неподалеку от сына. Дом деда, в котором, собственно, и вырос будущий президент, снесли. Классный руководитель президента, кстати, считает, что

дом деда Трофима не надо было рушить: «Надо было именно в этом доме сделать музей Александра Григорьевича». Но что сделано — то сделано. На месте «родового гнезда» Лукашенко долго была мусорная яма. Недавно, правда, место очистили и поставили резную беседку. От дома мы все-таки вернемся к родне.

Фотография мамы Лукашенко тоже висит в музее. Рядом — биография, написанная по воспоминаниям самой Екатерины Трофимовны. «Лукашенко Екатерина Трофимовна родилась в 1924 г., выросла в многодетной семье (6 детей) без отца на хуторе. Окончила четыре класса Александрийской школы. Рано начала работать. На железной дороге работала с 1944-го до 1949 г., затем трудилась на стройке, на льнозаводе в городе Орша. В 1957 году вернулась в Александрию, где работала до 1979 г. дояркой. После ухода на пенсию продолжала работать до 1983 г.. За трудовую деятельность награждена грамотами и дипломами. Является ветераном труда».

Если верить биографии, написанной Екатериной Трофимовной Лукашенко, то получается, что первые три года мальчик рос без матери. И, как уверяют односельчане, без отца. Версии об отце первого президента Белоруссии можно разделить на три группы, в зависимости от предполагаемой национальности биологического отца президента. Так, Александр Щербак, земляк и бывший соратник Александра Григорьевича, склоняется к «цыганской» версии. Он «из достоверных источников» знает, что стояла неподалеку от дома Екатерины Лукашенко кузница цыгана Рыгора. Дальше — понятно.

Другая версия менее романтична. Якобы, работая на Оршанском льнокомбинате ленточницей, Екатерина Трофимовна познакомилась с женатым (почему-то в нынешней интерпретации одноглазым) мужчиной, который возил на телеге очёс с этого же предприятия. Был он по национальности еврей и звали его Гирша...

Две эти истории весьма популярны среди оппозиции. Поскольку передаются они из уст в уста, то само собой модифицируются и приобретают все новые и новые яркие подробности. Однако Мария Кульпинова, которая принимала роды, рассказала, что записи рождения 50-х годов в Копысьском ФАПе пропали еще при СССР. Но она слышала, будто отец Лукашенко все же белорус, работал где-то в лесничестве и был «хорошим, трудолюбивым» человеком. По материнской линии у президента осталось немало вполне достоверных родственников. Екатерина была одной из шести детей хуторянина Трофима Лукашенко. Детей звали Вера, Анна, Мария, Екатерина,

Агриппина (впрочем, имя пятой сестры называют разное) и Федор. В Александрии сейчас осталась жить только Анна Трофимовна.

...За частично обновленным плотным забором меж фруктовых деревьев — маленький, выкрашенный в синий цвет домик. Стоит он особняком, на левой стороне железнодорожного переезда, недалеко от кладбища. Хозяйка — Анна Трофимовна (теперь у нее фамилия Максимова) — рассказывает, что похоронила мужа, детей у нее нет и одиночество скрашивает дворняга Тузик, на которого можно прикрикнуть, да кошка Мурка, которую приятно погреть на коленях. Помнит ли племянника Сашу? «Как же не помнить, когда я его на руках у себя вырастила».

По словам тети президента, Александр Григорьевич не может помнить ни своего деда, ни свою бабушку: Трофим Лукашенко умер в 1939 году, а его жена — в 1955-м. Анна и Катя жили в отцовском доме. Потом Анна Трофимовна вышла замуж. Но все равно жили большой семьей, ведь вместе с Сашей рос и сын третьей сестры — Марии. Звали мальчишку Василий. Сама Мария уехала в Казахстан, на целину, а Васю оставила сестрам. Так что Василий и Александр выросли вместе, да, видно, дружбы особой между ними не было. Вася, по сведениям Анны Трофимовны, сейчас живет где-то в Москве. И будто бы забрал к себе мать. Но точно о судьбе сестры и племянника Анна Трофимовна ничего не знает.

Деревня Александрия — это место, где что ни человек — то свои воспоминания о нынешнем главе белорусского государства. Дворов тут осталось десятка два, и только один дом кирпичный. Поселок считается вымирающим. Живут здесь преимущественно пенсионеры. Как-то года три назад перед Рождеством сюда приезжал и президент. Привез детишкам подарки, прошелся по родной улице, поговорил со стариками и уехал. Об этом факте, как о самом ярком за последнее время, не перестают вспоминать. Тем более что после приезда главного земляка власти обещали проложить хоть какую-то дорогу. Дорогу так и не проложили, правда, появился новый мостик. Теперь местные жители гадают, выдержит он весенний разлив или нет. «Мы чем не довольны, что до магазина далеко. Хоть бы какая—нибудь машина к нам приехала, хотя бы хлеб привезли людям. Передайте там, может колодец у нас сделают, наконец», — просят местные жители.

В общем, это место не для туристов, хотя летом здесь очень красиво.

Красиво летом и в Шклове — еще одном населенном пункте, связанном с жизнью Лукашенко. Отсюда он, сменив около десяти мест работы, начал свой крестовый поход во власть.

Райцентр и прильнувшая к нему деревня Рыжковичи уже много раз восхвалялись в прессе. Шклов обрел довольно приличный облик. Особенно впечатляют внушительные размеры и внутренняя отделка райисполкома, в котором все еще работает главным специалистом по оздоровлению детей жена президента — Галина Родионовна). Знал Лукашенко здесь многих. И, отдадим ему должное, многие его до сих пор уважают и нахваливают. Даже местная оппозиция — это те, кто в прошлом плечом к плечу стоял с тогда еще директором совхоза «Городец». Вот как вспоминает о нем председатель районного «Общества белорусского языка» Александр Грудина:

— На курсах офицеров запаса на базе ДОСААФ нам представили молодого лектора из Шкловского райисполкома, который рассказывал о политической ситуации. В те времена Югославия вела политику не в том русле, как было нужно блоку соцстран. И Лукашенко своей пламенной речью мне очень понравился, я загорелся, задал вопрос: «Александр Григорьевич, почему вы допускаете, что Югославия ведет себя немного так сказать не совсем?» А он жестко ответил: «Мы найдем меры, мы поставим Тито на место». Ответил так, будто на него вся надежда. Это была наша первая встреча, которая оставила очень сильное впечатление об этом человеке.

Впрочем, в начале 90-х подули ветры перемен, и в ораторском искусстве Александр Лукашенко упражнялся уже во время депутатских гонок и, еженедельно, в Шкловской бане. И подсчитывал проигрыши.

Первые выборы Лукашенко проиграл в 1988 году, за место в Верховном Совете СССР. Проиграл Вячеславу Кебичу, с которым второй раз столкнулся через шесть лет на первых президентских выборах.

Затем были выборы председателя Шкловского райисполкома. И бывший соратник Лукашенко — Александр Щербак — уверен, что, если бы не «раздолбайство» ближайшего друга «батьки» Владимира Коноплева (ныне вице-спикер Палаты представителей парламента), победа на выборах в Шклове была возможна и сегодня страна могла иметь другого президента.

Рассказывает Александр Щербак — редактор незарегистрированной газеты «Шкловские новости».

— С Лукашенко я познакомился в 1989 году, когда работал в Шкловском райкоме партии, в орготделе. Он как председатель совхоза «Городец» часто заходил к нам по делам. Так и сошлись. Как-то онговорит: «Моисеевич, давай поборемся за кресло депутата Верховного Совета...» Нас было четверо: я, Лукашенко, Снегов и Коноплев. И мы решили бороться. Для начала — за должность предрайисполкома. Разделили список депутатов на левых и правых (левые были наши), посчитали и выяснили, что для победы нам нехватает одного голоса. «Голос» мы нашли — директора мебельной фабрики, но он учился заочно в Смоленском институте. Коноплева обязали поехать и доставить его на сессию. А Володя не поехал. И Лукашенко прогорел. Я тогда даже плакал от обиды. А сейчас думаю: стань тогда Лукашенко председателем исполкома, завяз бы он в шкловском «болоте» по сей день.

Был у Лукашенко и третий проигрыш, который он пережил достаточно болезненно — проиграл... в шкловской бане, где состоялись неформальные выборы президента бани. Лидером единодушно признали Анатолия Грачева — водителя пожарной машины.

Впрочем, банные посиделки, продолжавшиеся в ресторане или на берегу Днепра, сослужили будущему главе белорусского государства добрую службу. Здесь у районной элиты он снискал славу «просвещенного директора», решительно обнажавшего пороки действительности и готового выступить не только против Тито, но и всего районного руководства.

— Мы считали себя самыми умными людьми этого маленького городка, — вспоминает Александр Грудина. — Естественно, когда Лукашенко стал выдвигаться в депутаты, мы все были на его стороне. Он ведь тогда был демократом, первым стал высказываться против райкома партии, был убежденным сторонником независимости Беларуси. Я никогда не забуду дискуссию в бане, когда Лукашенко всем заявил: «В парламенте только два умных человека — я (то есть он) и Зенон Станиславович Позняк (лидер Белорусского народного фронта)».

Выборы в Верховный Совет Белоруссии — еще один любопытный и, возможно, самый важный эпизод президентской биографии. Ведь эта победа обеспечила ему общенациональную известность и доступ к СМИ.

Как уже говорилось, костяк команды Лукашенко составляли три человека: Владимир Коноплев, бывший милиционер и работник спецшколы, уже покойный Владимир Снегов, возглавлявший районный профсоюз

сельхозработников и Александр Щербак, в то время райкомовский работник. Собирались они либо у кого-нибудь дома, либо в колхозе имени Ленина, поскольку его председатель Малиновский также поддерживал коллегу. Если верить Александру Щербаку, то уже тогда у Лукашенко проскальзывала мысль о президентском кресле, хотя, напомним, до введения этого поста в Белоруссии пройдет еще целых четыре года.

Вспоминает Александр Щербак:

— Мы отдыхали у Коноплева дома, говорили на разные темы. Естественно, присутствовала и жена Володи — Алла. Женщина она не только красивая, но и умная. И вот в какой-то момент Лукашенко, тогда еще даже не депутат, неожиданно сказал: «Вот увидишь, Алла, я еще стану президентом Беларуси». На что Алла ответила: «Саша, ну какой из тебя президент, ты же неотесанный мужлан». «А я отешусь, и ты мне в этом поможешь». И ведь действительно отесался. Хотя победили мы тогда на выборах исключительно на противоречиях партийной системы, по сути, — на популизме.

Покопавшись в портфеле, Александр Моисеевич извлек старые исписанные листки. «В наши обязанности входило записывать слова и выражения, которые негативно воспринимались в зале во время его выступлений». Например: «бабы злые, с вилами бягуць» хорошо звучало в колхозе, но не воспринималось в городе. И, надо признать, Лукашенко очень быстро усвоил, что, где и как надо говорить».

х х х

Победа на выборах в Верховный Совет БССР в 1990 году -большая победа Лукашенко. Надо заметить, что за депутатский мандат он боролся с Евсеем Корнеевым — человеком, который будучи заместителем председателя Могилевского облисполкома всячески помогал совхозу «Городец», поддерживая молодого директора. Лукашенко просили: «Уступи Корнееву — человек немолодой, много сделал для тебя». Не уступил. Напротив, костерил «бюрократа Корнеева» в хвост и в гриву.

Официальные биографы изъяли из биографии белорусского президента и еще один эпизод — скандальную историю, связанную с заведением в отношении его уголовного дела.

Дело номер 147 было возбуждено Шкловским районным отделом внутренних дел 25 октября 1989 года. Основанием послужило обращение в милицию механизатора совхоза «Городец» Владимира Бандуркова. В своем заявлении Бандурков указал, что 22 октября 1989 года директор совхоза Александр Лукашенко его избил. По словам потерпевшего, Лукашенко подъехал к нему в деревню Кривель и стал ругать... После ударил Бандуркова по лицу. Тот упал. Лукашенко бил и лежачего. «Когда я начал подниматься, то встать на ногу было невозможно», — уточнил в своем заявлении Бандурков.

Показания тракториста тогда подтвердили три свидетеля. Некто гражданин Подольский, один из свидетелей, объяснил следователю примерно следующее: «22 октября... мне помогал Бандурков. После работы мы выпили две бутылки вина „Агдам“ и сидели на лавочке. Когда стемнело, к нам подъехал на УАЗе Лукашенко А.Г. и стал ругать нас. Затем ударил Бандуркова кулаком в лицо, а когда тот упал и стал подниматься, то ударил его ногой по ноге».

Спустя несколько дней в Шкловский РОВД было подано еще одно заявление — механизатора Ивана Богунова, в котором он просил найти управу на директора. Но на дворе был 90-й год — расцвет перестройки и гласности. И Лукашенко пошел ва-банк. Он и его соратники сумели обернуть ситуацию в свою пользу. «Смотрите, люди дорогие, — агитировали его сторонники, — как принципиальному независимому кандидату райкомовские мафиози палки в колеса втыкают». В общем, Александр Лукашенко без особых осложнений получил мандат народного депутата Верховного Совета БССР.

А что же уголовное дело? А оно было преспокойно прекращено, причем на таких основаниях, что нынешней Беларуси и не снились. «Прокуратурой Могилевской области срок следствия по данному уголовному делу не продлен на том основании, что не было получено согласие Городецкого сельсовета на привлечение Лукашенко к уголовной ответственности и данное решение не отменено районным Советом. Учитывая вышеизложенное, а также то, что срок следствия по данному уголовному делу истек, а привлечь к уголовной ответственности Лукашенко А.Г. без согласия Верховного Совета БССР невозможно, руководствуясь ст.5 прим. УПК БССР, суд постановил: уголовное дело по факту превышения власти...производством прекратить».

Был состав преступления в действиях Александра Лукашенко или не был, бил он механизаторов или не бил, сломал он трактористу ногу или нет, клеветали на него или говорили правду, — все это уже не имело

юридического значения. Дело было прекращено, а спустя какое-то время прекратил свое существование и Советский Союз. И в появившемся на карте мира новом государстве Александр Лукашенко был уже не подозреваемым в рукоприкладстве директором, а председателем Временной комиссии парламента по борьбе с коррупцией. И первым, на кого Александр Лукашенко навесил ярлык «коррупционера», оказался ... начальник Шкловского РОВД Анатолий Якимцов. Депутат Лукашенко при каждом удобном и не очень случае вспоминал подполковника Якимцова, обвиняя последнего в самовольном захвате участка земли себе под дачу, а также в том, что милицейский начальник заставлял вкалывать на этом участке «батраков» — заключенных, содержащихся при местной комендатуре. Трижды различные следователи по особо важным делам возбуждали под давлением неугомонного депутата уголовные дела в отношении Якимцова и трижды прекращали их за отсутствием состава преступления.

В Верховном Совете депутат из Шклова проявлял повышенную активность. Поскольку в проправительственные фракции вход ему был закрыт, он попытался прибиться к Белорусскому народному фронту, да, на беду, все руководящие посты во фракции БНФ оказались заняты. А Лукашенко хотелось руководить. Так он и бегал между коммунистами и демократами. Вошел в комиссию по разработке белорусской Конституции, но обычно появлялся к концу дня с банкой самогона и забирал друзей-депутатов «отдохнуть».

В своих интервью любит рассказывать, будто только он проголосовал против ратификации Беловежских соглашений, но это, мягко говоря, неправда. Он среди еще нескольких депутатов на всякий случай, у всего лишь клонился от голосования, но в то же время принял личное участие в торжественной процедуре внесения в зал заседаний парламента символа суверенной Беларуси — бело-красно-белого флага. Флага, который он через четыре года отменит. Подолгу выстаивал у микрофона, требуя слова по любому поводу.

Беларусь начального постсоветского периода представляла собой образец двоевластия. Рычаги реального управления находились у премьера Вячеслава Кебича, формальная власть — у председателя Верховного Совета Станислава Шушкевича. Оба ревностно следили за телодвижениями друг друга. Кебич был своим среди директорского корпуса и номенклатурных кругов, Шушкевича поддерживала интеллигенция и Запад. Понятно, что в этом соперничестве кто-то должен был уступить. И тут вспомнили о Лукашенко: а

не доверить ли этому горлопану комиссию по расследованию коррупции в высших эшелонах власти.

—Что же мне теперь делать? — спросил он у меня после назначения, — вспоминал Виктор Гончар, его бывший приятель, убитый впоследствии пресловутым «эскадроном смерти».

— Я ему говорю, а ты, Саша, ударь по ним, поверни орудия против тех, кто тебя назначил.

Эффект был таким, как если бы ребенку дали в руки гранату — Лукашенко просто взорвал страну. Он кричал о том, что чиновники проворовались, стали миллионерами, обзавелись домами на Гаваях, утверждал, что все заводы разворованы, а оружие распродано... Фактов, правда, не было.

Кто-то из окружения Кебича подсунул Лукашенко документы о том, что Станислав Шушкевич воспользовался служебным положением и приобрел стройматериалы для своей дачи. Вот, собственно, и все. Между тем, Шушкевич, построивший скромную дачу своими руками, обиделся и подал в отставку. Отставку с благодарностью приняли. В прессе это потом назвали «отставкой за ящик гвоздей».

Осознав, что в Беларуси он остался единственным правителем, Кебич захотел большего — стать президентом. Работа над новой Конституцией, дающей такую возможность, заметно активизировалась. Однако, Кебич не учел того, что речи «главного белорусского борца с коррупцией» — человека, которого как болванчика использовали в своей игре — легли на благодатную почву. Ведь народ, уровень жизни которого после распада Советского Союза резко ухудшился, требовал наказать виновных в своих бедах. Кебич как раз и был олицетворением этой власти. В Беларуси старая советская номенклатура сумела удержать ситуацию под контролем во время падения советской империи. Здесь не было демократической революции или националистического бунта. Оставшиеся в своих креслах чиновники близко не подпускали к себе новых белорусских политиков, которые хотели власти и денег. И «политическая молодежь» использовала народное возмущение и Лукашенко как таран, чтобы взять власть в свои руки.

Первоначально в тексте белорусской Конституции содержался пункт, по которому президентом страны можно было стать лишь достигнув сорока лет. Лукашенко же на тот момент исполнилось «всего» 38 — он оказался непроходным. И тогда группа депутатов, «из молодых волков», подняла в

парламенте дебош, вынудив проголосовать за поправку, позволяющую баллотироваться на пост президента после 35 лет.

х х х

Народ Лукашенко обожал. Свой парень, из низов, отважен, не оглядываясь, воюет с номенклатурой. Его предвыборные митинги собирали тысячи людей. Он мог говорить часами, на любые темы, любил, где надо, — пустить слезу ... Люди тянулись к нему, пытались дотронуться, подносили детей. Это напоминало массовый психоз, секрет которого был предельно прост: он умел говорить с народом на понятном ему языке. Когда его обвинили, что во время полета депутатской делегации из Пекина в Минск, он в самолете украл у стюардессы сумку с вещами, Лукашенко не растерялся. «Вот они говорят, что в сумке был фен. Все ложь! Зачем мне фен, я же лысый». Но и сумка же была чужая.

Или Вячеслав Кебич хвастал, что только его личная дружба с российским премьером Виктором Черномырдиным гарантирует стране дешевый газ, Александр Григорьевич тоже нашел, что ответить. «Видишь ли, Вячеслав Францевич, ты сейчас не к месту говоришь. Надо было зимой выборы устраивать, а летом пугать людей холодом неактуально — все уехали на огороды».

Выборы проходили на фоне активного обсуждения возможности объединения России и Беларуси. Лукашенко понимал, что у Кебича появился козырь, который может стать решающим в этой игре. Он тоже всеми силами рвался в Москву, чтобы предстать пред очи российского руководства и доказать свои самые союзнические намерения. С помощью агрария Николая Харитоновича Лукашенко, наконец, прорывается в Государственную думу. «Предлагаю трем парламентам, я имею в виду и братский украинский, немедленно создать депутатские группы для проведения переговоров о выработке механизма объединения братских республик. Надеюсь, что это поддержат президент и правительство России. Ушло время разрушения, пришло время созидания. Собраться нужно обязательно и сделать это в Беловежской пуще, в Вискулях. Это будет символично... Разумеется, это будет не воссоздание Советского Союза, не превращение Беларуси и Украины в какие-то губернии, а ответственный и судьбоносный шаг на пути восстановления нормальной жизни». Это был бальзам на свежие раны.

В Беларуси он был более осторожен в высказываниях, хотя активно эксплуатировал ностальгию по Советскому Союзу. «Необходимо провести референдум — то ли быть независимой, то ли состоять в конфедерации, то ли в федерации», — говорил Лукашенко. И это нравилось всем: и левым, и правым, и тем, кто лелеял надежду на восстановление СССР, и тем, кто хотел жить в суверенной стране.

Впрочем, за два дня до выборов, когда президентское кресло было уже совсем близко, для себя Лукашенко определился. В интервью радио «Свобода» он послал привет московским союзникам, однозначно заявив, что атрибуты суверенитета для него святы. Более того, — что у него нет никакого «беловежского синдрома», ему не за что оправдываться и он совершенно свободен в выборе политики в отношении восточного соседа.

Эта тактика, опробованная еще в 1994 году, по сути, станет основой всех дальнейших отношений с Россией: красивые слова, союз, дружба. Он активно эксплуатирует имперский комплекс российской элиты и зарабатывает на этом большие деньги. В случае каких-либо претензия: «Я президент суверенной страны, руки прочь!»

Май 1994 года. По данным Центра исследований будущего, наиболее авторитетного на тот момент независимого социологического центра, рейтинги кандидатов выглядят так: Кебич и Лукашенко — по 19,7%, Шушкевич — 7,1%, лидер Белорусского народного фронта Позняк — 4%, лидер коммунистов Новиков — 5,6%, лидер аграриев Дубко — 1%.

23 июня, в первом туре президентских выборов картина уже иная: Лукашенко — 44,82%, Кебич — 17,53%, Позняк — 12,82%. Остальные кандидаты набрали менее 10% голосов.

Итак, выскочивший, как черт из табакерки, директор заурядного совхоза из Могилевщины Александр Лукашенко вышел во второй тур президентских выборов вместе с оплотом белорусской номенклатуры — Вячеславом Кебичем. Для Лукашенко это означало победу. Победитель появился перед журналистами в элегантном костюме явно с чужого плеча. Со многими журналистами независимых газет здоровался за руку, а вот представителей государственных СМИ старался не замечать. Говорил недолго, но в очередной раз не упустил возможность потоптаться на костях павшего правительства Кебича.

— Итоги первого тура выборов расцениваю как вотум недоверия правительству и местной бюрократической власти. Теперь цензура в прессе

будет отменена, будет отменена и монополия государства в СМИ. Я призываю вас определиться, кому служите — клике или народу. Обещаю, гражданской войны, не будет. Кто станет воевать с всенародно избранным президентом? 70 проворовавшихся чиновников? Так у них уже чемоданы упакованы и билеты куплены в сторону Гималаев. Сейчас главное, чтобы заработали заводы. Директорам уже сказано: если к 1 января 1995 года не восстановят производство, все будут уволены. Я намерен пригласить к себе ряд министров, попрошу их обеспечить уборочную топливом ...

— Александр Григорьевич, а кто возглавит кабинет министров?

— Проблем с кандидатурами не будет — это вам не доярку на ферму найти. Спасибо.

Лукашенко встал, вслед за ним поднялась группа поддержки: Титенков - распорядитель по хозяйственным вопросам, Леонид Сеницын — глава выборного штаба, Виктор Шейман — выступавший в роли оруженосца...

х х х

10 июля 1994 года. Второй тур выборов. За Лукашенко проголосовало 80,35% пришедших на выборы избирателей.

Кебич пал. 12 июля 1994 года его правительство приняло заявление: «В связи с избранием Президента Республики Беларусь и в соответствии с действующим законодательством признать необходимой отставку Совета Министров». В большом зале Национального пресс-центра, где Лукашенко ждали на первую официальную пресс-конференцию, он появился к двум часам дня. Суров. Строг. По всему видно — вошел в роль. Теперь, добившись заветной цели, сообщил присутствующим, что буквально до последнего дня не представлял всей тяжести обрушившихся на него проблем. «При том, что склады завалены зерном, хлеба на прилавках может не оказаться — у хлебопекарных предприятий нет денег. Кризис, крах. У меня завтра состоится разговор с Ельциным, без России мы, наверное, не вытянем». (Разговор, действительно, состоялся, но российская помощь, как сообщали СМИ, была поставлена в зависимость от неприкосновенности личности Вячеслава Кебича).

О России, руководство которой решило сменить коней на переправе и смирилось с поражением Кебича и победой «еще большего друга российского народа», было сказано так: «Я за то, чтобы пройти до конца весь этап переговоров с Россией, в том числе по объединению денежных систем. Договоримся — буду рад, не договоримся — поймите правильно». Это был намек.

Частному бизнесу, уставшему бороться с командой Кебича и поставившему на Лукашенко, было заявлено: «Вы из меня выбивать реформы, лицензии и квоты не будете. Я сделаю так, что если вы меня будете меня топить, то утонете сами». Лукашенко уже угрожал.

х х х

Диковинное для Беларуси слово «инаугурация» — поначалу не могли выговорить ни дикторы национального телевидения, ни сам виновник торжества. Тем не менее, церемония состоялась. Однако, праздник был омрачен. Неприятным сюрпризом стало, мягко говоря, небольшое количество делегаций, приехавших поздравить первого президента и относительно невысокий уровень их представительства. Два руководителя парламента — из Польши и Литвы, три вице-преьера — из России, Грузии и Молдовы. Даже ближайшие соседи — латыши и украинцы — сочли этот повод не слишком значительным для специальной делегации. От российского руководства приветствие огласил Александр Шохин. Говорил красиво, но обтекаемо, с намеком: «Пакет договоренностей для нас был непростым шагом, и едва ли разумно останавливаться на распутье. Определенность должна быть достигнута в самое ближайшее время».

Лукашенко этот намек не понравился. О чем он думал в этот момент, взлетевший с самых низов к вершине политического Олимпа, — никто не знает. Он не для того так истоиво рвался к власти, чтобы с кем-то ею делиться. Вечером был прием по случаю инаугурации. По Минску до сих пор о нем ходят легенды.

— Что это было?! «Новые белорусы»... из колхоза. Съезжались, как на сельскую свадьбу. Дамы — с бабетами, джентльмены — костюм, галстук и босоножки... Паноптикум!

С тех пор многим в Беларуси стыдно, неудобно, неприятно слушать отзывы посторонних наблюдателей о «белорусском политическом бомонде». Хотя эти персонажи, как говорят в Беларуси, теперь «вылюднели», носят и дорогие галстуки, и дорогие пиджаки. Но комплекс собственной неполноценности дорогой булавкой не прикроешь. Или неадекватное чувство собственной значимости. Судите, как хотите.

Александр Лукашенко. Интервью газете «Совершенно секретно».

«Это был 87-й год. Горбачев был тогда на волне, все, что он говорил, было правдой, появилась отдушина, свобода, люди могли не только говорить, но и что-то делать. Давайте будем честными — все мы в какой-то степени дети Горбачева... С него все начинались — и я, и Ельцин! Горбачев тогда часто собирал совещания, и вот на одно такое совещание я был направлен руководством компартии Беларуси... Он очень жестко вел его. Меня на трибуне терзал 13 минут (! — Прим. Авт.) вопросами так, что я вышел и выжал свой пиджак, настолько он был насквозь мокрый, но Горбачеву запомнилось, что я вступил с ним в полемику.

Я всегда воевал против власти, против дури ее. И поэтому моя жизнь много раз висела на волоске... Вскоре состоялось еще одно совещание — обсуждалась программа Явлинского «500 дней». И угробил эту программу ... Лукашенко. Сейчас-то мы понимаем, что за 500 дней можно что-то сделать, но не реформировать экономику в тех размерах, как это предлагал Явлинский. Но тогда шел разговор на президентском совете, что в принципе надо принимать эту программу. Горбачев написал мне записку, попросил выступить. Ну и дерни меня за язык... Я заявил, что за пятьсот дней не экономику великой страны можно реформировать, а в лучшем случае один колхоз. И привел неотразимые аргументы. Горбачев сказал: раз так, то нам торопиться не надо. Кстати, Явлинский не любит Лукашенко с тех пор...»

Надо ли говорить, что ни Горбачев, ни Явлинский в то время не могли даже вспомнить «великого деятеля» по фамилии Лукашенко, который возомнил о себе, будто сыграл судьбоносную роль в истории великой державы. Но с чем спорить? Ну, был такой человек на каком-то всесоюзном совещании по вопросам АПК, может, и выступал с какой-нибудь репликой. В архиве российского Первого канала даже есть кассета с записью этого совещания. На трибуне молодой человек странного вида, красный как рак запинаясь что-то хрипит об аренде на селе и глупо хихикает, когда Михаил Горбачев небрежно бросает в его адрес незначительную реплику. Оказывается, он стоит у истоков реформ! И ведь многие во все это верят.

Президент из урны,

или

Как становятся диктаторами?

Главной интригой первых дней белорусского президента стало то, кому он доверит высокие государственные посты. Профессиональной команды у него не было, зато хватало стоящей на подхвате всякого рода молодых карьеристов — от комсомольцев до чернорубашечников из РНЕ.

Леонид Синицын — строитель, начальник стройтреста в Могилеве. Как депутат ничем ярким себя не проявил. С Лукашенко сошелся из соображений землячества. «Оба мы не местные...»

Виктор Шейман. Военный, прошел Афганистан, политрук. Последнее место работы — брестский военный гарнизон. На пальцах одной руки можно пересчитать случаи, когда Шейман подходил к парламентскому микрофону. Просто панически боялся публичных выступлений. До того, как прибиться к Лукашенко, он был фигурой тихой и незаметной.

Иван Титенков. Первый секретарь Краснопольского райкома партии Могилевской области. Балагур и заводила. С Лукашенко был знаком давно: «С Сашей много выпили на всяких там партхозактивах».

Дмитрий Булахов. Следователь могилевской прокуратуры. Красавец, любимец женщин, карьерист. Булахов активно стремился к популяризации собственной фигуры, но номенклатурное большинство в парламенте молодость считало серьезным недостатком. По этой причине Булахов и оказался среди таких же молодых, но рвущихся к власти.

Виктор Гончар. Юрист, чрезвычайно амбициозный, самая «неорганичная» фигура в окружении Лукашенко. В отличие от всех остальных, хорошо образован, интеллигентен. За что и был нелюбим коллегами по парламенту.

В общем, серьезной команды, за которой стояли бы структуры и политические силы, у Лукашенко не было. Зато у него было много инициативных помощников. Покровительство молодому политику оказывали и спецслужбы: на него работал заместитель председателя КГБ Валерий Кез и группа подчиненных ему офицеров, по зову сердца пришел к Лукашенко

подполковник КГБ, преподаватель минской школы КГБ, отказавшийся от высоких постов в российской системе ФСБ Урал Латыпов...

Со временем эти люди покинули команду президента. Стойко держатся при Лукашенко лишь Виктор Шейман, обвиняемый оппозицией в организации политических убийств, и Урал Латыпов — фигура настолько многоплановая, насколько и неоднозначная. Латыпов со скромной должности президентского помощника сумел вырасти до министра иностранных дел, вице-премьера, главы Совета безопасности, наконец, — главы Администрации президента. Именно его чаще всего имеют в виду, подразумевая пресловутую руку Москвы, управляющую неуравновешенным белорусским лидером. Латыпова считают едва ли не резидентом российской разведки.

Если же возвращаться в 1994 год, то никто из тех, кто реально помог депутату из провинции стать президентом страны, и не захотел высоких постов. Как покажет время, всех этих людей ждала нелегкая судьба.

Должность премьер-министра была предложена председателю правления «Белагропромбанка» Михаилу Чигирю. До этого он никак не был замечен в политике. Но кредиты «Белагропромбанка», выданные некоторым фирмам во время выборов, странным образом перекочевали к Ивану Титенкову. Денег было не много. Титенков тщательно отсчитывал каждую купюру. Жадничал. И тем не менее новая власть своего благодетеля не забыла.

«Профессиональный финансист-экономист, взрослый человек, опытный, работающий в тяжелой сфере — Агропромышленный банк. Вы знаете, что это за банк, там особенно не накрутишь и не настрижешь купонов», — говорил Лукашенко, представляя премьера.

Все изменилось в 1996 году, когда Александр Лукашенко надумал провести референдум по изменению Конституции и продлению собственных полномочий. Чигирь тогда в знак протеста подал в отставку. В отношении Чигиря было возбуждено уголовное дело. Он провел в тюрьме несколько месяцев. Был арестован и осужден к 8 годам лишения свободы младший сын экс-премьера — Александр. Судебное преследование семьи Михаила Чигиря продолжается до сих пор, из-за чего старший сын вынужден был покинуть страну и перебраться в Германию. И никто теперь даже не вспоминает, как Лукашенко убеждал страну в честности Чигиря. Не помнит об этом и сам президент.

Должность вице-премьера по социальным вопросам досталась Виктору Гончару. «Талантливый, умный, дай бог ему еще стойкости, достоин места

вице-премьера по высшей справедливости, поскольку мы не всегда были справедливы к этому человеку», — убеждал Лукашенко.

Но Виктор Гончар пробыл на посту вице-премьера лишь несколько месяцев. Гончар стал одним из самых ярких представителей белорусской оппозиции, причем, в отличие от остальных, он документировал «прегрешения» президента, методично и целенаправленно собирая материал для импичмента. В 1999 году Виктора Гончара похитили и, по данным независимых источников, убили боевики секретного отряда, связанного с высокопоставленными белорусскими чиновниками... «Что мне было про него рассказывать, если он три раза был у меня в хате. Лукашенко разговаривал со мной и говорил, что не будет ничего дороже, чем Витя. Руки целовал и лицо», — рассказывает несчастная мать Виктора Гончара, вспоминая как приезжал в гости белорусский президент.

«Крупный реформатор белорусской экономики» глава избирательного штаба проигравшего кандидата Вячеслава Кебича — Михаил Мясникович, тот самый, которого Лукашенко обещал посадить первым, также получил пост вице-премьера. Оставить в правительстве Мясниковича — это был в высшей степени мудрый поступок. И справедливый. Сейчас мало у кого остались сомнения, что в период выборов Мясникович служил двум господам.

Несмотря на публичные обещания, данные в КГБ, самого Мясниковича Лукашенко трогать так и не рискнул. Удары наносились по близким к нему людям: большинство были либо лишены своих постов, либо арестованы; рычаги контроля над многими сферами бизнеса, которые Мясникович держал в своих руках, у него под разными предлогами отобрали. Михаил Владимирович терпел все унижения. Затаился. Вероятно, руководствуясь правилом, что предавший однажды будет предавать вновь и вновь. Несколько раз в его окружении обсуждались слухи о том, что Мясникович вот-вот возглавит «номенклатурную фронду». Но этого так и не случилось. «Хороший хозяйственник», начинавший свою карьеру в спецкомбинате по похоронным услугам, Мясникович, поработав вице-премьером, главой президентской администрации, потом будто в издевку был назначен президентом Национальной академии наук. Никто из истинных академиков ничего против этого даже не смог возразить.

«Первым заходом» состоялись и назначения ключевых министров — МВД, КГБ, Минобороны. Ни один из них долго на посту не продержался. Министр внутренних дел Юрий Захаренко, которого Лукашенко представлял как

«человека честного, порядочного, молодого и способного», исчез при столь же странных обстоятельствах, как и Виктор Гончар. Оппозиция, некоторые представители прокуратуры и КГБ, отдельные люди из президентского окружения напрямую обвинили Лукашенко в причастности к этим исчезновениям. Однако следствие по этим делам было приостановлено. Прокуратура ни Гончара, ни Захаренко уже не ищет. «Тысячи людей пропадают, ничего вопиющего в этом нет», — парирует президент на все обвинения.

Иван Титенков поначалу тоже получил высокий пост — управляющего делами президента. И славно на этом посту потрудился. Однако в борьбе за влияние на первое лицо кто-то из особо приближенных неизменно вынужден уступить. Долгое время Шейман и Титенков оставались равновеликими. Они знали «тайну Лиозно», когда произошло знаменитое покушение на кандидата в президенты Александра Лукашенко. Он потом так и объяснял: Титенков и Шейман вместе со мной рисковали жизнью, поэтому я им доверяю самые ответственные посты при президенте. Однако в 1999 году Шейман добился отставки управляющего делами. Сейчас Иван Иванович живет в Москве. Признает, что ему неоднократно предлагали вернуться в Минск. Но возвращаться не торопится. Боится.

Леонид Сеницын сразу после выборов возглавил Администрацию президента Белоруссии, затем был понижен в должности до вице-премьера. Отставка случилась в июле 1996 года. В 2001 году Сеницын пытался выставить свою кандидатуру на президентских выборах, однако бывший друг и соратник «срезал» его уже на стадии регистрации. Сеницу повезло еще, что оставили в живых.

Самый перспективный в команде Лукашенко — Дмитрий Булахов — оказался и самым первым пострадавшим. Булахов мечтал о poste председателя Конституционного суда, и Лукашенко сыграл с ним в «доброе дядю». Кандидатура Булахова была представлена парламенту, но так как президент особо не настаивал, депутаты назначение Булахова не поддержали. «Извини, Дима, — сказал Лукашенко Булахову. — Я сделал все, что мог». Аналитики долго искали глубинный смысл, причины столь откровенного «кидалова». Но скорее всего, никаких хитрых комбинаций не было: «первый парень на деревне» просто не потерпел конкурента...

Наконец, чтобы больше не возвращаться, расставим точки над «i» в упоминавшейся истории о «покушении на Лукашенко», которое на первом этапе его карьеры было определяющим в кадровой политике. До сих пор из

досье в досье, из статьи в статью кочует столь «героический» факт биографии первого белорусского президента, призванный проиллюстрировать накал борьбы, при котором Лукашенко получил власть. На самом деле, скорее всего, в ходе избирательной кампании Лукашенко осуществил рекламный трюк, дабы привлечь еще большее внимание к своей персоне. Цитируем документ:

«Следственным экспериментом, проведенным 17.06.94 старшим следователем по особо важным делам следственного отдела КГБ РБ Таргонским В.М. с участием главного эксперта НКЦ МВД РБ Самца А.Г. установлено, что обстрел автомашины „Мерседес“, в которой ехали народные депутаты Лукашенко А.Г. и другие, из салона обгонявшей их автомашины при условиях, изложенных свидетелями Титенковым И.И. и Шейманов В.В., невозможен. Прокурор по надзору за исполнением закона о национальной безопасности, старший советник юстиции Г.И. Миксюк».

Иван Титенков, кстати, уже после отставки утверждал, что в Лиозно они с Лукашенко в машине были только вдвоем. Шейман, надо полагать, находился в автомобиле, из которого стреляли... Этот эпизод упоминается нами только в качестве предостережения: Александр Лукашенко давно овладел широким набором предвыборных трюков и может переиграть любого соперника.

Но вернемся к окружению главы белорусского государства.

Вопреки ожиданиям, Лукашенко не сразу начал кадровую чистку, и большинство министров правительства Кебича сохранили за собой свои посты. Другое дело, что очень скоро стало ясно: работать с президентом — неблагодарный труд.

Под видом борьбы с жуликами и ворами в Беларуси началась экспроприация собственности: 52 престижных здания в центре Минска были отобраны у их хозяев и переданы Управлению делами президента. Многие предприятия, преобразованные в акционерные общества, вновь стали государственными... Под контроль новой команды были взяты банки и средства массовой информации: в банках просто пересчитали уставные капиталы так, чтобы контрольный пакет оказался в руках государства, а в СМИ сменили практически всех главных редакторов.

В каком-то смысле Лукашенко помогло то, что он не знал правил игры и не хотел их знать. Для него уже тогда не существовало законов. Ни юридических, ни экономических. Так, когда ему пришлось в голову, что цены в

минских магазинах слишком высоки, правительству тут же был дан приказ: «Цены — назад!» Клич народу, естественно, пришелся по душе, но очень скоро из магазинов исчезли многие продукты питания. Люди не забыли многочасовых очередей в 1996 году за сыром или маслом. Тогда правительство было брошено на решение «продовольственной проблемы», а президент начал общение с народом по национальному телевидению. «Возьмусь за яйца — масло пропало», — сокрушался он. На следующий день эти речи цитировала половина Беларуси.

Но речами, как известно, сыт не будешь. Первыми взбунтовались рабочие минского метрополитена. Протестуя против резкого падения оплаты труда и постоянных задержек с выплатой денег, они объявили забастовку. 17 августа 1995 года впервые в Минске поезда не вышли на линию и опять же впервые на всем постсоветском пространстве неполитическая акция была подавлена силой, с помощью внутренних войск и спецназа. Руководителей забастовочного комитета арестовали, бастующих переместили из здания метрополитена в фильтрационный лагерь, зачинщиков судили, а тех, кто их поддерживал, уволили с работы. Всех! Власть не остановило даже то, что управлять поездами в минском метро стало просто некому. Роль штрейкбрехеров на время, пока переучивали машинистов пригородных электричек, выполнили машинисты из России.

К концу 1995 года президент Беларуси созрел для великих свершений, о чем и заявил немецкой газете «Хандельсблат»:

«В свое время Германия была поднята из руин благодаря очень жесткой власти. И не все только плохое связано в Германии с известным Адольфом Гитлером. Вспомните его власть в Германии. Немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло наивысшей точки. Это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента. Я подчеркиваю, что не может быть в одном человеке все черное или все белое. Есть и положительное. Гитлер сформировал мощную Германию благодаря сильной президентской власти. Германия поднялась благодаря сильной власти, благодаря тому, что вся нация сумела консолидироваться и объединиться вокруг лидера. Сегодня мы переживаем такой же период времени, когда нужна консолидация вокруг одного человека или группы людей, чтобы выжить, выстоять, подняться на ноги. Поэтому на этом этапе определяющее, ведущее, я бы сказал, значение будет иметь глава государства — президент...»

Лукашенко говорил совершенно серьезно, но в республике-партизанке, где во время войны с гитлеровской Германией погиб каждый четвертый, столь чудовищными заявлениями возмутилась лишь горстка интеллектуалов. Остальные? Остальные считали: ну, заговорился человек, не подумал, хотел сделать приятное немецкому журналисту и немецким читателям.

А Лукашенко говорил совершенно серьезно.

х х х

Столько всего наворочено, столько копий сломлено, столько растоптано судеб и карьер, но в историю период правления первого белорусского президента войдет как время болезненного, гипертрофированного, нецивилизованного становления президентской республики.

Уже к концу 1994 года началось жесткое противостояние с парламентом: депутаты приняли закон о Верховном Совете, подписать который президент отказался. Тогда, невзирая на возражения главы государства, депутаты приняли закон конституционным большинством голосов, то-есть вне зависимости от желаний президента закон должен был вступить в силу. Не вступил. Более того, Лукашенко заявил о намерении провести республиканский референдум и испросить у народа право распускать Верховный Совет. А помимо этого — о возвращении стране советской символики и экономической интеграции с Россией.

Однако, Беларусь того времени и сегодня — это две, по сути, разные страны: тогда референдум мог назначить только парламент. Началось голосование. Власть давила, убеждала, шантажировала депутатов. Но предложение президента депутаты не поддержали: необходимое количество голосов набрал лишь «российский» вопрос.

Лукашенко был взбешен. Он заявил, что возьмет на себя ответственность за проведение референдума, объявил, что готов взять на себя ответственность распустить парламент.

В знак протеста подал в отставку вице-премьер, юрист по образованию, Виктор Гончар, а часть оппозиционных депутатов объявила голодовку прямо в зале заседаний.

В ночь с 11 на 12 апреля началось маски-шоу с применением силы: под предлогом того, что в комендантскую службу Дома правительства якобы поступило сообщение о заминировании здания, бойцам спецподразделений было приказано «эвакуировать» 19 голодающих депутатов. Депутатов избивали. Александр Лукашенко признал, что команду выдворить депутатов из зала заседаний парламента дал он и лично следил за тем, чтобы никто никого и пальцем не тронули. Следы избиений, тем не менее, скрыть не удалось. Депутатов избивали, выбрасывали из зала, а операцию снимали на видеокамеру. Запись видели глава президентской администрации Синицын и премьер-министр Чигирь, поразились жестокости спецназовцев, и обратили внимание на то, что с балкона зала за погромом наблюдает очень знакомый человек. Неужели — Он? Хотели было сделать копию, но — от греха подальше, передали пленку Виктору Шейману — верному оруженосцу президента. И, все-таки, прокуратура возбудила уголовное дело. Позже старший следователь республиканской прокуратуры Яков Бролишс, которому было поручено это дело, в интервью журналистам рассказал:

«Конечно, я обратился к депутатам, которых выдворили, или, как писала другая сторона, „эвакуировали“... Освидетельствовали всех, зафиксировали наличие повреждений... Мы работали-работали и никак не могли выйти на тех людей, которые присутствовали в зале и принимали участие в выдворении группы депутатов. Но потом все-таки получили такую информацию — официальную, не сплетни, — что в выдворении депутатов принимали участие люди из внутренних войск. Тогдашний главнокомандующий Аголец (позже он стал министром внутренних дел) все это официально подтвердил. Мы их допросили. Конечно, они отрицали, что избивали кого-то, говорили, что выводили под руки. Но одно дело под руки вести, другое — бить дубинками по ребрам, по лицу. Провести какое-либо опознание в отношении людей, которые участвовали в „эвакуации“, было невозможно. Они были в камуфляже и масках — лиц не видно, одни затылки да и те в касках. То есть опознать никого нельзя...»

По делу было установлено, что два эксперта-криминалиста из подразделений МВД снимали все происходившее на видео. Они это подтвердили и сообщили, что пленка отдана представителю Администрации президента. Мы официально обратились туда с запросом. Сначала получали уклончивые ответы, но в конце концов нам выдали пленку — уже на студийной кассете. Запись оказалась в виде смонтированных эпизодов и только до того момента, когда приступили к выдворению депутатов. На все попытки добыть оригиналы кассет мы получали недвусмысленный ответ: нет, все, что было,

уже отдано... Если бы я видел пленку, тогда мы бы в суд пошли с этим делом. Но поскольку пленки нет, некоторые группы (можно так назвать), которые участвовали в выдворении, не были установлены. Хотя, конечно, неофициальные сведения мы получили.

В прокуратуре республики тогда, по крайней мере в некоторой степени, защищали законность и порядок. А где-то наверху, видимо, считали, что мы должны тут же схватить этих оппозиционных депутатов и посадить их в тюрьму, обвинив их в том, что они причинили друг другу эти повреждения и избili милиционеров».

...14 мая 1995 года референдум состоялся. Народ вновь поддержал своего любимца. По всем вопросам Лукашенко получил «за» и добился права распускать парламент.

Тем временем в стране назревал новый конфликт. В 1995 году Конституционный суд целиком или частично отменил 18 президентских указов — из-за их несоответствия главному закону государства. Лукашенко издает незаконное распоряжение о безусловном исполнении отмененных указов, скромно уточняя — «до внесения изменений в законодательство». Изменения готовились глобальные.

8 августа 1996 года Лукашенко официально обратился в парламент с предложением провести еще один референдум, на этот раз о внесении изменений в Конституцию.

В ответ руководители семи политических партий приняли обращение к гражданам Беларуси «Об общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране» и предложили депутатам приступить к сбору подписей о начале процедуры импичмента президенту. Президиум Верховного Совета принимает специальное обращение к мировому сообществу.

«Сегодня в Республике Беларусь под видом проведения референдума идет захват власти и устанавливается откровенная диктатура... В центре Европы осуществляется чудовищный эксперимент массированного воздействия на сознание и подсознание людей монополизированными А.Г.Лукашенко средствами массовой информации. Граждане республики лишены возможности сделать объективный и осмысленный выбор. По существу референдум превращается в фарс... Мы обращаемся к мировому сообществу, главам государств, руководителям парламентов оказать политическую и моральную поддержку парламенту и народу, пережившему за последнее

столетие множество трагедий, потерявшему в мировых войнах миллионы своих сыновей и дочерей. Мы вправе рассчитывать на то, что в Беларуси, в центре Европы, не возникнет диктаторский режим, направленный на ликвидацию института парламентаризма и демократии».

31 августа государственные газеты публикуют президентский вариант изменений Конституции. По нему Верховный Совет преобразуется в Национальное собрание, состоящее из Палаты представителей и Совета Республики. Импичмент президенту можно объявить только в случае государственной измены, причем для этого необходимо согласие трех четвертей сената. Конституционный суд переходит под полный контроль президента. Президент получает право назначать генерального прокурора, судей, половину членов Конституционного суда и его председателя, треть членов верхней палаты Национального собрания и так далее... Президент может распустить и сенат, и Палату представителей по различным основаниям, например, за выражение вотума недоверия правительству... Отсчет пятилетних полномочий Лукашенко начинается по новому — с 1996 года, то есть президентский срок продлевается на два года...

Верховный Совет готовит альтернативный проект Конституции, которым институт президентства упраздняется вообще, а Беларусь становится парламентской республикой.

Тем временем между ветвями власти не утихают споры по поводу того, какой силой будут обладать итоги референдума. Наконец, Конституционный суд признает, что референдум по столь серьезным вопросам не может носить обязательный характер — только консультативный. Власть делает вид, будто вообще не знает ни о каком решении высшего суда страны.

9 ноября 1996 года начинается предварительное голосование по вопросам референдума, а 15 ноября — новый скандал: глава государства отстраняет от должности руководителя Центризбиркома Виктора Гончара

Конституционный суд признает решение Лукашенко незаконным, но тот не обращает на него никакого внимания: солдаты внутренних войск и офицеры из охраны президента выдворяют Гончара из Центризбиркома.

Предварительное голосование по варианту президентской Конституции идет полным ходом. Ни у кого уже нет сомнений, что попораны все правовые нормы и Конституционный суд Беларуси начинает процедуру отставки главы государства.

В Минске в это время проходили многотысячные манифестации оппозиции, одна из которых закончилась серьезными столкновениями с милицией. Впервые за несколько лет на главную площадь Минска — площадь Независимости, выводят спецназ. На ключевых объектах столицы появилась бронетехника. Город напоминает военный лагерь. Депутаты ночуют в здании парламента, которое оцеплено милицией и спецназом. Они боятся уйти из парламента, понимая, что вернуться обратно им уже не позволят.

Из Москвы в Минск срочно вылетели «миротворцы»: Черномырдин, Строев, Селезнев. Начался торг. Долгая переговорная ночь. К утру выяснилось, что президент согласился с консультативным характером референдума, а депутаты отозвали из Конституционного суда свои подписи об импичменте. Виктор Степанович Черномырдин лично засвидетельствовал, что будет так и никак иначе. Но...

Референдум состоялся. Проект «конституции по-Лукашенко» чудом не дотянул до знаменитых сталинских 99,8%. В тех условиях, в которых проходило голосование, впрочем, могло быть и 199%. Поскромничали. Итоги референдума были признаны обязательными. Произошедшее политологи назвали «государственным переворотом». С тех пор в Европе Лукашенко считают нелегитимным президентом, и после 1996 года у него не было ни одного официального европейского визита (за исключением поездки в Югославию к Слободану Милошевичу). Зато Россия не высказала никаких сомнений по поводу полномочий и правомочности г-на Лукашенко.

Сейчас в Белоруссии готовят третий референдум — о возможности третьего президентского срока.

...Напомним, известный ефрейтор Адольф Шикльгрубер пять раз триумфально выигрывал референдумы. Но обижался, когда его называли диктатором.

х х х

Теперь обратимся к некоторым технологическим подробностям государственного переворота в Беларуси. 8 августа, в день обнародования Лукашенко инициативы по проведению референдума, облисполкомы получили директиву, предписывавшую собирать всю информацию о людях, включенных в состав комиссий по проведению референдума. Вот некоторые

вопросы, интересовавшие президентскую администрацию: каковы отношения председателей комиссий с райисполкомом и как относятся члены комиссий и их председатели к политике президента? Было также рекомендовано изучить настроения людей в партиях и проанализировать ситуацию на ряде крупных предприятиях — пользуется ли руководитель авторитетом, как относится к политике президента? По всей властной вертикали вводилась новая штатная единица — заместитель председателя исполкома по вопросам идеологии. По аналогии с райкомами КПСС были созданы специальные подразделения по обработке информации и оперативному реагированию на все «болячки». То-есть, студентам надо обещать повышение стипендии, чернобыльцам — льготы, пенсионерам — высокие пенсии, рабочим — работу. Обещания частично подкреплялись финансами. (После референдума эта система была сохранена).

Лукашенко понимал, что провести референдум и добиться признания его итогов — по своей важности задачи равноценные, поэтому незамедлительно была подготовлена «Программа внешнеполитического обеспечения референдума». Она содержала набор идеологических приемов, которые следовало применять журналистам и дипломатам. Ну, например.

«Общий тон контрпропаганды необходимо сдвинуть слегка вправо и объяснить референдум задачей необходимости ликвидации прежних советских структур власти, мешающих проведению реформ и демократизации».

«Следует однозначно определить Верховный Совет как отжившую социалистическую формальную ветвь власти, неспособную заниматься законодательным творчеством в условиях реформ. Важно отметить, что Верховный Совет присваивает себе функции бывшего ЦК партии, вмешиваясь одновременно в экономику, политику, культуру. Депутаты Верховного Совета используют возникшие проблемы для саморекламы и самообозначения, пытаются присвоить себе prerogatives исполнительной власти, фактически воспользоваться ее правами, не отвечая при этом ни за что. Парламентские критики не участвуют в конструктивной работе. Одним из доказательств этого является то, что в парламенте нет сегодня большинства оппозиции, все фракции объединены в борьбе с исполнительной властью».

«Представляется исключительно опасным брать на себя уже сегодня какие-либо обязательства по вопросу военно-политического блока НАТО, особенно с учетом того, что руководство НАТО заявило совсем недавно, что в случае

принятия ряда восточно-европейских стран в Альянс, на их территориях не будет размещаться ядерное оружие. Ведь этим косвенно руководство НАТО поддерживает инициативу президента Республики Беларусь о создании безъядерной зоны в Центральной и Восточной Европе. Возможны и другие разновидности эволюции блока НАТО. С учетом этого представляется преждевременным руководству Республики Беларусь связывать себя определенными условиями, которые появятся в результате вынесения этого вопроса на референдум».

Получается, Лукашенко серьезно раздумывал над тем, с кем и как заигрывать: предусмотрены реверансы и для России, и для Запада.

Для достижения пропагандистского эффекта (прежде всего с прицелом на Запад) были разработаны и другие меры. В частности, предусматривались публикации во влиятельных зарубежных периодических изданиях ряда статей, представляющих проводимую Лукашенко внутреннюю и внешнюю политику в выгодном для него свете.

Не была забыта и финансовая сторона дела: на обеспечение пропагандистской кампании в зарубежных СМИ выделили 1 миллион в долларах и 500 миллионов в рублях.

У белорусской же оппозиции не было ни выстроенной программы, ни денег. Главным ее козырем на тот момент был человеческий фактор. Против намерения президента монополизировать власть объединились практически все парламентские фракции и внепартийное руководство парламента. К ним примкнули лидеры не представленных в парламенте ведущих политических партий страны, в результате чего расклад сил получился примерно равным. Более того, в ряды оппозиции, традиционно считавшейся в Беларуси националистической, влились те, кто по всем расчетам должен был поддерживать белорусского президента — коммунисты. К ним присоединились предприниматели

Ситуация сложилась напряженная. Власти пришлось пустить в бой «тяжелую артиллерию», окончательно похоронившую все надежды на признание Западом итогов белорусского референдума. Были арестованы счета всех независимых общественно-политических газет, во все белорусские типографии поступил запрет на печатание этих газет, почта и система «Союзпечати» получили указание расторгнуть договоры на распространение независимых изданий. Одновременно в государственных СМИ была начата массированная кампания по очернению оппозиции.

Уметь принять удар и адекватно на него ответить — для политиков очень важно. Белорусская оппозиция на тот момент была слишком разной и ответить на удар не сумела. Она попыталась договориться с властью, затеяв переговоры в рамках «круглого стола». Партийным лидерам показалось, что если они сядут с Лукашенко играть шахматную партию, то смогут ее выиграть...

«Белорусская федерация шахмат обратилась в международную федерацию с инициативой признать новую фигуру — „Президент“, которая ходит, как хочет и берет, что хочет». Этот анекдот родился как раз в 1996 году. Лукашенко было наплевать на переговоры: пока оппозиция думала, что играет в шахматы, противник бил доской по голове. ...

Поняв, что ситуация накаляется и может иметь непредсказуемые последствия, в Беларусь потянулись миротворцы из России: Геннадий Зюганов — от коммунистов, Василий Стародубцев — от аграриев, Егор Строев — от промышленников... Они призывали проявить терпимость, пойти на диалог с президентом, не допустить противостояния в обществе. Воспринималось это несколько странно, поскольку к диалогу призывала как раз оппозиция, а отворачивался от него именно Лукашенко. Приехал в Минск и глава Совета безопасности России Александр Лебедь. Он с «бузутерами» вообще не посчитал нужным встретиться, обменялся с Александром Лукашенко дарственным оружием, сказал пару скупых слов в адрес гостеприимного хозяина и уехал. Диалог, как сообщали осведомленные источники, был примерно таким:

— Москва не допустит силового разрешения конфликта между белорусским парламентом и президентом.

— Но до конца 1996 года из Беларуси должно быть выведено ядерное оружие. Если Москва не поддержит, «Тополя» могут остаться в Беларуси...

Россию белорусский референдум беспокоил значительно меньше собственных проблем: Ельцин болен, операция на сердце, реабилитация... На переговоры в Москву рвались представители обеих конфликтующих сторон, но никто никому не мог сказать ничего определенного. Тогда Лукашенко решает апеллировать к массовости и созывает Всебелорусское народное собрание: ни его статус, ни способ его созыва, ни вообще его существование никак не урегулированы законодательством, но зато по итогам собрания можно было говорить о «поддержке народом его инициативы».

...4 ноября 1996 года Конституционный суд Беларуси огласил свое решение. Судьи признали: референдум не может носить обязательный характер.

Валерия Тихиню, председателя Конституционного суда, называть революционером трудно и потому мало кто ожидал, что он решится открыто противостоять президенту. 6 ноября Тихиня дал интервью «Белорусской деловой газете».

— Валерий Гурьевич, как дела со здоровьем?

— Честно говоря, держусь на таблетках. Врачи рекомендуют лечь в больницу, но, как вы понимаете, сейчас это нереально.

— Как долго продолжается давление президента на Конституционный суд?

— Два года, начиная с осени 1994-го. При том, что, как известно, все наши заключения носят обязательный характер, являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат. Их нужно не обсуждать, а выполнять.

— У нас есть информация, что уже есть и в любую минуту может вступить в силу указ президента о роспуске Верховного Совета, которым он уже страшал депутатов. По достоверной информации планируется приостановить деятельность и Конституционного суда...

— Есть такая информация и у меня...

— Не кажется ли вам, что в сложившейся ситуации, возможно, и лучше, если бы заодно с Верховным Советом Президент разогнал бы и Конституционный Суд. Это сделало бы каждый его последующий шаг нелегитимным на все сто процентов. Иначе говоря, уместен ли здесь принцип «чем хуже, тем лучше»?

— Своим вопросом вы провоцируете президента на этот шаг. Я думаю, что в любом случае это делать нельзя. Наша республика и без того находится сегодня почти в полной международной изоляции...

... Распустить парламент и Конституционный Суд Лукашенко все-таки не осмелился, понимал — председатель парламента Шарецкий и председатель Конституционного суда Тихиня и играют одну партию. Без поддержки в силовых структурах и правительстве они не стали бы рисковать головой. И Лукашенко едет в Москву.

Как заявил пресс-секретарь президента России, 19 ноября Ельцин и Черномырдин обсудили белорусский вопрос. «Президент и премьер

выразили обеспокоенность в связи с ростом напряженности в белорусском обществе и выразили надежду, что здравый смысл и искусство политического компромисса возьмут верх над противостоянием, амбициями и противоречиями политиков». Было также объявлено, что должны состояться телефонные переговоры Бориса Ельцина с Александром Лукашенко и Семеном Шарецким.

Разговор состоялся. Ельцин поддержал «компромиссные» настроения Шарецкого — об отзыве обоих проектов Конституции: и президентского, и депутатского и посоветовал Лукашенко согласиться с таким вариантом разрешения конфликта. Президент Беларуси поначалу попытался вольно интерпретировать беседу с президентом России, прокомментировав ее в том смысле, что Бориса Николаевича, мол, обманывали, а теперь у него открылись глаза. Кремль, однако, это сообщение официально опроверг. Тогда Лукашенко ответил на предложение Ельцина категорическим «нет». И пояснил: «Снятие проекта Конституции для меня равносильно смерти».

И, все-таки, Россия старалась вывести президента братской страны из штопора. Ему предложили приехать в Смоленск для встречи с руководителями России. Лукашенко сослался на занятость. Ситуацию в Смоленске обсуждали Селезнев, Строев, Шарецкий и лидер белорусских коммунистов Калякин. Правительство России представлял вице-премьер Валерий Серов. Позицию белорусского парламента признали конструктивной. Лукашенко призвали к отзыву проекта Конституции и созыву согласительного собрания.

Даже милиция не решалась в эти дни разгонять многочисленные акции протеста. Силы противоборствующих сторон были равны. Утром 18 августа казалось, что маятник качнулся в сторону оппонентов Лукашенко. Именно в это время премьер Михаил Чигирь подписал письмо, адресованное президенту страны: «Считаю необходимым заявить о моем осуждении проводимой Вами внутренней и внешней политики, а также несогласие с уходом от курса экономических реформ. Категорически возражаю против референдума, так как при его подготовке допущены многочисленные грубые нарушения законодательства, исключаяющие свободное волеизъявление народа. Призываю во имя стабильности обстановки в республике отменить намеченный референдум. В противном случае прошу принять мою отставку». Президент принял отставку и не захотел прислушаться к призывам из Смоленска.

В эти дни между Москвой и Минском шли многочасовые телефонные переговоры, но стороны до сей поры хранят молчание о их содержании. Лукашенко не сдавался. И российские миротворцы вынуждены были приехать в Минск сами. В Москве уже понимали, что уговаривать президента Беларуси бесполезно, а потому взялись за председателя Конституционного суда и спикера парламента. Уломали. Когда Шарецкий и Тихиня объявили о том, что согласительные документы подписали, коллеги по парламенту назвали их предателями.

Итоги голосования были оглашены в рекордные быстрые сроки. Президент получил царские, ничем не ограниченные полномочия. Семен Шарецкий вынужден был уехать из страны, Валерий Тихиня не смог устроиться даже на преподавательскую работу...

х х х

Помимо всего, на референдуме 1996 года глава белорусского государства получил и финансовую независимость. От какого бы то ни было закона. В последний момент среди вопросов референдума появился такой: «Согласны ли вы, что финансирование всех ветвей власти должно осуществляться гласно и только из государственного бюджета?» Вопреки логике и данным всех социологических опросов, которые проводились накануне референдума, белоруссы не захотели открытости и прозрачности государственной финансовой системы. Для справки: за месяц до референдума 86,2% избирателей высказывались за гласное финансирование деятельности органов власти. Обнародованный результат — 32,1%. Таким образом, Лукашенко получил все, что хотел.

...Первый же год президентского правления ознаменовался крупной финансовой аферой. Поначалу никто не мог заподозрить ничего странного в громком проекте по выпуску Беларусью памятных золотых монет, посвященных 50-летию Победы. Только никто этих монет так и не увидел. Официальные лица утверждают, что они были доставлены в Беларусь и по сей день лежат где-то в банковских хранилищах, хотя власть вряд ли согласилась бы хранить столь опасное вещественное доказательство. Проект, на который были выделены миллионы долларов, обернулся громким скандалом: «золотые монеты» пошли пятнами и никто уже не поверит, что отлиты они из чистого золота.

Проект запускали глава президентской администрации Леонид Синицын и управляющий делами президента Иван Титенков, которые привлекли к нему «уважаемого зарубежного партнера» — гражданина США белорусского происхождения Иосифа Левитана. Левитан более известен как владелец фирмы «Совтекс» и соучредитель (вместе с Титенковым) фонда «Наследие Чернобыля», который весьма успешно занимался нефтяным бизнесом. Но в данном случае Левитан выступал под другим «именем» — как глава американской фирмы Investors Guaranty Corporation LLC. Золотые и серебряные монеты и пластины на сумму 50 миллионов долларов изготовлены, и в мае 1995 года первая партия монет в количестве 600 штук поступает в страну. Высокие лица говорят о высокой нумизматической ценности изделий — как-никак первые монеты суверенной Беларуси. В общем, вырастили «денежное дерево». Однако уже в октябре на поверхности большинства монет из первой партии проступили пятна непонятного налета. «Порчу» срочно пытаются устранить: в Минск приезжают представители фирмы — изготовителя и кислотой отмывают злополучные пятна. Увы, таинственные пятна проступили вновь. Таким образом, замять скандал не удалось: монеты надо выставлять на продажу, но сделать это невозможно. Лукашенко попытался сделать вид, что он лично к проекту не причастен, и создал комиссию для экспертизы подлинности монет. Выяснилось, что Национальный банк страны вообще ничего о проекте не знал и никаких полномочий на чеканку монет никому не давал. Более того, первая партия монет была ввезена в страну без ведома Национального банка, который задним числом уговаривали признать монеты законным платежным средством. Получалось, что некая коммерческая фирма при покровительстве высоких лиц из президентского окружения провела в стране дополнительную денежную эмиссию, а Национальный банк страны узнает об этом последним. Монеты в его резервные фонды не поступили, на эмиссионных счетах не отражались, в составе денежной массы не учитывались...

Что же касается экспертизы подлинности монет и их реальной стоимости, то сделать это не смогли даже эксперты Центрального банка России. Они лишь сообщили, что нигде в мире подобные сделки не заключаются через посредников, и высказали полное недоумение «белорусским экспериментом». Таким образом, реальные затраты установить не удалось. Тем более что на монетах даже не была проставлена проба металла. Что же это было?.. Эксперты в Беларуси и сегодня пытаются ответить на этот вопрос. По официальной версии, монеты были изготовлены из золота 999,9 пробы, а пятна, проступившие на них — пятна платины, только

увеличивающие стоимость монет. По другой версии — под видом золотых в Беларусь были завезены монеты с добавлением меди. И за фальшивомонетничество на государственном уровне никто наказан не был, ущерб, нанесенный государству, никто не возмещал. Почему? А в 1995 году в стране проходил первый референдум. И политические акции, как известно, стоят недешево. В 1995-м Лукашенко еще должен был просить средства на подобные цели у депутатов. Сейчас подобная щепетильность не требуется. И никто не знает, каким средствами располагает белорусский президент. Самое главное: он никому об этом не обязан отчитываться.

х х х

На основе белорусско-российской дружбе процветал и бизнес россиян. Бывший глава Национального банка Беларуси Тамара Винникова утверждает, что «Беларусь — запасной аэродром не только для российских олигархов, но и для некоторых российских политических партий. У них есть свои материальные интересы, коллективные и личные, есть их доля в имеющейся задолженности Беларуси перед Россией». Кто из российских олигархов начинал бизнес с реэкспорта автомобилей? Борис Березовский. Интересы Березовского сегодня на Белорусском металлургическом заводе. Факт контроля Березовского над БМЗ посредством Клемантовича и фирмы «ЕЛ Петролеум» считается доказанным. А до этого БМЗ фактически управляла орловская группировка, соответственно, Егор Строев был в Минске частым гостем. И, естественно, большим другом Лукашенко и сторонником белорусско-российской интеграции.

Ныне главный поборник российско-белорусского союза — Павел Бородин. Между тем, редакции независимых газет и государственных инстанций завалены письмами от работников БМЗ о том, что в то время, как на БМЗ не выплачивали зарплату, якобы, 3 миллиона долларов были перечислены в качестве залога за освобождение Бородина из-под ареста. Сегодня люди требуют: «Верните деньги!»

Другие «друзья Беларуси» тоже не бескорыстны. Бывший распорядитель президентской казны Иван Титенков однозначно утверждает: «Селезнев со своей командой Лукашенко поддерживают не за спасибо, все это оплачивается». В белорусской прессе даже появлялись сообщения о существовании так называемого «списка Селезнева» — перечня

предприятий, к которым спикер Государственной думы проявляет повышенный интерес.

Что касается Геннадия Зюганова, то никто так и не опроверг заявления покойного генерала Александра Лебедея о том, что Лукашенко финансировал избирательные кампании российской компартии. Правда, в последнее время отношения Зюганова с официальным Минском ухудшились. Вероятно, Геннадий Николаевич опасается, что Лукашенко метит в лидеры национально-патриотического блока России.

Бывшие соратники Александра Лукашенко признают: первый президент, придя к власти, не имел даже приличного пиджака, но за годы своего правления стал весьма и весьма богатым человеком. Предоставим слово тем, кто лучше всех знает белорусского лидера.

Иван Титенков:

— Я его денег не считал. Но Лукашенко — не бедный человек. Можно поинтересоваться хотя бы тем, куда уходила часть денег за оружие, по заниженным ценам переданное за границу? . Я ему когда-то задал такой вопрос, но в ответ услышал: «Не лезь не в свое дело!».

Бывший глава Администрации президента, а в последующем вице-премьер Леонид Синицын и вовсе называет Александра Лукашенко самым богатым человеком СНГ.

— А как же Роман Абрамович, Владимир Потанин, Борис Березовский, Рэм Вяхирев, другие?

Вы меня до конца выслушайте. Все, кого вы перечислили, владельцы серьезных капиталов. Их богатство не в наличных деньгах, а в деле, в акциях, капиталы постоянно в работе, они сильно рискуют. У Лукашенко же другая ситуация. Он продал оружия на астрономические суммы. Здесь счет идет на миллиарды. Именно на миллиарды, а не на миллионы долларов. Эти деньги не пошли в бюджет государства, не пошли в экономику. Лукашенко распоряжается ими, как хочет. Иногда «отщипнет» что-то, например, на ледовый дворец или даст что-то правительству. Многие знают: существует некий депозитный счет, с которого правительство время от времени получает определенные суммы. Что это за счет? Почему выделяют именно эту сумму?... Тут масса вопросов...

Тот факт, что в государственную казну деньги от торговли оружием не поступают, не раз подтверждал депутатам национального парламента и

министр финансов страны Николай Корбут. При этом министр неизменно уточнял, что не знает, где находятся «оружейные деньги». А вот бывший глава крупнейшего банка страны — «Беларусбанка», позже глава Национального банка Тамара Винникова, скрывающаяся в настоящее время в Англии, уточняла даже, где следовало поискать деньги Лукашенко:

— Не верно представление о том, что общество наше очень бедное и никаких денег в государстве нет. Лишь одна сделка, осуществленная фондом Махмуда Эсамбаева и фирмой «Торгэкспо», принесла 4,5 миллиарда долларов чистого дохода. Когда я принимала баланс Сбербанка, 85% валюты отсутствовало и до сих пор ее нет. То есть имеются огромнейшие деньги, но эти они никогда не оформляются на зарубежных счетах на чьи-то фамилии. В крайнем случае — подставные фирмы, чье местоположение можно отследить по вояжам чиновников высшего ранга. Скорее всего это Сан-Марино, куда они чаще всего наезжают, Куба, Объединенные Арабские Эмираты. Обратите внимание — ни правительство Республики Беларусь, ни Лукашенко ни разу не предложили подписать соглашение с Америкой, Англией или, скажем, Германией о том, чтобы в случае возбуждения уголовного дела они представили все данные по вкладам и счетам. Почему? Потому что не выгодно. Вся собственность, все вклады и счета — на подставных фирмах.

— В газетах пишут, что деньги могут храниться в Перу и даже в Югославии.

— Я знаю, что в Югославии до того, как там развернулись военные действия, хранились огромнейшие вклады на счетах фирм. Там хранились личные деньги многих чиновников. Но состоялась поездка в Белград на личном самолете президента, поехала очень большая команда, и эти деньги были оттуда вывезены в наличной форме. Я полагаю, что они и теперь в наличной форме хранятся в домашних сейфах.

— Вы утверждаете, что часть этих денег — личные деньги Александра Лукашенко?

— Я бы сказала так: команды Александра Лукашенко. Потому что вы никогда не найдете ни одной бумаги и ни одного счета, оформленного лично на Лукашенко. Но давайте посмотрим: две фирмы провозили водку и получили 4,5 миллиарда долларов дохода. Александр Григорьевич сам лично делал исключение для них, чтобы они не платили налоги в государственную казну. Он дал отсрочку по уплате, но ничего не уплачено и сегодня. Скажите, если он знает, что получена прибыль 4,5 миллиарда, он что, не знает, у кого

эти деньги? И что он вот так просто подарил эти деньги кому-то и никак не соприкоснулся с этим лично? Я не верю...

— А деньги от продажи оружия...

— Что касается разрешенной законом продажи оружия по контрактам, то деньги проходят сейчас через «Беларусбанк» и отражаются на его счетах. Но никто не мешает создать фирму, которая вообще никак не будет видна в Беларуси, — она зарегистрирована в той же Ливии, в тех же ОАЭ, и это отследить просто невозможно. Во всяком случае, невозможно, пока у власти находится Лукашенко. Как только он уйдет, естественно, это все будет видно. Потому что все равно существуют документы: откуда и что отгружалось, существуют накладные. Потом это всплывет, но на сегодняшний день это практически невозможно

Торговля оружием по-белорусски — это отдельная тема. Достоянием гласности стали пока обрывочные сведения, в которых трудно отличить правду от лжи. Однако, бесспорно то, что после развала Советского Союза в Беларуси оказались огромные военные арсеналы — запасы Западной группировки, которых должно было хватить даже на то, чтобы в час «Ч» обеспечить армии стран Варшавского договора. Распродавалось все это с размахом: какое-то время Беларусь входила в десятку крупнейших поставщиков вооружений в мире, но государственный бюджет этих денег так и не увидел. Поэтому неудивительно, что Лукашенко называют самым богатым человеком СНГ, а независимые эксперты, ссылаясь на собственные расчеты, утверждают, что теневой бюджет Беларуси превышает бюджет официальный..

15 августа 2000 года в эфире радиостанции «Эхо Москвы» бывший председатель Государственного таможенного комитета России Валерий Драганов сообщил об истинной роли, которую сыграла в большой политике скромная белорусская фирма «Торгэкспо».. «Вынужден признать, — сказал тогда Драганов, что объединение „Торгэкспо“, которое было организовано специально под льготы, действовавшие тогда в Беларуси, нанесло огромный ущерб нашему бюджету. И тогда один из членов таможенного союза, в частности, Киргизия задумала быстрее других вступить в ВТО».

А произошло следующее: большой поборник интеграции надумал воспользоваться теми преимуществами, которые давало единое таможенное пространство с Россией. Как-то раз видных деятелей белорусской культуры пригласили на банкет, а под занавес щедро организованного пиршества

предложили подписать письмо на имя Александра Лукашенко с просьбой создать в Минске фонд поддержки белорусской культуры имени... Махмуда Эсамбаева, человека, безусловно, заслуженного человека, правда, но не имевшего никакого отношения к белорусской.. Президент уважаемым людям в просьбе не отказал и поручил премьеру Михаилу Чигирю подготовить постановление правительства, которым коммерческие операции фонда освобождались от уплаты налогов.

Ровно через три дня первые контейнеры с сигаретами, спиртом, водкой пересекли белорусско-польскую границу. Это было как раз то, в чем остро нуждалась белорусская культура... Согласно документам, которые тогда озвучил в парламенте депутат Анатолий Лебедько, часть денег от контрактов должна была откладываться в никем не предусмотренный специальный фонд президента Лукашенко. Новость вызвала скандал, Фонд Эсамбаева быстренько свернул работу, а великий танцор больше в Минске не появлялся. Однако, идея пришлась белорусским властям по душе и была реализована более изощренными способами.

22 ноября 1995 года под номером 220 появляется распоряжение президента с грифом «Не для печати» «О налоговых льготах государственному торгово-экспозиционному предприятию „Торгэкспо“». Льготы представляются для обеспечения белорусского народа дешевыми товарами народного потребления накануне Нового года. Белорусы бы плавали в водке, задыхаясь от дымовой завесы, если бы сумели выпить весь тот спирт и выкурить все те сигареты, которые ввезла компания „Торгэкспо“: в первом квартале 1996 года на долю „Торгэкспо“ приходилось 24% всего белорусского экспорта. И это при том, что работали и МАЗ, и БелАЗ, и Белорусский металлургический завод, страна продавала технику, удобрения, оружие, наконец. Но стихийного бедствия не случилось, поскольку „новогодние подарки для белорусов“ эшелонами уходили в Россию.

Сложно сказать, какую сделку имела в виду Тамара Винникова, когда рассказала о прибыли в 4,5 миллиардов долларов, но как бывший глава Национального банка и весьма близкий в свое время к главе государства человек она наверняка знает, о чем говорит. По крайней мере, в России разразился громкий скандал по поводу белорусской фирмы с «подарками». Фирму пришлось закрыть. Впрочем, Александр Лукашенко признал, что таких документов, как по «Торгэкспо», он подписал десятки.

В конечном итоге по настоянию российской стороны положения Таможенного союза были уточнены, права белорусской стороны урезаны,

контроль за добрым соседом ужесточен. В Минске нервничали, переживали, обвиняли во всех грехах противников интеграции, засевших в окружении российского президента.

Однако вести «простенький бизнес» на дружбе с Россией белорусские власти продолжают и сегодня. К примеру, Россия согласилась продавать белорусам газ по той же цене, что и потребителям Смоленской области — по 29 долларов за один кубический метр. В год Беларусь потребляет около 17 миллиардов кубов газа, но цена за него для потребителей — 49 долларов. То есть, добыть газ и доставить его из Сибири до белорусско-российской границы стоит не намного меньше, чем перераспределить его между белорусскими потребителями. Как же такое может быть? Понятно, что братский порыв союзного государства помог кому-то в Беларуси серьезно обогатиться. Ведь даже если бы в белорусскую казну поступало по одному доллару от этого «навара», сумма составила бы 17 миллиардов. Но денег этих в казне нет. Более того, государственный бюджет Беларуси на 2003 год составляет чуть больше 3 миллиардов долларов.

Таким образом, можно предположить, что в личном распоряжении президента и его структур оказались деньги, значительно превышающие национальный бюджет страны. И продолжается такой бизнес не один год...

Игра в дурака,

или

Кто помог Александру Лукашенко удержаться у власти?

Александр Лукашенко в роли президента страны был случаен. Большинство аналитиков сходились во мнении, что в случае победы Александр Лукашенко не будет знать, что делать с внезапно свалившейся властью. Но первая растерянность быстро прошла. Деньги и репрессии — вот главные составляющие его власти.

Запущенная репрессивная машина, несмотря на кажущуюся простоту, механизм достаточно сложный.

...Накануне Дня республики над страной пронесся смерч, причинивший огромный материальный ущерб и унесший человеческие жизни. В любом

другом государстве в подобной ситуации был бы объявлен траур. Но не в Беларуси.

...Когда в подземном переходе станции метро «Немига» были задавлены 53 человека, Лукашенко успокоил родителей погибших молодых людей: «У каждого из вас один шрам на сердце, а у меня 53 ...» И не принял отставку мэра Минска, посчитавшего себя ответственным за эту страшную трагедию.

...Среди предпринимателей минских рынков прокатилась волна самоубийств, поскольку новые требования налоговых органов просто разорили этих людей, Лукашенко по-прежнему говорил, что наводит порядок на рынках.

Он ездит в пострадавшие от чернобыльской аварии районы и рассказывает о том, что на этих землях можно жить, можно растить хлеб, рожать детей. Но охрана тщательно следит, чтобы президент не ступил ногой на незаасфальтированную землю, а местные власти получают в подарок дорогие авто, на которых президент передвигается по загрязненным территориям. Жизнь из окна президентского «Мерседеса» видится по-иному. Получается как у Сталина: чем ближе светлое завтра, тем у власти больше врагов, а первыми пострадавшими, оказались, как водится, люди из ближайшего окружения.

х х х

Многие помнят заголовки газет того времени — «Ученик посадил учителя». А накануне по национальному телевидению показали, как надевают на ручки на министра сельского хозяйства Василия Леонова, бывшего первого секретаря Могилевского обкома партии, человека, который дал Лукашенко должность в парткоме, заставил окончить Горецкую сельхозакадемию, назначил директором совхоза «Городец», спасал от уголовного дела и отправлял на слеты молодых передовиков...

Одновременно с Леоновым арестовали легенду белорусских аграриев, председателя самого знаменитого колхоза, дважды Героя Соцтруда Василия Старовойтова. За что? Президент, выступая по национальному телевидению, заявил: «Заговор». Затем показали маски-шоу с арестом Леонова: наручники, доллары, разбросанные по столу в рабочем кабинете. «Не по-людски это, — шептались на улице и в служебных кабинетах. -Ну, виноват Леонов — сними

с должности, зачем же арестовывать человека, который тебя в люди вывел!.. Нет, не по-людски...»

Символично, что первыми в ряду «заговорщиков» оказались именно те, кто выдвинул Лукашенко: самый именитый представитель Могилевской номенклатуры и самый известный белорусский аграрник.

Вспоминает Василий Севостьянович Леонов.

— О возможном аресте меня предупреждали, советовали: «Собирайся и немедленно уезжай в Россию». Но, зачем? Я же не сделал ничего преступного, работал на благо своего народа...

Арест проходил предельно буднично.. 11 ноября около 16 часов в кабинет зашел помощник и сообщил: «Там пришли какие-то люди и рвутся к вам с каким-то следственным экспериментом». — Ну, рвутся, так пусть заходят. Вошло человек двадцать с двумя кинокамерами. Что за эксперименты? Следователь Молочков садится и предъявляет ордер на мой арест. Вот тогда я и вспомнил о вчерашнем предупреждении...

Начали обыск. Осмотрели люки для кабелей связи — искали взрывное устройство. Выскребли все ящики, забрали кипу визиток (более 300) моих бывших посетителей, которых потом тягали на допросы. Перерыли все бумаги. Я собрался, вышел из кабинета, и тут в коридоре, уже перед телекамерами, надели наручники».

...Деньги, которые нашли у Леонова — это 195 долларов и 200 немецких марок. Обвинение — огурцы, помидоры, мясо, которые министру везли на дом. В общем, взятки в особо крупных размерах. И четыре года колонии.

Старовойтова тоже посадили. За незаконно съеденные помидоры-огурцы. В сумме получилось что-то около 500 долларов. Тоже колония, тоже срок...

х х х

Однако, Василий Леонов был не первым известным белорусским политиком или бизнесменом, арестованным Лукашенко. Первой жертвой диктатора стал человек, который помогал ему на выборах деньгами — Александр Саманков, президент Первого республиканского инвестиционного фонда, один из самых известных деятелей финансового рынка Беларуси. Для защиты своего

инвестиционного фонда Саманков и «вложил» в предвыборную кампанию Лукашенко. Правда, инвестиции в будущего президента были не очень велики. Как писал активный член предвыборного штаба «батьки» Александр Федута, «сама кампания, проведенная штабом, была потрясающе дешевой — намного дешевле, чем избирательная кампания по одномандатному округу в российскую думу. А ставкой была страна. Даже если поверить, что Саманков подарил будущему президенту ключи от новеньких красных „Жигулей“ девятой модели, это был достаточно весомый вклад в бедного директора совхоза, спускавшегося в гостиничный буфет за бутылкой минералки в потертом спортивном костюме». Сохранился дубликат нотариально заверенной доверенности от 3 мая 1994 года, которой Николай Гуськов уполномочил Лукашенко А.Г., проживающего в деревне Рыжковичи Шкловского района Могилевской области, управлять автомобилем «ВАЗ-2109», госномер 00-58 КС без прав отчуждения сроком на три года. Николай Гуськов — муж родной сестры Саманкова. Он подтвердил, что, действительно, на его имя из личных средств Саманкова купили тогда автомобиль и передали Лукашенко. После победы Лукашенко, фонд Саманкова закрыли, а его самого затем арестовали якобы за попытку дать взятку. Девять лет колонии. Кстати, автомобиль вернули сотрудники службы охраны президента, только когда Саманкова арестовали.

Следующей жертве президента тоже казалось, что ее не посмеют арестовать. Тамара Винникова — в жизни женщина обаятельная, кокетливая, но крутая и коварная в бизнесе. Самые жесткие санкции в отношении белорусских банков связывают именно с ее именем. Под лозунгом борьбы с «серой экономикой» она многих разорила, вынудила уехать из страны. Говорят, президент обещал ей за это пост премьер-министра.

«Я считала, что начинать эту работу должны силовые структуры, отвечающие за безопасность страны. Но нужно знать характер президента...

В конце концов состоялся разговор, во время которого я сказала ему, что меня за эту работу ждет либо смерть, либо тюрьма. Мне была обещана поддержка. Кроме усиления охраны был оговорен еще один важный для меня аспект. Я знала, что уже не раз предпринималась попытка фабрикация против меня уголовного дела, знала, что преград для исполнителей не существует. Знала из опыта и другое: Лукашенко зависит от тех, кто потеряет большие доходы, они очень много помогали ему в избирательной кампании. Его решительность, твердость в период обсуждения сложных вопросов — во многом маска, их нет на самом деле. Безусловно, я понимала, что охрана

меня не спасет. Я просила тогда только об одном одолжении: когда ему будут передавать сфабрикованное, позволить присутствовать, видеть этих людей, дать возможность высказать свое мнение.

Он мне твердо и пламенно обещал. Понятно, что речь в данном случае шла о моей жизни и его кресле. Он меня, по сути, отправил одну в бой для защиты трона, а сам выстрелил в спину. Предал уже через месяц...»

В январе 1997 года Винникова уехала в Италию — для отдыха и медицинского обследования. В Минске перепугались — а вдруг не приедет обратно? Разыскали, успокоили. Винникова вернулась. На приеме у Митрополита Минского и Слуцкого Филарета Винникова и Лукашенко встретились. Он целовал ей руки и в присутствии свидетелей заверил, что слухи о кознях в отношении нее — ложь. На следующий день Винникова была арестована и доставлена в СИЗО КГБ.

А что президент? Он объяснил, что Винникову арестовали ради ее же блага — дескать, охотятся за банкиром какие-то страшные люди.

Следствие не смогло вменить экс-главе Нацбанка ничего вразумительного — нельзя же всерьез признать набор кастрюль «Цептер» взяткой...

Несмотря на настоятельную рекомендацию врачей освободить Винникову, так-как она нуждается в срочной операции, бывшего главного банкира страны продолжали держать в СИЗО. В одиночной камере изолятора КГБ она провела девять месяцев: «В камере нет воды, нет санузла. Мыться можно было только раз в неделю, надзиратели говорили: „Ну пойдем, Тамара Дмитриевна, мы тебя будем мыть“. У меня открылось кровотечение, переодеваться приходилось на глазах мужчин. Обратилась к Лукашенко с просьбой позволить изменить меру пресечения. Он отказал. Я была обречена умирать в камере. Следственные действия шли ни шатко, ни валко, потому что предъявить было нечего. Они ждали, что все кончится моей естественной смертью в изоляторе».

Отчаявшись, Винникова пишет письмо единственному человеку, на помощь которого могла рассчитывать — Ивану Титенкову. Что сказал тот своему патрону и сказал ли что-либо вообще, неизвестно. Но под крупный денежный залог (белорусское законодательство тогда вообще не предусматривало такой формы взаимоотношений с подследственным). Винникову отпускают под домашний арест...

— Мне сейчас легко говорить, имею на то моральное право, поскольку Лукашенко меня не шадил, — объясняет Винникова. — Одиночная камера, пытки, свидания и даже переписка с родными запрещены. Мне не разрешали работать с адвокатами наедине, и самое главное — два года не позволяли сделать срочную операцию. Он знал обо всем. С другой стороны, вот что меня постоянно мучает: когда я говорю о Лукашенко плохо, не задевает ли это честь простых белорусов, признавших его своим кумиром? меня постоянно сдерживает.

Сдерживает Тамару Винникову и то, что в Беларуси в заложниках остается ее сын. Как только появились первые интервью Винниковой, в отношении сына было возбуждено уголовное дело. Обвинение нехитрое: распространение наркотиков...

х х х

Другая история — экс-премьера Михаила Чигиря.

Лукашенко пытался не допустить отставки Чигиря — накануне референдума 1996 года такая политическая акция премьера могла стоить власти и самому президенту. К Чигирю приезжали, уговаривали забыть о случившемся, вернуться в команду Лукашенко. Чигирь ответил отказом. Тогда ему стали мстить. По-мелкому. Сначала лишили премьерской пенсии, потом затеяли проверки законности строительства загородного дома...

Чигирь не стал дожидаться своего «ящика гвоздей», и в 1999 году, когда истекали полномочия Александра Лукашенко, определенные Конституцией 1994 года, объявил о своем намерении баллотироваться на пост президента. Арест последовал незамедлительно, и Чигирь восемь месяцев провел за решеткой по обвинению в экономическом преступлении: дескать, будучи главой «Белагропромбанка» выдал коммерческой фирме кредит, который в банк не вернулся. Цинизм ситуации заключается в том, что кредит, который вменили Чигирю, выдавался в рамках программы помощи кандидату в президенты Александру Лукашенко по рекомендации представителя Лукашенко и на указанную им фирму. Об этом сразу же заявила адвокат экс-премьера и его супруга Юлия Чигирь. Более того, Михаил Чигирь шел в политику весьма осторожно, а потому надежно подстраховался, предусмотрев в кредитном договоре механизмы возвращения денег.

Тем не менее суд состоялся и был скорым. В своем заключительном слове подсудимый говорил, что раскаиваться ему не в чем, а потому использовать последнее слово для просьб о снисхождении отказался. «Абсурдность предъявленных мне обвинений столь очевидна, что я не вижу смысла больше доказывать свою невиновность», — подчеркнул Михаил Чигирь и еще раз подтвердил, что возбужденное против него дело является политическим.

Речь экс-банкира и экс-премьера выглядела не последним словом подсудимого, а скорее как публичное обращение политика к своим сторонникам и преследователям. Самой большой и непростительной ошибкой Чигирь назвал свое вхождение в команду Лукашенко. «Я не был сторонником Александра Лукашенко и не разделял его представлений об экономическом развитии государства, знал, что предвыборные обещания его команды невыполнимы, понимал, что он пришел к власти с помощью голого популизма. Я решил, что все это останется в прошлом, поддался настроению общества, желающего перемен к лучшей жизни», — покаялся бывший премьер. По признанию Михаила Чигиря, взамен на политическое молчание ему была обещана полная самостоятельность в принятии решений, касающихся экономического развития страны. «С преступной легкостью я согласился принять эти предложения», — сознался Чигирь, оправдывая себя тем, что надеялся изменить систему экономического управления государством и «обеспечить белорусам жизнь, достойную их трудолюбия». Однако, президент, по словам Михаила Чигиря, нарушил свое обещание не вмешиваться в экономику уже в первые месяцы сотрудничества. И Чигирь ушел. В итоге экс-премьера обвинили в превышении служебных полномочий и халатности, которые, по мнению суда, он допустил при принятии как раз экономических решений. Приговор — три года с отсрочкой исполнения.

Чигирь не каялся, не просил милости, потому вердикт сочли слишком мягким. В отношении экс-премьера было возбуждено новое уголовное дело. Чтобы добить поднявшего голову политика, арестовывают его сына. Приговор — восемь лет лишения свободы

Сегодня в Беларуси практически невозможно назвать ни одного известного политика, когда — либо критиковавшего Лукашенко, который не отсидел бы в тюрьме от 15 суток до нескольких лет. Нет ни одного известного человека, в той или иной степени не пострадавшего от власти. Людей избивают, шантажируют, выгоняют с работы, лишают средств к существованию, бросают в тюрьмы, издеваются над родственниками, высылают из страны.

Это никакое не художественное преувеличение, это — новый белорусский порядок.

х х х

У тех, кому удалось избежать тюремных камер, истории расставания с Лукашенко не менее драматичны. Одна из них связана с бывшим управляющим делами президента Иваном Титенковым.

— Откуда возникли проблемы в ваших взаимоотношениях?

— С репрессий против близких мне людей, в частности, нескольких серьезных предпринимателей, которые, не нарушая законов, много помогали республике. В первую очередь — Виктор Логвинец... Других называть не хочу: кого-то разорили, кого довели до инфаркта...

Да и со мной он работал так же. Идем, к примеру, по реконструируемому стадиону, и президент распределяет, кому что надо сделать, как финансировать... А мне показывает самый сложный объект — козырек, где правительственная ложа.

— Этот объект — тебе.

— Хорошо, а деньги где взять?

— У тебя столько друзей-предпринимателей... Решай!

— Каплей, переполнившей чашу вашего терпения, стал, очевидно, арест бизнесмена Виктора Логвинца?

— Когда его арестовали, я испытал настоящий шок. Он за пять лет работы до миллиона долларов отдал в собственность государства. Мало того, за его счет приобретались личные вещи для Лукашенко — одежда, обувь, все остальное... Поначалу я решил уволиться, пошел к президенту. Он стал на меня орать. Позже я еще раз поднимал, возвращался к этой теме, и однажды он заявил мне: Логвинец сидит в тюрьме вместо тебя.

Потом, когда против Логвинца ничего не нашли, его отпустили. Но, кажется, Лукашенко не мог пережить, того, что на этот раз получилось не по его хотению. И вот 3 декабря был издается указ: за неоднократное невыполнение указаний президента управделами Титенкову объявить полное служебное

несоответствие. Такой юридической формулировки не существует вообще. Думаю, он ожидал, что я поползу к нему на коленях, как это делают некоторые, и буду просить о милости. Но я написал заявление и ушел. Мои заместители тоже. Поехал в родные места, побывал на могилах родных. Потом сел в машину и уехал из Беларуси. Вслед запустили информацию, будто Титенков ударился в бега. Через врача президента, Ирину Степановну, договорился о встрече с ним. Сказал — уезжаю из Беларуси, но если буду нужен — всегда можно найти.

— Я знаю, Иван, что ты порядочный человек... Езжай. На том и расстались».

Расставание, однако, оказалось непростым. Вслед переехавшему в Москву Титенкову были брошены обвинения в краже 42 миллионов долларов. Президент не унимался. Все шло к тому, что Титенкова, Логвинца и примкнувшего к ним генпрокурора Олега Божелко (он работал инструктором Могилевского обкома партии у Леонова) будут «заводить на посадку». Но 20 июня 2001 года супруга Титенкова через белорусские СМИ обратилась к Александру Лукашенко с открытым письмом.

«Александр Григорьевич! Вчера, 25 июня 2001 года, поздно вечером мне позвонили из Минска и сообщили о том, что Вы, г-н президент, якобы дали указание генеральному прокурору Республики Беларусь Шейману В.В. следующего содержания: „Если не сможете разобраться с Титенковым, то у него есть дети, семья. А если не знаете, где они проживают, то спросите у меня“. Как мне сказали, от этого поручения генеральный прокурор побледнел, но принял его к исполнению... Я решила, чтобы не произошло неисправимое, срочно обратиться к Вам, Александр Григорьевич, с просьбой: пожалуйста, отмените это бесчеловечное поручение, не берите грех на душу!

Трудно представить, какую судьбу уготовил генеральный прокурор моим детям. Может быть, кто-то из них окажется в тюрьме за наркотики или за ворованные запчасти, а может быть, их похитят, чтобы сломить неугодных родителей, или все окажется еще страшнее. Сердце болит, а разум отказывается понимать это.

За свою сознательную жизнь я не припомню такого случая, когда президент какого-либо государства давал указание преследовать детей своих сограждан. Я постоянно склоняюсь к мысли, что кто-то — никчемный, жестокий человек — надумил Вас, толкнул на такой необдуманый шаг. Не секрет, такие люди есть рядом с Вами.

Александр Григорьевич, отмените свое решение! Оставьте моих детей и мою семью, которую вы так хорошо знали, в покое! Опомнитесь, прошу Вас! Галина Титенкова.»

Титенковой удалось упредить удар и президентский гнев пошел на убыль. Возможно, правы те, кто уверяет, что женщины имеют на главу белорусского государства неограниченное влияние. А, может, стыдно стало, ведь Ивану Титенкову он был обязан очень многим...

За простых людей Лукашенко не стыдно. Участницу антиядерного шествия Галину Кунину били головой об асфальт, глухонемого от рождения Лесуна бросили в тюрьму за то, что он выкрикивал антипрезидентские лозунги и выражался нецензурной бранью, Сергея Гусака выволокли из постели, проломили голову, бросили в тюрьму и только через неделю поняли, что это не тот Гусак. А ему уже было все равно — он уже умер. Об этих людях Лукашенко даже не вспоминает.

х х х

Известно, президент Беларуси любит регулярно «ператрахивать» свою команду. Говорят, он мстителен, подозрителен. На самом деле ему нужно видеть унижение человека, важно получить компромат на людей, которым доверяет высокие государственные посты, и чтобы чтобы вне команды человек не представлял из себя ничего.

...Министр обороны Леонид Мальцев выступал на юбилейном вечере Минского мединститута. Лукашенко показалось, что генерал пьян, и как только Мальцев покинул трибуну, глава государства объявил: «Перед вами выступал бывший министр обороны...» Прошло несколько лет, и Мальцев вновь возглавил белорусское военное ведомство. Пережитый позор не остановил генерала.

...Министр транспорта Александра Лукашов в свое время был коллегой Лукашенко по парламенту. Но в отличие от своего шефа не разорвал отношений с ушедшими в оппозицию депутатами. Тогда Лукашова стали «забывать» приглашать на важные мероприятия с участием президента, с ним «забывали» продлевать контракт. Наконец, Лукашенко, став президентом во второй раз, попросил Лукашова исполнять обязанности министра, но «забыл» подписать указ о назначении. В конечном итоге

Лукашов был отстранен от должности с «волчьим билетом» — он не мог устроиться на работу, открыть собственный бизнес. От безысходности Александр Владимирович выбросился из окна.

Есть и другие примеры: Василий Новиков, Дмитрий Булахов, Петр Кравченко — люди, в недалеком прошлом открыто оппонировавшие Александру Лукашенко. Они признали свои ошибки, покаяться и получили дипломатические должности. Изощренное коварство — вот что движет главой белорусского государства в кадровой политике: одного унижить (министр промышленности Александр Куренков отправляется в отставку публично, во время телетрансляции заседания правительства), другого возвысить (Егор Рыбаков, розовощекий мальчик из небольшой могилевской газеты, возглавляет национальную телерадиокомпанию)...

В белорусской элите есть только три человека, позиции которых за эти годы неизменно усиливались. Но тенденция такова, что чем выше взлетели эти люди, тем больше им будет падать. Поскольку они уже начали между собой борьбу за выживание...

Урал Латыпов — глава президентской администрации. Подполковник КГБ, специалист по международному терроризму. Гражданин Беларуси российского происхождения, семья которого с недавних пор живет в России. Начинал карьеру при Лукашенко в качестве помощника по международным делам. Стал министром иностранных дел, вице-премьером. Затем, вопреки собственному желанию, был назначен главой Совета безопасности республики. Вынудил Лукашенко отменить это кадровое решение и стал главой Администрации президента. Его коварство до сих пор не оценено по достоинству. Тихий, незаметный, вкрадчивый он словно удав обвивает своего противника и неожиданно резко удушает. А потом мягко улыбнется и тихо объяснит, что его, мол, вынуждают так жить, а в душе он — не монстр, очень даже порядочный и честный человек. Считается, что Латыпов — это и есть та самая рука Москвы, с помощью которой российское руководство управляет маловменяемым белорусским лидером. Лукашенко сей факт уже откровенно тяготит. А потому все больше документов проходит в обход Латыпова, все чаще по правую руку от президента восседают другие люди, все острее накал борьбы с другим президентским фаворитом — Виктором Шейманом.

Для цивилизованной страны Шейман — алогизм. Человек, не имеющий юридического образования, стал генеральным прокурором! Но для Беларуси такое назначение в общем-то логично: здесь правит не закон, а президент, и

Шейман служит президенту. Поговаривают, будто было время, когда отношения главы государства со своим оруженосцем испортились. Виктор Владимирович, вроде бы, клялся в верности, утверждал, что его оклеветали и грозил застрелиться. На эмоционального Александра Лукашенко это произвело впечатление. И он стал доверять Шейману самые конфиденциальные поручения. Шейман, будучи главой Совета безопасности, регулярно «разоблачал» антипрезидентские заговоры и «предотвращал» покушения на главу государства. Став генеральным прокурором, продолжает поиск врагов и предотвращает «организованное сопротивление». Несомненно, имеет компромат на всех, более — менее значимых политических фигур, включая в том числе первое лицо государства.

Шеймана опасаются все, даже единственный друг Лукашенко Владимир Коноплев, вице-спикер нижней палаты белорусского парламента, которого президент, тем не менее, держит на коротком поводке. Коноплев и Лукашенко выросли, можно сказать, на одной печке. Зажиточная семья Коноплевых не однажды подкармливала безотцовщину — Сашку, и он не однажды ночевал в доме своего друга Вовки. Завидовал ему — более устроенному, более благополучному. Когда в родном для обоих Шкловском районе Коноплев набрал голосов больше, чем сам президент, Лукашенко это не понравилось. Когда депутаты решили выдвинуть Коноплева на пост спикера, Лукашенко это не одобрил. Видимо, завидует до сих пор. Правда, жена Кополева умело сглаживает все разногласия между друзьями.

Лукашенко вообще не терпит рядом с собой самодостаточных личностей, боится конкуренции. Поэтому правительство при нем превратилось в безликое молчаливое болото, не способное к принятию самостоятельных решений. Все важные решения президент принимает лично, даже если речь идет о приватизации какого-нибудь мелкого пивного завода. Но у него всегда есть возможность найти виновных в недостатках и недоработках — молчаливые министры все время под рукой.

х х х

Наблюдать за президентом Беларуси интересно. Эволюция этого человека в некотором смысле феноменальна. Неопрятный, с потешным зачесом, до воцарения он вызывал больше симпатий, чем сегодня, облаченный в дорогие костюмы и галстуки. Лукашенко разучился улыбаться. Даже в минуты своего

триумфа он не может скрыть настороженности. Молчит, смотрит в одну точку, затем резко поднимает бровь и — внезапный, жесткий взгляд в сторону. Он постоянно ищет врагов: в среде оппозиции, журналистов, в России, в Америке... Его ближайшее окружение теории заговоров поощряет, поскольку запуганный президент менее адекватен. Он искренне верит в то, что на его жизнь покушались и не однажды. В Беларуси есть даже осужденные за попытку организации убийства первого белорусского президента. Хотя вина этих людей заключалась лишь в том, что их угораздило снять квартиру в доме, из окон которого видно, как президент выезжает из своей резиденции в Дроздах. В результате штаты президентской Службы безопасности расширены до небывалых размеров: нескольких тысяч человек. Эти люди неуправляемы: один президентский охранник убил собственного отца, другие — устроили стрельбу в центре Минска, третьего с трудом «отмазали» от обвинения в похищениях и убийствах людей... Это только те скандалы, которые не удалось скрыть. Лукашенко своей охране прощает все — работа такая, неудивительно, что нервы сдают.

Хотя, не очень-то понятно, откуда у охранников нечеловеческие нагрузки. Президент на работе давно не убивается. Вот, к примеру, что рассказывает Иван Титенков, который на протяжении нескольких лет виделся с Лукашенко ежедневно:

— Первое время какое-то рвение еще можно было видеть, но потом, почти все 5 лет и 5 месяцев, которые я провел рядом с ним, он работал не более трех-четырёх часов в сутки. Приедет, первым делом выслушает доклад службы безопасности, затем встретится с прессой, вызовет кого-то с отчетом... На этом работа кончается, примерно в два часа дня. Потом в Дрозды (там находится президентская резиденция. — Авт.) А там теннис, хоккей.

После ухода из власти Ивана Титенкова теннис белорусский президент забросил. Зато к увлечениям добавились футбол и лыжи. Летом ездит на роликовых. В общем, совсем времени не остается. Создается впечатление, что ему в Беларуси уже неинтересно — размах не тот. Ни тебе атомного оружия, ни подводных лодок.

Россия и Кремль — вот главная мечта белорусского президента. «Мы еще до Кремля дойдем», — говорил Леонид Сеницын в бытность главой президентской администрации. «Он мечтает только о Кремле», — говорит Сеницын сегодня.

х х х

В принципе то, что Лукашенко проделывает с Беларусью, называется политическим сутенерством. Все годы правления он торговал суверенитетом страны оптом и в розницу. Другой вопрос, что он не тот человек, который уступит хоть толику собственной власти, даже если речь идет о идее единения славянских народов. Здесь важно понять причины, по которым Александр Лукашенко решил играть роль «второго номера» в белорусско-российском союзе.

Сегодня уже очевидно, что белорусско-российский союз — это широкомасштабная политическая спекуляция. Миф о белорусских националистах, готовых выселять из страны русских — плод государственной идеологической профанации. Белорусский народный фронт, которым официальный Минск умело пугал Москву, — это организация, весь экстремизм которой состоит в отстаивании государственной независимости и праве белорусов на историческую символику и свой язык. Начав кампанию по закрытию белорусскоязычных школ, глумлению над бело-красно-белым флагом и гербом «Погоня» — историческими символами Беларуси, Лукашенко возродил БНФ к жизни. Умело манипулируя понятиями, он спровоцировал радикальные настроения у небольшой части интеллигенции, а потом стал этим пугать Москву: дескать, вот кто может прийти вместо меня. Вряд ли Лукашенко в то время имел претензии на Кремль. Скорее всего, в 1996 году, накануне печально известного референдума, он просто страховался, обеспечивал себе поддержку Москвы. Ведь не поучаствуя в тех событиях Чернобырдин, Селезнев и Строев, Беларусь сегодня могла иметь другого президента.

Расклад московских аналитиков тоже понятен. Борису Ельцину, инициатору беловежских соглашений, чтобы быть избранным на новый срок, необходимо предстать в новом качестве — собирателя земель. К тому же, мифическое союзное государство дает возможность обмануть время и вести отсчет президентских полномочий как бы с нуля. Вот и сошлись интересы «беловежского зубра» и «шкловского идола». В результате 2 апреля 1996 года Ельцин и Лукашенко подписали документы о создании Сообщества Беларуси и России. Потом были договоры о создании Союза двух государств, Союзного государства... Соборная площадь Кремля, звон колоколов,

фанфары... Лукашенко — блестящий актер, нутром чувствует настроение толпы. Выпивает шампанского и картинно взмахнув рукой разбивает фужер об пол...

Точных свидетельств того, что Александру Лукашенко был обещан пост президента России, нет. Только косвенные. Да и Ельцин, как известно, не однажды называл кого-либо своим преемником, чтобы потом отстранить, отодвинуть, забыть. Так произошло и с Александром Лукашенко. В этом смысле мистическим выглядит эпизод на церемонии подписания договора о создании союзного государства. Помните, Борис Ельцин, произнося тронную речь, долго искал последнюю страницу. «Конец что ли?» Когда шеф протокола помог справиться с листами, Ельцин, наконец, увидел заключительную фразу: «Уверен, что наши действия по достоинству оценят наши потомки».

Похоже, это действительно был конец.

х х х

Было время, когда Лукашенко объезжал российские регионы как хозяин и даже в Москву приезжал-жизни учить. Вот стенограмма его выступления в Государственной думе России 27 октября 1999 года. Тогда Лукашенко разыграл спектакль, наделавший много шума, но своей цели достиг.

«Уважаемый председатель Государственной Думы, уважаемые товарищи, дамы и господа! К сожалению, господ я по-моему не вижу. (Оживление в зале, аплодисменты).

Селезнев. — Они сидят в кабинетах и смотрят трансляцию с интересом.

Лукашенко. — Ну, хоть и так хорошо, пообщаемся и так.

Уважаемые друзья!

Вы знаете причину моего визита в Государственную Думу, высший законодательный орган братской великой России... Да, действительно, с этой большой трибуны началась, как ни верти — ни крути, большая жизнь в большой политике человека, который сегодня стоит на этой трибуне. Тогда еще совсем юным председателем антикоррупционной комиссии по приглашению аграрной депутатской группы Николая Харитонов, я это все

хорошо помню, я приехал к вам для того, чтобы рассказать ситуацию в нашем государстве. Надеюсь, вы это помните: я был абсолютно искренним и говорил тогда то, что было у нас в стране. С таких же позиций, с таких же подходов я приехал сегодня выступить перед вами и рассказать вам не только о том, что происходит в братской, надеюсь, братской вам стране...

Для вас это последняя сессия этой Государственной Думы. Для меня, для белорусского народа — великой Государственной Думы. Потому что никогда, никогда, ни разу за истекшие четыре года этот состав Государственной думы, вы, уважаемые и дорогие депутаты, не предали Беларусь... И это основная причина моего приезда сюда, чтобы от всей души от себя лично поблагодарить за защиту первого президента, за защиту белорусского народа...

Напомню тем, кому удобно об этом не вспоминать, что сразу после убедительной победы на референдуме 1996-го года я не стал охотиться на ведьм. Я снова и снова пытался избежать конфронтации, постарался не отторгнуть даже тех, кому люди отказали в своем доверии. Тогда я им просто сказал: «Нас народ рассудил, давайте работать вместе». Так и произошло...

И когда в 1996 году прошел референдум, в одной из статей победившей Конституции было записано четко: сегодня начинается отсчет полномочий всех избираемых органов власти. Мы подвели окончательную черту, сформировав государство. И таким образом получилось на полтора года де-факто продление полномочий всем без исключения: и Лукашенко, и парламенту, и высшему нашему законодательному органу, и местным Советам, которые мы не разогнали и которые функционируют во всем. Об этом же никто не говорит, а говорят так: Лукашенко разогнал парламент и продлил себе полномочия, Лукашенко нелегитимный...

Мы в состоянии прокормить свой народ сами, не ходя на поклон к зарубежному дяде. Да, быть может, не все отрасли нашей промышленности работают достаточно эффективно, но в Беларуси нет сегодня уголовно-криминальной экономики, нет и никогда не будет. Ведь до чего договорился господин Явлинский? Беларусь «черная дыра» в экономике России? «Черная дыра»? Какая? До 80 процентов белорусской продукции продавалось на вашем, российском рынке. Не распределялось, а именно продавалось россиянам...

Ну неужели нельзя сесть и подумать над простыми вещами? Что, у Лукашенко нет другого выхода, он не может вспять повернуть страну и

пойти на Запад? Как многие недавно были после нашего, Геннадий Николаевич, совещания в Минске, когда я говорил, что мы вынуждены сегодня нормальные отношения устанавливать на Западе! Потому что чем ближе мы к России, тем больше мы получаем пинков. Чем ближе мы к вам, на расстоянии протянутой руки, — мы подаем вам руку (я цитирую сам себя, когда вам об этом говорю), а нам бросают в эту руку камень. Ну, как же так?

Мы вынуждены были хотя бы успокоить Запад, потому что давление страшное. Страхное давление! Вы не представляете, мы оказались как бы между молотом и наковальней. Долбают оттуда, долбают отсюда! Ну, ладно меня долбают, понимаю, выдержу, но народ-то при чем?!

Я недавно был на Ближнем Востоке, который был оплотом Советского Союза и который сегодня уже захвачен другими государствами. Я разговаривал с людьми, которые не чета мне, постарше меня, которые видели всю историю: и с Хафезом, и с Мубарекком встречался — со многими. И они мне прямо сказали: «Что вы делаете?» Вы, говорят, нас подняли из пепла, поставили нас во весь рост (и действительно, развиваются эти государства!) и бросили тогда, когда мы уже готовы были работать на вас, ну хотя бы долги отдать! Зачем мы ушли с тех рынков? С оружием, с нашими промышленными продуктами, даже продуктами сельского хозяйства. Зачем? Кому это было выгодно? И они говорят: вы нас просто предали. Это мне в глаза было сказано, и мне пришлось оправдываться. И последнее, что сказал Хафез Асад, провожая меня: «Запомните, мне недолго осталось, вы, молодые политики, там у себя разберитесь. Мы еще вас ждем!»..

Зачем мы это делаем? Видите ли, конверсию устроили. Давай, ломай, давай, все грабь! Зачем нам «Тополя», зачем нам «Су2 самые новейшие? „Су-32“, по-моему, вы уже сегодня выпускаете (кажется, я один экземпляр этот видел — новейшее оружие). Зачем сегодня автоматы, гранатометы (недавно с Калашниковым встречался), зачем? Давайте кастрюли, тазики будем делать! То ли пластмассовые, то ли алюминиевые и так далее.

И начали делать кастрюли. Но вы что думаете, они без оружия остались? Там не наше сегодня оружие и не наша политика...

До какого позора дошла Россия! Недавно приезжает Герой Социалистического Труда (не буду называть фамилию), выпускающий продукцию ВПК с 800-процентной рентабельностью. 800 процентов при реализации! «Александр Григорьевич, помогите продать, только вы можете

помочь, вот туда, туда, туда». Я говорю: «Да вы что, напрямую не можете продать? Да, не можем».

Так что вы делаете? Ну, кому это выгодно кланяться? Зачем вы стоите на коленях перед этим жульем из МВФ? Зачем вы перед ним встали на колени?!

(Аплодисменты).

Они сегодня держат вас на крючке за 600 миллионов. А один комплекс С-300 стоит 550 миллионов. Продайте два! Продайте и решите эти вопросы!

(Аплодисменты).

Я недавно (не могу не сказать об этом с возмущением) был в Калининграде. Пробыл в портах, оговорил с людьми, с рабочими. Порт, рассчитанный на 6 миллионов тонн перевалки, 2,5 миллиона переваливает. Куда вы везете свой товар? В Латвию? Латвия ближе, чем Калининград? Зачем вы это делаете? ...

Я был недавно, по-моему, в Новосибирске на одном оборонном предприятии. Мы зашли туда, где делали последний, наверное уже, спутник, искусственный спутник. И ко мне подошла женщина, которая полтора года не получает заработной платы (полтора года!), и говорит: «Президент, ну мы еще потерпим, но вы, пожалуйста, договоритесь с нашим президентом. Нам стыдно смотреть на эту политику унижения. Ну разве мы заслужили, чтобы о нас ноги вытирали?» Это она, простая женщина с отверткой, рабочая, подошла и мне об этом говорит: что это за политика? И мы сегодня еще думаем, нужен этот Союз или не нужен? А как американцы на это посмотрят а как западноевропейцы на это посмотрят?

Сегодня уже Мадлен Олбрайт кричит на весь мир: «Что вы там творите внутри России?» Почему не кричали, когда взрывали дома? Сегодня Иванов, по-моему, из Парижа звонит, оправдывается перед этой мадам. Что ты оправдываешься перед ней? Что ты перед ней оправдываешься?

(Аплодисменты. Реплика из зала — «Вроде, молодая еще». Лукашенко: «Ну молодая, так там мужиков хватает, не волнуйтесь, достойных». (В зале смех и оживление)...

Мы хотим объединяться с вами не ради того, чтобы быть нахлебниками. Но мы политики, нас народы избрали для того, чтобы мы что-то сделали великое... И мы хотим нормально жить вместе с вами. И потом, что я вас уговариваю? Представьте перед собой карту России. Просто будем говорить. Прибалтика ваша? Нет. Украина ваша? Нет. Средняя Азия ваша? Нет. Где, вы

говорите, цивилизованный мир? На Западе. Так через кого вы сегодня общаетесь с этим цивилизованным миром? Через Беларусь...»

И далее в том же духе: единственное спасение для всех, панацея от всех бед — Союз. Он просто издевался над народными избранниками, запудрил им мозги, умело перемежая вымысел и откровенную чушь со здоровыми призывами и великодержавными сентенциями.

К белорусской части доклада комментарии излишни. Но ни в одной стране мира не потерпели бы, чтобы президент другой страны выступая в законодательном органе, указывал, как возить грузы, кому должен, а кому не должен звонить министр иностранных дел, с кем и как торговать! Популизм на грани фола. После таких речей заезжего гостя могли бы и вышвырнуть. Неужели он этого не понимал? Понимал, конечно. Но рисковал, потому что видел цель.

Иван Титенков, хорошо знающий своего бывшего патрона и тайны «минского двора» говорит однозначно: «Никогда Лукашенко не был другом России. Лукашенко хотел возглавить объединенное российско-белорусское государство. Поэтому одно время он из российской глубинки не вылезал. Путин даже его как-то спросил: „Александр Григорьевич, а что вы перестали по регионам ездить?“ Тот не знал, что ответить. Лукашенко все это делал, чтобы сменить Ельцина в Кремле... Лукашенко дар речи потерял, когда узнал, что Путин стал главой России, и даже поздравил его не сразу. Никогда он Путина не простит. Хотя президент России не нуждается в этом „прощении“.

В качестве иллюстрации к словам Лукашенко о том, как он заботится о российской экономике, приведем рассказ бывшего главы Национального банка Тамары Винниковой. Она ведь формально должна была оплачивать белорусские долги за поставленные в страну российские нефть и газ. «Беларусь практически никогда вовремя не платила за топливно-энергетические ресурсы. Мы платили только тогда, Россия загоняла нас в угол. Мы постоянно были должны от 300 до 500 миллионов долларов. И когда нам наступали на горло, мы платили. И Александр Лукашенко разыграл такой спектакль. Он говорил, что на совещаниях с руководителями предприятий, с участием журналистов и т.д. он будет очень сильно ругать национальный банк и чиновников. „Вы должны слушать, но как не платили, так и не платить“. Российские олигархи давят на него, где деньги?! Он им обещает рассчитаться. Назавтра созывает совещание и говорит мне: „Ты платить не будешь, как платили 3 миллиона, так и будем платить. Но я

сыграю такой спектакль“. Все было разыграно как по нотам: „Да как это можно, да мне стало известно, что вы не платите за ресурсы. Долг уже 500 миллионов. Как вы могли такое допустить, там же люди. Сегодня же, немедленно заплатите, до конца года чтоб расчеты были завершены“. Мой офис находился в 5 минутах езды от офиса президента, и когда я вернулась в приемную, уже все министры стояли с бумагами, с сотовыми телефонами, со списками, куда надо платить. Я заходила в свой кабинет, они выстраивались в очередь, заходили, садились эти министры: „Вот, Тамара Дмитриевна, списки, нужно платить“. А я говорила: „Я платить не буду“. „Как? Лукашенко же сказал!“ — „Лукашенко сказал — пусть Лукашенко и платит“. Поскольку этот спектакль продолжался неоднократно и был прекрасно отрепетирован, то российские олигархи быстро разобрались, в чем дело. И все-таки газ отключили. Отключили газ, холодно, правительство заволновалось и поехало в Москву, в Газпром. Привезли туда письмо Лукашенко, что с завтрашнего дня начинаем платить и до конца года все долги заплатим. В Газпроме отвечают: „Вот мусорка, положите, пожалуйста, это письмо. Уезжайте, привезите письмо за подписью председателя Национального банка. Потому что мы видим, что страной управляет председатель, а не президент“. Они позвонили Лукашенко, и сказали, что ваше письмо они не признают, а они хотят письмо председателя национального банка. Меч над моей судьбой был занесен. Он позвонил мне и приказал, чтобы я написала такое письмо. Я сказала, что я такое письмо писать не буду — я не буду врать. Он сказал: „Я вру — и ты врешь“. Буквально через несколько дней меня арестовали, потому что вынести этого Лукашенко не мог».

х х х

Пока известны далеко не все комбинации, которые разыгрывал Александр Лукашенко, пытаясь взобраться на российский трон. Известно, что в 1997 году, пока Ельцин оправлялся после операции, белорусская сторона подготовила проект договора, согласно которому первая должность в белорусско-российском государстве является сменной: два года союзом управляет один президент, следующие два года — другой. Не будь Чубайса, Ельцин, скорее всего, подписал бы такой договор. Церемонию подписания задержали в самый последний момент. Из Минска прилетел Лукашенко с уже завизированным вариантом договора. В аэропорту белорусскую делегацию и

встречавшего гостей Евгения Примакова, тогда министра иностранных дел, развели по сторонам, последний лист договора вытащили, и переписали, выбросив опасный пункт. На церемонии официального подписания документа на Лукашенко было жалко смотреть...

После случившегося Ельцин отстранил от должностей тех, кто с российской стороны готовил этот злополучный документ — в частности, своего помощника по международным делам Дмитрия Рюрика... Едва не лишился своего поста и министр иностранных дел Примаков, большой сторонник объединения с Беларусью. Как свидетельствуют очевидцы, Ельцин просто не захотел выпускать Примакова — достаточно сильного на тот момент игрока — из сферы своего контроля.

Вот как вспоминает о произошедшем первый президент России в своей книге «Президентский марафон».

«Задание подготовить более полный интеграционный договор было дано главами государств еще в 1996 году. И в начале 1997-го такой договор действительно появился. Подготовлен он был группой во главе с вице-премьером Валерием Серовым, отвечавшим за вопросы интеграции в правительстве России. С белорусской стороны проект договора был завизирован министром иностранных дел Иваном Антоновичем и главой администрации белорусского президента Михаилом Мясниковичем. Текст договора был направлен двум президентам.

...Вот тут-то и выяснилось, что устав нового союза совершенно не соответствует тем идеям, которые были одобрены мной при обсуждении концепции будущего союза. Это был новый устав, составленный главным образом двумя членами КПРФ (председателем комитета Госдумы по делам СНГ Г.Тихоновым и... самим И. Антоновичем, который переехал в Минск и сменил гражданство). То, что министр иностранных дел Беларуси одновременно и активнейший член российской компартии, должно было кого-то насторожить. Но не насторожило. А зря. То, что придумали разработчики, по сути означало одно — Россия теряет свой суверенитет. В результате появляется новое государство, с новым парламентом, новой высшей исполнительной властью, так называемым Высшим Советом Союза. И решения этого органа обязательны для российского президента, правительства, всех исполнительных органов власти России.

Вот как это выглядело в подготовленном уставе: «Решения Высшего Совета Союза обязательны для органов Союза и для органов исполнительной власти

государств-участников». В уставе говорилось, что главой Высшего Совета новой федерации по очереди должны были быть белорусский президент и российский. Два года один, два года другой. Так что два года Российской Федерацией должен был управлять белорусский президент Александр Лукашенко.

Про парламент такие слова: «Государства-участники создают условия для преобразования Парламентского собрания в представительный и законодательный орган Союза, избираемый непосредственно гражданами Союза». Положение о равном представительстве в федеративном парламенте тоже вызвало смущение — по тридцать пять человек с той и другой стороны. В России проживает сто пятьдесят миллионов человек, в Беларуси-десять...

Горячим сторонником непродуманного и опасного для России соединения двух государств оказался и мой помощник по международным вопросам Дмитрий Рюриков. Документ этот был поддержан не только спикером Госдумы, не только огромным количеством российских чиновников, он, уже подписанный, лежал на столе у президента Лукашенко. Назревал крупный международный скандал. Для исправления ситуации к работе пришлось срочно подключить мою администрацию. Юристы обнаружили целый ряд и других вопиющих нарушений Российской Конституции. Я написал письмо Александру Григорьевичу, в котором просил отложить подписание договора с целью всенародного обсуждения его положений. Однако такой демарш российского президента-откладывание уже готового к подписанию договора-должен был стать для белорусского президента не самым приятным сюрпризом. Я возложил эту деликатную миссию-вручение письма-на Ивана Рыбкина, секретаря Совета безопасности. При этом сказал ему: «Иван Петрович, пока Лукашенко не согласится, домой не возвращайтесь». Рыбкин с тяжелым вздохом понимающе кивнул и срочно вылетел в Минск. В аэропорту Лукашенко сразу буквально дословно пересказал Ивану Петровичу содержание моего письма. Передал президенту эту информацию, как мне позже стало известно, Дмитрий Рюриков, мой помощник, который, как я уже говорил, был горячим сторонником полного, пусть даже прокоммунистического слияния двух государств. Через неделю я его уволил.

Я до сих пор глубоко благодарен Ивану Петровичу Рыбкину за терпение и настойчивость. Он и Лукашенко провели вместе много часов и, как поговаривают злые языки, оставили после переговоров немало пустой тары из-под крепких напитков. Это была настоящая славянская дипломатия....

21 мая в Кремле состоялось торжественное подписание нового договора между Россией и Беларусью. Президент Лукашенко на подписании договора выглядел бледным, но спокойным...»

Мощь Бориса Ельцина как политика — в умении выделить принципиально важный или опасный знак в общей политической картине и принять пусть некрасивое, но твердое решение. Однако, справедливости ради надо напомнить, что в случае с российско-белорусским договором главными возмутителями спокойствия стали Анатолий Чубайс и дочь президента Татьяна Дьяченко, которые сумели разгадать опасный и хорошо замаскированный ход белорусского президента.

х х х

После убийства генерала Льва Рохлина в Москве летом 1998 года разразился новый скандал. В интервью газете «Правда» Александр Лукашенко заявил, что ему было известно о готовящемся на Рохлина покушении, и что за два дня до гибели он предупреждал об этом генерала. Рохлин был «единственным борцом, человеком, который воевал за идею и которого за это убрали», — заявил Лукашенко.

В свою очередь, Тамара Рохлина, обвиненная в убийстве мужа, утверждала, что ее супруг готовил массовое выступление силовиков России против Бориса Ельцина и был убит накануне своего отъезда в Беларусь к президенту Александру Лукашенко. «Лукашенко помогал Рохлину деньгами», — эту сенсационную новость распространили информационные агентства после выступления Рохлиной на суде. «Адвокаты обвиняемой требуют вызова в суд президента Беларуси в качестве свидетеля», — вторили им газеты.

Естественно, ни на какой суд никто Лукашенко не вызывал, и белорусская сторона назвала заявление Тамары Рохлиной абсурдным. «Россия является братским союзным государством и утверждать о самой возможности финансирования оппозиционных российскому руководству акций по меньшей мере абсурдно», — прокомментировал ситуацию глава администрации Александра Лукашенко. Но абсурдность очевидна как раз в том, что у Лукашенко всегда были самые теплые отношения с оппонентами российских президентов. Крючков, Примаков, Куликов, Коржаков, Николаев, Лужков — частые гости белорусского лидера. Московский мэр

часто высказывается о Лукашенко в превосходной степени: «У меня слюна упала до пола машины, когда я увидел такой красивый Минск». Правда жена Лужкова, предприниматель Елена Батурина, однажды пожаловалась на белорусские власти, которые тянут с расчетом за пластиковые стулья, поставленные из Москвы для центрального стадиона белорусской столицы. Сейчас в газетах появляются сообщения о новой установившейся оси — «Лондон — Минск — Москва». Якобы, знаки подает Борис Березовский, который в бытность свою исполнителем секретарем СНГ сблизился с Александром Лукашенко. Но едва ли из этого альянса что-либо получится — махровый антисемитизм белорусского лидера известен всем. Глава крупной российской пивоваренной компании делился своими впечатлениями от разговора с Лукашенко. «Только сели за стол, как он начал поносить евреев. Мол, у вас там в России все захватили жида, спасения от них нет. Я не могу понять, куда он клонит. Может — провокация какая-то. Может — пишут все на камеру. Я пытаюсь заговорить об общих проектах, об инвестициях, а он почти час только одно и гнет — евреи во всем виноваты, они все воруют».

х х х

Надо совсем не знать белорусского президента, чтобы думать, что он сдастся без боя. Лукашенко под разговоры о дружбе может сколь угодно долго эксплуатировать Москву. И уже даже не деньги главное — Лукашенко об этом может не беспокоиться. Для него главное — власть. И он придумал новый вариант похода на Кремль.

— В Союзном государстве должны быть посты президента и вице-президента, — заявил официальный Минск и представил проект соответствующего соглашения. Лукашенко, ясное дело, изъявил желание быть «вице». Временно. До выборов президента России. Путин в ответ предложил отделить мух от котлет и твердо заверил: никаких вице-президентов в России не будет.

В Минске начался всплеск антироссийских настроений, и президент, и государственные СМИ с пеной у рта рассказывали, какое это страшное государство — Россия. Потом опомнились — второй президентский срок по Конституции Беларуси — последний. Без поддержки Москвы референдум о третьем сроке не проведешь. Да и для референдума повод нужен: а, ну, как проведем референдум о Союзном государстве. Беларусь голосует «за», и

Лукашенко, в лучшем случае, может баллотироваться на пост президента России, а в худшем он в новой республике в первый раз президент — в Союзной республике Беларусь, например. Очень хочется сказать, что Путин в эти игры не играет, да пока нет оснований. У России к Беларуси всегда был особый интерес, подогреваемый в первую очередь военным лобби. Буферная зона между Россией и НАТО, подконтрольная российскому оборонному ведомству, — во имя этой цели даже самые прогрессивные российские генералы готовы смириться с существованием Александра Лукашенко. В Беларуси создаются совместные военные группировки, войска ПВО вместе несут боевое дежурство, наконец, граница в районе Бреста, как и во времена СССР, остается тщательно охраняемой. Именно это, а отнюдь не великая ностальгия братских народов по Советскому Союзу, подталкивает к заигрыванию с Лукашенко. Вот только интересы силовиков вступают в противоречие с интересами политическими и экономическими. «Ближайший союзник России» имеет все шансы повторить судьбу Слободана Милошевича или Саддама Хусейна. Надо ли России обострять отношения с Западом? Нет, конечно, но от Лукашенко хотят получить право на контроль за «большим транзитом»: газопроводы, нефтепроводы. Этот «стратегический запас» белорусский лидер пока не отдает. Ведь он служит не только гарантией его личной безопасности, но и последней надеждой на осуществление заветной мечты о Кремле. Теперь ему нужно уже совсем немного: третий президентский срок в Беларуси и выход к российскому избирателю. Если Лукашенко будет дана возможность избираться в России, он уверен, что войдет в Кремль. В российской глубинке (Россия — это ведь не только Москва и Питер) Лукашенко обязательно найдет благодарного слушателя. Уже нашел: в Брянской области подписи даже собирали за присоединение к Беларуси.

Ситуаций в Беларуси Запад обеспокоился только сейчас — раньше руки не доходили. После развала СССР интересы мировых лидеров были сосредоточены на тех регионах, где «лежали» нефть, газ, золото... были там. А что Беларусь?.. Ну не будешь же препираться из-за мировых запасов торфа. Главным для Запада было вывести с этой территории ядерное оружие. Вывели и успокоились. Но Лукашенко нашел иную возможность напомнить о себе.

Теперь считать мы стали раны

или

Почему Лукашенко воюет с журналистами?

(Тюремный дневник Павла Шеремета)

Александр Лукашенко — для журналиста подарок: он и лыжные гонки на асфальте устроит, и публичную порку своим чиновникам организует, и всплакнет, если надо, а где надо умилится... Тем не менее, последовательной, организованной, наиболее сильной оппозицией первому белорусскому президенту все эти годы были как раз представители пишущей и снимающей братии. В стране случился парадокс: ни одна партия, ни один самый харизматичный политик не имеет такого рейтинга доверия, как независимые СМИ. И Лукашенко объявил СМИ войну.

К журналистам первый белорусский президент всегда был не— равнодушен: всех знал по именам, даже по биографиям, потому при случае мог сказать примерно так: «Вася, ты в своей статье поднял хорошую тему, я разберусь». И Вася таял...

Поначалу новая власть пыталась купить журналистов: квартиры в Минске, щедрые командировочные лично от управляющего делами президента, особо отличившимся — зарплата в конверте... И каково же было удивление новой власти, когда выяснилось, что продаются и покупаются не все. Далеко не все.

Тогда неподконтрольных стали уничтожать. Единственная радиостанция общественно-политического формата закрыта, единственный полноценный телевизионный канал — государственный, независимая пресса втянута в постоянную войну за выживание и шансов победить в этом жестком, изматывающем марафоне у оставшихся двух-трех газет с каждым годом все меньше. «Внутрибелорусские» разборки проходят тихо и незаметно: ну, кто будет разбираться, по какому поводу закрыли ту или иную газету и почему посадили ее главного редактора?! Но однажды отношения Лукашенко со СМИ вышли на межгосударственный уровень и приобрели формат крупного международного скандала.

Ситуация начала накаляться весной-летом 1997 года. У Лукашенко как раз был период обострения имперских замашек и построения планов «похода на Москву». Белорусские власти решили взять под контроль российских журналистов, работавших в стране. Первым взяли в оборот корреспондента НТВ Александра Ступникова. Гражданин Израиля, жена — белоруска,

пятеро дочерей. Всех без лишних проволочек под абсолютно надуманным предлогом выслали из Беларуси в 24 часа.

Быстро удалось поменять и собкора РТР — задействовав имевшиеся в Москве рычаги, добились отзыва Леонида Свиридова. Сложнее всего пришлось с корпунктом Общественного российского телевидения. Мы приводим выдержки из дневника, написанного в следственной тюрьме города Гродно, чтобы на примере со съемочной группой Общественного российского телевидения показать ситуацию со свободами граждан в Беларуси. Саманков, Винникова, Шеремет — это были первые громкие аресты. Потом репрессивная машина Лукашенко заработала на полную мощь. Итак, выдержки из тюремного дневника с небольшими дополнениями.

х х х

... 7 июля 1997 года в Министерстве иностранных дел мне вручили постановление о лишении аккредитации корреспондента ОРТ в Беларуси. В дело вмешались Виктор Черномырдин и Борис Немцов. Они заявили, что считают решение белорусских властей неправильным и будут требовать его пересмотра. Российский премьер-министр высказался довольно резко: «Вообще, случай безобразный. Тем более, не первый случай... Отношение к средствам массовой информации — это был особый вопрос, когда мы готовили Союз с Беларусью. Если МИД страны, входящей в Союз, проводит какую-то акцию недружественную, то надо иметь мужество снять трубку, позвонить и сказать, а мы бы сами разобрались. Но должны все это понимать, что начнется с корреспондентов, потом еще, потом еще — и так мы и будем невестке в отместку... Еще поцелуи не просохли, а мы уже начинаем здесь меры принимать».

У белорусского президента, как известно, собственный взгляд на Союз, а потому российские премьер и вице-премьер ему, конечно, не указ. Он выслушал «мнение Москвы», после чего сотрудникам Белорусского бюро ОРТ вообще запретили проходить на территорию минского телецентра и отрезали связь с Москвой.

12 июля в прямом эфире аналитической программы «Время» Анна Прохорова бросила фразу: «Берегите себя, Павел». Звучало пафосно.

Примерно в эти же дни Александр Лукашенко вызвал к себе министра внутренних дел Валентина Агольца, Генерального прокурора Божелко и первого заместителя председателя КГБ Ерина. Я узнал об этом разговоре от одного из его участников.

— Пора с этим Шереметом кончать. Найдите на него что-нибудь.

— Искали. Ничего нет.

— Тогда я посажу на ваше место людей, которые найдут.

Повод представился буквально через десять дней. В отставку отправили председателя Таможенного комитета, а в России все громче стали говорить о контрабанде водки, спирта, сигарет через территорию страны-союзницы. Чем не тема для сюжета? Решили заснять как на контрольно-пропускных пунктах досматривают фуры, таможенники против съёмок не возражали, а вот пограничники с ответом на наш запрос тянули. И ведь не запрещают съёмки, а только говорят: «Подождите!» Но время уходит, а с ним стареет и тема.

«Доброжелатели» из КГБ мне потом рассказывали, что власти специально спровоцировали самостоятельный выезд съёмочной группы ОРТ на границу, чтобы затем использовать как повод для возбуждения уголовного дела. Утверждали, что за нами велось оперативное наблюдение и отслеживалось передвижение вплоть до границы. Сомневаюсь. Потому что в этом случае нас взяли бы прямо на границе, что называется «на месте преступления». И могли это сделать, потому что 22 июля, когда мы уже приближались к городу Ошмяны, Дмитрий Новожилов — корреспондент нашего бюро — дозвонился до пресс-службы погранвойск, сообщил, куда поехала группа, и попросил встретить. Но то ли просьба не дошла до Сморгонского погранотряда, то ли ее некому было выполнить, но найти пограничника на северо-западных рубежах Беларуси оказалось так же сложно, как и четко обозначенные на местности рубежи.

Ошмяны — это небольшой районный центр, который в буквальном смысле живет границей. Город находится километрах в 15 от белорусско-литовской границы и большинство жителей в той или иной степени втянуты в приграничный бизнес. Из Ошмян в сторону Литвы параллельно друг другу идут две шоссейных дороги Минск-Вильнюс: старая и новая. Внешне они почти ничем не отличаются, но старая дорога упирается в закрытое КПП «Мурованая Ошмянка», а новая — в международный пункт пропуска «Каменный Лог» и усиленно охраняется белорусскими пограничниками. Местные жители и контрабандисты ориентируются на старую дорогу, обходя

ее стороной лишь в дни согласованных с пограничниками проверок. Ходят через границу по надобности все, ездят — почти все. С белорусской стороны старая дорога перегорожена двумя в метр высотой металлическими заграждениями, а обозначена — тоже двумя деревянными колами или пнями и старой обшарпанной бетонной плитой с непонятной надписью «Белорусская...». Литовцы свой участок обустроили лучше — яркий большой щит «Литовская Республика» (следствие, правда, позже установило, что находится он в глубине белорусской территории). Пограничников нет ни с белорусской, ни с литовской сторон.

Впрочем, тогда мы и не думали изучать обустройство белорусско-литовской границы, тем более, что основные потоки контрабанды (того же спирта) идут вовсе не лесными тропами, а через действующие пункты пропуска и преимущественно по договоренности с таможенниками и пограничниками.

...Щит «Литовская Республика» указывал, что впереди литовская территория, но где она начинается, мы узнали лишь полгода спустя, в ходе судебного разбирательства. А тогда покричали: «Пограничники, выходите!» В ответ — тишина.

Разворачиваемся и едем искать людей. Справа — хутор. Хозяин хутора - бывший военный, а теперь пенсионер Анатолий Орлов, русский, гражданин Литвы, большую часть времени живет в Беларуси. В 1986 году купил здесь дачу, а в 1991-м его жизненное пространство преобразовалось таким образом, что вернуться в Россию уже не мог, да и не захотел. В Литве же он — оккупант и чужак. Живет, как и многие пенсионеры, на даче. Вот она, история распавшейся империи в человеческих судьбах.

Орлов объяснил нам как доехать до действующего КПП «Каменный Лог». Находим, наконец, этот злополучный пункт пропуска. Подходим к прапорщику у шлагбаума. Он меня узнал, обрадовался встрече, сказал, что смотрит наши репортажи с удовольствием. Правда, несколько месяцев спустя, выступая в суде свидетелем, этот парень станет поливать нас с оператором Дмитрием Завадским грязью.

Другой пограничник, с кем мы в тот день пообщались, — начальник КПП «Каменный Лог» майор Соловьев. Он часа четыре поил нас чаем, обсуждал житейские и политические проблемы, шутил, смеялся. Потом тот же Соловьев напишет донос: «Шеремет рассказал о том, что в последнее время стало очень трудно готовить репортажи, что многие журналисты боятся вообще что-либо делать, раньше было проще. Указал на то, что в Беларуси

создан полицейский режим, режим одного». Что такое «режим одного» никому объяснять не пришлось.

Оказавшись у пограничников в четыре часа дня, мы смогли уехать от них только в девять вечера — нас как мелких нарушителей передали в Ошмянское отделение милиции. Милиционеры оказались просто прелесть — вынесли в административном порядке предупреждение за въезд в пограничную зону и отпустили с миром: «А теперь езжайте и снимайте!» Времени искать пограничные секреты у нас уже не оставалось.

Вернулись мы в Минск, ночью перегнали материал в Москву, а утром я улетел в Болгарию — отдохнуть дня на три. Ничто не предвещало грозы.

26 июля

Чартерным рейсом авиакомпании «Белавиа» в субботу вечером я возвращался в Минск. С коллегами из белорусского телевидения распили пару бутылок вина и гадали, что могло бы произойти в Минске за недолгое время нашего отсутствия. Кто-то пошутил: в аэропорту, что как потенциального врага народа Шеремета уже ждут пограничники с таможенниками....

Первая тревога посетила меня как только вышел на трап. Он был оцеплен пограничниками и людьми в штатском, однако, пока шли толпой к аэровокзалу, никого не тронули. Но едва вошли в здание, как появился начальник пограничного поста «Минск-2» полковник Луцкевич, и вот тут-то я понял, что дожил до крупных неприятностей. Полковник

шел мне на встречу со странной улыбкой на лице. (Этот целлофаново-настороженный оскал я буду помнить еще долго).

Луцкевич вежливо попросил пройти, но не на контрольный пост, а в соседнее помещение. Там нас уже ждали: пограничник и двое в штатском. Офицер представился старшим лейтенантом Пашко.

18.30 Пашко вручает мне повестку с приглашением явиться в Главное управление пограничных войск к шести часам вечера. Расписываюсь в получении и тут же двое в штатском выводят меня на улицу и по всем правилам оперативного задержания запикивают в «Жигули». «Боевое прикрытие» обеспечивали сотрудники спецслужбы пограничных войск.

18.45 Люди в штатском задерживают в здании аэровокзала водителя нашего бюро Ярослава Овчинникова. Забирают документы, ключи от автомобиля и без объяснений усаживают в специальную машину.

19.00 — Группа оперативников входит в квартиру оператора Дмитрия Завадского. В доме отмечали день рождения его сына. Были гости, дети. Дмитрий сориентировался быстро, подписывать повестку отказался и успел позвонить в наше бюро, предупредить, что его куда-то увозят.

В общем, операция по «захвату группы особо опасных журналистов» была проведена безукоризненно четко — три дня никого не трогали, дожидались, пока я вернусь.

Нас сразу повезли в Ошмяны. Даже в туалет водили с сопровождением — один становился за спиной, второй перекрывал выход из туалета, а старший лейтенант Пашко — рядом, слегка наклонившись и внимательно рассматривая то, что ниже пояса.

— Ты что, извращенец? — не стерпел я.

— А вдруг ты там чего-то перезаряжаешь...

Допрашивали нас до часу ночи. Спать разрешили в относительной свободе — в гостинице погранотряда, но звонить не позволяли. Заснули ближе к утру и больше, до 8 октября, не виделись друг с другом.

А в 2 часа ночи Пашко позвонил в наше бюро, где дежурил Дмитрий Новожилов и подтвердил: Шеремет, Завадский и Овчинников задержаны и находятся в Сморгони.

Дмитрий Новожилов: «Когда раздался звонок, я не спал. После странного звонка Дмитрия Завадского мы пытались выяснить в милиции, КГБ, у пограничником — где ребята? Но никто ничего не говорил. И тут звонит какой-то старший лейтенант. Он скороговоркой выпалил, что все трое сотрудников Белорусского бюро ОРТ находятся в Сморгони у пограничников. Я успел спросить, когда их отпустят, но он бросил трубку».

27 июля

Утром 27 июля оперативный дежурный Государственного комитета погранвойск сообщил, что нас содержат под стражей в Сморгони. Но еще больше суток никто из родных, друзей и коллег не знал, что происходит.

Допрашивать нас начали с 9 утра. Дознаватели уже показали видеозапись программы «Время» за 23 июля с сюжетом о снятии Кречко с должности начальника Таможенного комитета. Я сам, кстати говоря, впервые увидел свой сюжет, поскольку в Болгарии, на отдыхе, было не до родного ОРТ. В сюжете было три «криминальных» кадра: скамейка, забор и шлагбаум, снятые с литовской территории. И Из-за них-то нам и предъявили обвинение в «незаконном, умышленном, совершенном по предварительному сговору группой лиц повторно» переходе государственной границы. Я никак не мог понять — почему «повторно» — сюжет-то один. Оказывается, «сходили туда, вернулись обратно — вот вам и повторно!»

После обеда нас повезли в Ошмяны, на границу, на следственный эксперимент. Слава ехать отказался. И правильно сделал: меньше с ними разговариваешь — целее будешь.

Появился главный дознаватель — подполковник Страх. С утра нас запугивали этим самым Страхом: мол, он наводит ужас на пограничников и нарушителей, «только посмотрит своими пронзительными глазами и человек сразу всю правду рассказывает». Вообще-то, Страх и правда оказался страшноватым: низенький, худой, с мутными глазами и рыжими усами. Всю жизнь прослужил на Дальнем Востоке и, похоже, помешан на ловле шпионов. Но нам-то в чем каяться? — а потому гипнотические чары Страху впечатления не произвели.

Подполковник по телефону докладывает о ходе расследования, отмечает детали: «Держатся спокойно, мирно. Ничего не помнят. Будет непросто». В Минске долго совещаются. Часов в шесть вечера один из дознавателей шепотом сообщает, что нас троих арестуют и отправят в следственный изолятор, но еще неизвестно куда — в Минск или Гродно. Часа через два официально объявили о том, что мы задержаны по подозрению в нарушении границы. Репрессивная машина завелась и сделала первый оборот.

Ничего хорошего от Лукашенко я не ожидал, разве что провокаций — подкинут, например, оружие или наркотики, предвидел давления на близких и, в общем-то понимал — работать в этой стране мне больше не дадут. Но, чтобы бросили в тюрьму... К этому я не был готов. И вот: крепкие ворота, решетка...

Личный досмотр — самое первое и самое неприятное звено в цепи унижений, которые испытать каждый, оказавшийся за решеткой. Проверяют личные вещи, и все, кроме того, что в данный момент на вас надето,

забирают. Затем раздевают до трусов и все осматривают, после чего заставляют снять и трусы, нагнуться, несколько раз присесть... Попробуйте проделать все это в окружении посторонних людей с явно выраженными недобрыми намерениями. Нижнее белье Пашко снять не потребовал, но нежно ошупал каждого.

— Ну нет, ты точно извращенец...

Еще часа три ждем, куда отправят. Держат в разных комнатах, в штабе погранотряда. Слышу, Диме и Славе разрешили позвонить домой, меня же к телефону не подпускают. К каждому приставили по два солдата — простые и добродушные парни. Все из деревень и честно рассказывают о своей службе: кто из офицеров на какой машине ездит, какой хороший у них командир отряда, вот только травма у него, потому, когда нервничает или волнуется, у него начинает болеть голова...

В 23.00 нам объявляют, что повезут в Гродно, в изолятор.

— Жалко. Подержал бы я вас еще дня три, все бы нам рассказали, — расстраивается подполковник Страх.

Тем же вечером в корпункт нашего бюро явились пятеро сотрудников КГБ. Чекисты перебрали бумаги, осмотрели шкафы, тумбочки, антресоли. К 23.00 обыск был закончен, протокол об изъятии вещей составлен. Добыча оказалось небогатой: общегражданский паспорт на имя Павла Шеремета, наши аккредитационные карточки, тексты некоторых видеосюжетов, и копия запроса на имя председателя Госкомитета погранвойск А.Павловского. Чекисты вели себя подчеркнуто нейтрально. Заявляли, что не знают о том, что с арестованными журналистами и где они сейчас. Один все кручинился, что сорвали его с праздника, послали на обыск прямо из-за стола. То же самое повторяли и те, кто проводил обыск на наших квартирах. Ничего важного, правда, не обнаружили и там.

Вспоминает Людмила Станиславовна Шеремет, моя мама:

— Видимо, КГБ уже следил за квартирой Павла. Только мы вошли в нее, как раздался звонок. Открываем дверь, а там «трое в гражданском». Мы, говорят, следователи из КГБ, нам надо провести обыск в квартире, где проживает Павел Шеремет. «А ордер у вас есть?» Показывают ордер. «А почему нет санкции прокурора на обыск?» Начинают что-то мямлить: «Вы знаете, сегодня воскресенье, прокурора на работе нет. Но по закону можно проводить обыск с уведомлением прокурора потом, это предусмотрено

уголовным кодексом». Мы их впустили, потому что прятать нам было нечего. Правда, потом адвокаты объяснили, что следователи нас обманули, и мы могли их не впускать

. — Покажите нам рабочие записи Павла, блокноты, кассеты мы быстро посмотрим и уйдем», — говорят.

Часа четыре ходили по квартире, все перевернули. Было видно, надо было хоть что-то забрать. Просмотрели все видеокассеты, на одной был нашумевший фильм Юрия Хашчеватского про Лукашенко «Обыкновенный президент». Забирают. «Зачем?» — спрашиваем. «Вы же понимаете, что это мы не можем ни взять». Взяли блокнот, с записями пятилетней давности, дискеты времен учебы в институте.

Тут им по радиации передают: «Главное — найти карты».

Какие еще карты? Оказывается, понадобились карты Беларуси или Литвы. Вдруг один из рывшихся в шкафу завопил: «Понятые, внимание! Карта!» Достает ее и внимательно рассматривает. «Товарищ, — говорю, — успокойтесь, это же карта Брюсселя!» Наконец, начались «Новости» на ОРТ и мы узнали, что произошло на самом деле. Стали выпроваживать «гостей»: «Идите, нам надо внучку спать укладывать». А Лиза веселая ходила. Ей исполнился всего годик и она была рада видеть столько людей в доме. Ходила за следователями и все дудела им на дудочке.

Примерно так же прошли обыски в квартирах Димы Завадского и Славы Овчинникова.

28 июля.

В 3 часа ночи нас на разных машинах отвезли в Гродно, в изолятор временного содержания Ленинского РОВДа. Там, как оказалось, нас уже ждали и встретили сурово, но вежливо. Один из сержантов сообщил, что в каждом выпуске новостей российских телеканалов передают сообщения о нашем аресте. Стало как-то полегче.

Опять личный досмотр. В камеру разрешили взять только сигареты, а вот зажигалку — нет, не положено. Камера в ИВС чуть побольше собачей конуры — полтора метра на два с половиной. Дверь обита железом, открывается только для небольшого прохода. В ней, на уровне 1,5 метра от пола, сделано маленькое окошко-«кормушка» и врезан «глазок». Первые дни после ареста проходят именно в таких изоляторах и это самое тяжелое время. Именно в первые дни, рассчитывая на стресс, следствие давит на человека,

морально и физически. Именно во время содержания в ИВС следователи выбивают показания и ломают людей. Именно в первые дни получают показания, которые лягут в основу обвинения. Если человеку хватит сил продержаться 3-7-10 дней до перевода в следственный изолятор либо следственную тюрьму, то шансы выйти с минимальными потерями заметно возрастают.

Укладываюсь. Минут через десять начинает неметь рука, затем — нога, потом вся правая часть тела. Переворачиваюсь на другой бок — все повторяется. При этом бьет дрожь то ли от холода, то ли от нервов. Чтобы создать минимум комфорта, снимаю рубашку, сворачиваю и подкладываю под голову. Из «толчка» идет страшная вонь — небольшая труба от канализации специально выведена наружу, и камера просто заполнена зловонием. Заткнуть трубу нечем, разве только пачкой из-под сигарет. Но надо заставить себя заснуть, забыться... Часы отобрали при личном досмотре, поэтому приходится по внутреннему распорядку изолятора.

День начинается с уборки камеры. В полдень обход изолятора совершает начальник. Как ни странно, майор оказался внимателен и вежлив.

— Какие-то проблемы?

— Нечем прикурить.

— Ну, я всегда на обход беру спички и сигареты. Майор отсыпал спичек и оторвал кусочек серы от коробка.

— Может у вас газеты есть? У меня в сумке книга, можно ее получить?

— Книгу мы вам дадим, но с газетами напряженка. Как себя чувствуете, жалоб на условия нет? — интересуется майор.

— Холодно.

— Ничего, держитесь. Что-нибудь придумаем, — посочувствовал майор Саливончик.

Книгу мне вернули, принесли и газеты, правда, милицейские. О том, что в понедельник появились первые протесты по поводу ареста группы ОРТ, в них ничего не было. Между тем, арест журналистов ОРТ получил широкий резонанс.

Департамент печати и информации российского МИД сделал специальное заявление и выразил надежду на разумное разрешение конфликта. На

следующий же день белорусского посла в Москве пригласили в Министерство иностранных дел России и попросили прояснить ситуацию. 70 белорусских журналистов подписали обращение Белорусской ассоциации журналистов в защиту сотрудников ОРТ и направили его белорусским и российским властям, в ООН, структуры Европейского союза, Международный хельсинкский комитет: «Мы требуем немедленного освобождения Павла Шеремета, Дмитрия Завадского и Ярослава Овчинникова. Мы требуем открытого и справедливого расследования преступлений против свободы слова в Беларуси. Происшедшее с Павлом Шереметом — не только расправа с неудобным журналистом, но еще и попытка запугать нас, заставить замолчать. Мы обращаемся ко всем, для кого свобода слова не пустой звук. Павлу Шеремету, Дмитрию Завадскому и Ярославу Овчинникову нужна ваша помощь!».

«Международная амнистия» объявила арестованных сотрудников ОРТ узниками совести. Это был первый за последние десять лет случай, когда узниками совести объявлялись граждане бывшего Советского Союза. Но, сидя в ИВС, ничего этого я, понятно, не знал.

... Примерно в 17.00 в изолятор привозят еду. Это нельзя назвать ни обедом, ни ужином, поскольку кормят один раз в сутки. (Правда, с нашим «подселением» по утрам стали давать чай). Кормежка в ИВС — это последнее прощание с волей: сюда еду привозят из прикрепленной столовой или кафе, поэтому пища здесь — еще не тюремная баланда. Нормальный общепитовский борщ, потом в ту же миску — второе с мясом, затем кружка чая и полбуханки хорошего хлеба. Таков суточный рацион. Воду в старых пластиковых бутылках в камеру приносят надзиратели.

Неожиданно выдергивают на допрос. Дела о нарушении границы еще со времен СССР ведет КГБ, а потому конвой тоже «гэбэшный». За мной пришли двое молодых парней. Блондин с электрошокером, надевая наручники, осведомился:

— Знаешь, что у меня в руках? Это — электрошокер. Я надеюсь, что применить не придется.

— Я тоже...

На конвой и надзирателей лучше внимания не обращать. На эту работу обычно набирают молодых, которые, чувствуя собственную неполноценность, стараются самоутвердиться за счет унижения других. Например, этот блондин по имени Игорь — обычная «шестерка», но вел

себя, словно следователь по особо важным делам. Тратить на таких силы не стоит: на вашу судьбу этот конвойный никак не повлияет, но будет мелко мстить и пакостить (например, сильно зажмет «браслеты» на руках). Каждый раз перед выездом из тюрьмы Игорь предупреждал, что если при выходе из машины я крикну что-нибудь друзьям, родным или журналистам, то он применит электрошок. Но я все равно перекрикивался. Конвойный бесился и пакостил: передадут адвокаты на допросе пачку сигарет, а он доложит дежурному и сигареты заберут.

По статистике, около 70% сегодняшних сотрудников Комитета — это люди, проработавшие в системе менее пяти лет. Мне попался совсем молодой следователь с однолетним стажем. Звали его Борис Николаевич, фамилия — Рагимов. Худой, сутулый и лопухий Рагимов производил впечатление интеллигентного и мягкого человека.

— Рад с вами познакомиться, Павел Григорьевич, а то раньше только по телевизору видел.

— Лучше бы по другому поводу...

Первая встреча с Рагимовым — это как-бы и не допрос. Следователь просто хотел познакомиться. Тем более, что мой адвокат Гарри Погоняйло должен был приехать в Гродно только через два дня. Познакомились. Никто никому толком ничего не сказал. На все мои вопросы о дальнейшей судьбе сотрудников ОРТ Рагимов отвечал уклончиво, переводя стрелки на прокурора по Гродненской области. Но в конце беседы успокоил: «Не волнуйтесь, есть все основания отпустить всех троих под подписку о невыезд». На этом наше первое общение со следователем и завершилось.

29 июля.

С утра — маленькая радость: перевели на первый этаж, в камеру, где сидят еще двое. Передвигаться теперь уже почти невозможно, зато за разговорами о жизни время летит быстрее. В камере оказались совсем молодой парень Андрей и мужик лет сорока — Саша. Андрей попался, когда по-пьяному делу вытащил магнитолу из машины, Саша отсиживал пятнадцать суток за драку с милиционерами. Днем какая-то женщина принесла мне, Диме и Славе три передачи: порезанные колбасу, сыр, хлеб, немного шоколадных конфет, мыло, зубную щетку, пасту и даже полотенце. Эту женщину никто из нас не знал, не увидели мы ее и после освобождения. Но всегда найдутся люди,

которые помогут. Тот же майор Саливончик — все, что нам принесли, распорядился передать в камеры, хотя зубную пасту в железном тюбике иметь при себе запрещено.

— В этом дезодоранте, ты можешь проделать дырочку и сделать бомбочку, — объяснял мне при личном обыске сержант. — Этим тюбиком ты можешь вскрыть себе вены, а эту пилку для ногтей — воткнуть мне в горло...

...В бюро ОРТ вновь явились сотрудники КГБ. На этот раз «специалисты» пришли просмотреть все видеокассеты, чтобы изъять те, которые в той или иной степени были связаны со съемками в пограничной зоне. Более-менее «крамольных» набралось немного — всего три. Ничего важного для следствия чекисты, тем не менее, не обнаружили. Однако, признаюсь: несколько видеозаписей, хранившихся в бюро, спасло просто чудо. На одной из них — кадры, которые должны были стать основой расследования о контрабанде алкоголя через Беларусь. Сотруднику бюро удалось уничтожить запись прямо во время обыска. Ведь если бы власти узнали о том, что мы имеем видеодоказательства схем контрабанды, нас просто бы «удушманили» в тюрьме.

В этот же день генеральный директор ОРТ Сергей Благоволин направил президенту России Борису Ельцину письмо, в котором просил «занять абсолютно однозначную позицию» относительно свободы информации. «Прошло уже трое суток, но до сих пор наши коллеги находятся в заключении. Заявления белорусских официальных лиц не оставляют сомнений, что это — провокация. Позвольте напомнить, что до этого из Беларуси был выслан журналист НТВ Александр Ступников, лишен аккредитации МИДа корреспондент ОРТ Павел Шеремет, журналистам ОРТ был запрещен доступ в Белорусский телецентр. Особенно горько, что произвол против российских журналистов чинится именно в братской Беларуси. Всячески приветствуя процесс объединения братских народов, тем не менее, обращаемся к вам, Борис Николаевич, с просьбой занять абсолютно однозначную позицию относительно свободы информации в Беларуси. Не сомневаемся, что вы, как гарант свободы слова российских СМИ, лидер Союза Беларуси и России, не допустите, чтобы журналисты оставались за решеткой».

30 июля

Наконец, из Минска приехали родители, друзья, журналисты и адвокаты. Я это понял по тому, как занервничали, засуетились конвойные, забравшие нас из изолятора. «Уазик» петлял какими-то дворами, но когда подъехали к зданию следственного комитета, я успел увидеть своего второго оператора Сергея Гельбаха с видеокамерой в руках. Я решил каким-то образом обозначить себя. Но за несколько секунд так и не смог придумать, что крикнуть: машину подогнали прямо к подъезду, по обе стороны встали комитетчики, но когда открыли дверь, я выбросил вверх руки в наручниках. Это длилось мгновение, но я надеялся, что Гельбах успеет снять. И он успел.

Меня в буквальном смысле втоптали в помещение. Недовольный замначальника следственного отдела Тупик бросил адвокату: «Уберите журналистов, они просто злят наших сотрудников». Странная логика. Уж как нас злили сотрудники КГБ!

С Гарри Петровичем Погоняйло мы впервые познакомились после ареста в январе 1997 года председателя Национального банка Тамары Винниковой. Генеральная прокуратура тогда обвиняла его в разглашении тайны следствия, а нескольким журналистам, в том числе и мне, вынесла официальное предупреждение за «создание негативного имиджа органов следствия» и пригрозила возбуждением уголовного дела.

Погоняйло — человек с бурной энергией и предельно трезвым отношением к белорусскому правосудию. Он прекрасно знает методы работы правоохранительных структур и противостоит следствию по нескольким направлениям одновременно. Один из немногих, кто умеет работать с прессой, заставляя следователей нервничать. Кстати сказать, мнение, будто следователей лучше не злить, иначе это плохо отразится на вашем приговоре, неверно. Чем больше вы подчинитесь воле этих людей, тем тяжелее наказание, поэтому чем громче сопровождающий ваше дело скандал, тем выше вероятность того, что правоохранительная система вас не раздавит.

Мы быстро договорились с Погоняйло о тактике поведения. Не было большой необходимости скрупулезно разбирать обвинение следствия, поскольку изначально была понятна их надуманность.

Помимо Погоняйло, 30 июля неожиданно я смог переговорить и с отцом. Ему разрешили передать мне вещи. Между тем, Дмитрий Завадский увидел свою мать и жену только после того, как вышел из тюрьмы — 5 сентября.

Надо ли говорить, что наши родители перенесли это дело труднее, чем мы сами, хотя, когда сидишь в тюрьме, почему-то кажется, будто на свободе

делают для тебя меньше, чем могли бы. Возникает своеобразный комплекс «брошенной на произвол судьбы жертвы».

Первый допрос с участием Погоняйло был каким-то пустым. Следователя Рагимова интересовало только то, во что я был одет 22 июля, где и когда эти вещи купил. Озаботил его и гардероб моих коллег. Затем меня вновь доставили в изолятор и надежды на освобождение вмиг рассеялись.

На меня завели карточку задержанного, сняли отпечатки пальцев, майор Саливончик предложил принять душ и пообещал отпустить после 21.00, к истечению срока моего задержания. «Если, конечно, к этому времени не поступит приказ на перевод тебя в тюрьму, — уточнил Саливончик. — Но в тюрьму увозят до 17.00, а позже, тем более вечером, делать это некому, так что все будет нормально.»

В 20.30 меня выводят из камеры и — в «Жигули», по бокам, на сиденьи, милиционеры, впереди — «Волга» с мигалками. В окно вижу как как гаишники пререкрывают движение. Уважили! Но Гродно — город маленький, отделения милиции, управление КГБ, тюрьма расположены в центре в нескольких кварталах друг от друга. Заезжаем в ворота.. Во дворе автоматчики в бронежилетах, лай собак. Вот она, тюрьма!

За пятиметровыми стенами бывшего монастыря несколько рядов колючей проволоки. По всему периметру забора — вышки с автоматчиками. Впервые мне стало по-настоящему страшно, даже жутко.

Куда-то повели. Руки умышленно руки держу свободно. И сразу получаю замечание:

— Заключенным руки надо держать за спиной.

— Не успел еще к этому привыкнуть.

— Ничего, успеешь.

Из письма 11 заключенных Гродненской тюрьмы УЖ — 15\ст-1:

«В учреждении правит беззаконие и вандализм. Создается впечатление, что мы живем во времена крепостного права. Осужденных здесь лишают самого элементарного, медицинской помощи. Однажды осужденному Виктору Ракулову стало плохо, мы вызвали медперсонал. Состояние его с каждой минутой ухудшалось. Ему сделали укол и унесли в другой корпус, вместо того, чтобы вызвать скорую помощь, его продержали в бессознательном состоянии сутки и только, когда увидели, что он с минуты на минуту может

умереть, соизволили обратиться в скорую помощь. Виктора отвезли в реанимацию, где он, не приходя в сознание, умер. Нам еще пять дней не говорил об этом и специально обманывали. Только после того, как мы объявили голодовку, нам сообщили о случившемся. И это не единичный случай в этом учреждении. На заключенных психологически и физически давят, доводя до самоубийства. Создается впечатление, что закон и государство — это химера, потому что учреждение живет по своим законам. В камерах держат по двенадцать человек в антисанитарных условиях. Туберкулезные больные содержатся вместе со всеми, воздуха в камерах нет, так как на окнах навешены реснички. Питание не соответствует никаким нормам. Не верится, что все это происходит в 20 веке.

Возможно, мы осуждены на медленное уничтожение, тогда почему это прямо не записали в наших приговорах.

Это письмо мы отправляем нелегальным путем, так как все жалобы такого рода в лучшем случае уходят в мусорный ящик, а в худшем приносят очень много неприятностей.

20 сентября 1997 года.»

Приводят в санчасть. Очередной личный досмотр. Проверяют каждую вещь. Разговор ведем «непринужденный».

— Дезодорант? Нельзя, будем уничтожать.

— Знаю, можно проделать дырочку и сделать бомбу.

— Пилка для ногтей? Нельзя.

— Знаю. Ее можно воткнуть вам в горло.

— Мы ничего не боимся, — бодро отвечает боец с дубинкой, баллончиком слезоточивого газа и наручниками на поясе.

— Правильно.

Такая милая беседа. Но для них я, все-таки, не обычный заключенный, и к моим репликам относятся спокойно, без агрессии. Другого в лучшем случае обматерили бы, а то и «погладили» дубинкой.

Подсовывают клочок бумажки.

— Распишитесь. Мы вас предупреждаем — по всему периметру тюрьмы натянута проволока, по ней проходит ток высокого напряжения, и если вас этим током убьет, мы не виноваты.

— Я из тюрьмы через ворота выйду.

— Будем рады.

Расписываюсь за ток. Врач быстро осматривает, записывает жалобы на здоровье. Дальше меня должны «поднять в хату» — поместить в камеру.

Второе сильное впечатление — взгляды заключенных. Тебя ведут через тюремный двор, где сидят-покуривают зэки из так называемого отряда obsługi, «баландеры». Баландеры — это те, кто получил небольшие сроки за незначительные преступления, и добровольно остался в тюрьме для выполнения хозяйственных работ: развозить пищу, работать сантехником, электриком, строителем и т.д. Живут они в отдельном бараке, пользуются серьезными привилегиями. Как правило, после отбытия половины срока «баланда» уходит по УДО — условно-досрочному освобождению. По большому счету, среди заключенных идти в тюрьму на баланду, мягко говоря, не приветствуется. Но... За последние годы законы тюремной жизни серьезно поменялись.

От внимательных взглядов мне становится как-то не по себе. Как примут, что ждет — неизвестно, поэтому настраиваешься на худшее. Это сейчас я знаю, что заключенных бояться не стоит и если ты нормальный человек, никто тебя не тронет, особенно в СИЗО, где сидят люди, чья судьба еще не предрешена. Опасаться надо надзирателей, людей в форме, для которых ты — преступник.

Точно такие ощущения остались и у нашего оператора Дмитрия Завадского: «Самые в психологическом плане сложные минуты — это когда тебя вводят. Открываются перед тобой решетки и за тобой же они закрываются. Когда тебе говорят разденься, приспусти трусы... Вроде, успокаиваешь себя мысленно — все нормально, ничего страшного, ничего дурного ты не сделал, это недоразумение — а коленки все равно трясутся.

Когда человек отслужил в армии, ему легче перенести встречу с незнакомыми людьми в такой экстремальной обстановке. Я, конечно, в мыслях проигрывал первые минуты встречи, наметил пару вариантов: как приду, что сделаю, поздороваюсь, не поздороваюсь, куда сяду, куда положу свои вещи. Представлял себе жуликов, уголовников. Все получилось само собой: пришел, поздоровался, мне предложили сесть. А в бытовом плане я

был человек подготовленный: не раз бывал на съемках и в зоне, и в женской зоне, и в следственном изоляторе, и в тюрьме».

Мне дали матрас, маленькую подушку, постельное белье, алюминиевую кружку и деревянную ложку. Ложка настолько большая, что ее назначение поначалу трудно. Потом один из сокамерников сделал мне нормальное “висло”, а ту ложку я при освобождении сумел вынести и преподнес как сувенир генеральному директору ОРТ Ксении Пономаревой.

Беру инвентарь и вслед за надзирателем поднимаюсь на третий этаж, в камеру. Следом идет начальник корпуса и шепотом повторяет: «Не бойтесь, все будет нормально. Все будет хорошо, не переживайте. Ничего не бойтесь».

Камера 65. Вхожу в нее, собрав все силы. Помещение рассчитано на четырех человек. По размеру оно сантиметров на двадцать шире и на метр длиннее вагонного купе. Стоят двухъярусные «шконки» — нары, за ними — умывальник и «толчек». Толчек огорожен в метр высотой железным заборчиком с дверцей, отчего чувствуешь себя на нем танкистом.

Окошко на волю расположено под самым потолком и отделено двумя рядами решетки: внешний ряд — широкая с толстыми прутьями, затем на полметра идет углубление в стене и вторая решетка стоит уже на самом окне. Со стороны улицы на окне, под углом закреплены железные пластины — «реснички» — из-за которых видны только полосы неба. Из «мебели» в камере — две тумбочки. Если в ИВС свет тусклый, то в тюремной камере днем и ночью под потолком горит стоватовая лампочка. Особенно тяжело переносится этот свет по ночам.

Несмотря на то, что оставлять в камере свои автографы считается плохой приметой, все стены расписаны перебивавшими здесь людьми. Кто только ни сидел в этой камере?: Ахмет из Ирана, Агеге из Эфиопии, Войтек из Белостока. «Курва, за цо?» — по-польски выведен риторический вопрос. Стены в камерах периодически перекрашивают, но тут же появляются новые записи. Я тоже не удержался и выцарапал: «ОРТ».

Здоровуюсь с новыми соседями. Вроде нормальные люди. Ричард — старик из Гродно. Сидит за убийство сына. Второй — сорокапятилетний Юзик из Барановичей. Разбой. Третий — сорокалетний Саша из Гродно. Попался на грабеже. Как выяснилось, освоиться толком здесь еще никто не успел: соседей мне насобирали за пару часов до моего прибытия.

Кстати, как потом выяснилось, поселили меня в тюрьму «по благу». Обычно эта процедура стоит заключенным много здоровья. Поездом либо автозаками их этапами привозят в Гродно из всех изоляторов области, потом помещают в «стаканы» — каменные мешки размером метр на метр. В таком стакане, стоя, тесно прижавшись друг к другу, может находиться не более восьми-девяти человек, но туда набивают до 15 заключенных: чтобы уплотнить людей и набить «стакан» полностью, натравливают собак, и тогда последние практически запрыгивают на головы первых. И только потом эков по одному выводят на проверку и личный досмотр. Людей много, надзиратели не спешат, поэтому в душном каменном мешке можно простоять пять-восемь часов. Люди не выдерживают, обливаются потом, падают в обморок... Затем всех переводят в карантин — обычные камеры без матрасов и белья. Рассчитаны они на четверых, но «заселяют» до двадцати. Вам еще крупно повезло, если попали в тюрьму в начале недели, тогда простояте в карантине всего лишь сутки. Но если этап пришел в пятницу, то сидеть придется до понедельника.

... Первое желание после заселения в камеру — выспаться. Мне достались верхние нары. Железные, сваренные из широких (сантиметров десять) железных пластин. Прилаживаю матрас, застилаю постельное белье. Простыня и наволочка, естественного, серого цвета. Такое впечатление, что остались они еще от жертв сталинского режима. Одеяло почему-то квадратное. Потому им можно накрыть либо верхнюю часть тела, либо нижнюю. Но, как ни странно первую ночь в тюрьме мне спалось сладко.

Спал себе, похрапывал и не ведал, что в этот самый день Борис Ельцин заявил о том, что хочет через средства массовой информации обратиться к Лукашенко и передать ему свое возмущение. Ельцин ждал объяснений Лукашенко о действиях белорусских властей в отношении российских журналистов. «Я думаю, мыотрегулируем эти вопросы,» — заметил президент и назвал происходящее в Беларуси с российскими журналистами «случаем беспрецедентным». «Если так будет продолжаться, российской стороне придется пересмотреть позиции устава и соглашения, которые подписали Беларусь и Россия».

Что бы ни говорили о Борисе Ельцине, но нас российский президент защитил. А вот российские коммунисты прислали в белорусский МИД письмо, в котором написали: «Павел Шеремет — это выкормыш белорусских националистов, фашистский недоносок. Он — главная проблема белорусско-

российских отношений. Чтобы снять эту проблему, предлагаем расстрелять Шеремета!»

Вечером Лукашенко вызвал к себе руководителей КГБ, Совета безопасности и генерального прокурора, чтобы обсудить, как быть дальше с делом журналистов ОРТ. В официальном сообщении говорилось, что белорусский президент рассмотрел некоторые аспекты деятельности КГБ, на самом же деле совещание провели исключительно по делу журналистов. От чекистов хотели услышать, смогут ли они довести дело до конца? У секретаря Совета безопасности Виктора Шеймана, насколько я знаю, на этот счет были сомнения, Лукашенко же хотел с нами расправиться — посадить и надолго. В этом споре мнение «профессионалов» КГБ было решающим.

На тот момент Комитет был активно увлечен внутренними интригами. Уже ходили слухи о возможной отставке его председателя Владимира Мацкевича. Главная причина — двусмысленное поведение Мацкевича осенью 1996 года во время референдума. Тогда из всех руководителей силовых структур только генеральный прокурор Василий Капитан и главный чекист Владимир Мацкевич заявили, что не пойдут на нарушения законов, и несколько раз встречались со спикером мятежного Верховного Совета Семеном Шарецким. Почти сразу после референдума и разгона парламента Капитана сняли с работы. А вот Мацкевич уцелел. Однако у него обнаружили онкологическое заболевание, причем в поздней стадии. Летом-осенью 1997 года главный гэбист Беларуси долго и тяжело болел и большую часть времени проводил в больнице. Потому в Комитете и началась борьба за высокий пост. Первый зампред Леонид Ерин считался главным преемником Мацкевича и Ерину, конечно, очень хотелось доказать свой высокий профессионализм. Именно к нему были обращены вопросы Лукашенко и Шеймана о том, прекращать или продолжать дело ОРТ. Ерин твердо ответил: «Продолжать!» Его еще раз переспросили, доведет ли КГБ дело до конца. Ерин твердо пообещал, что следователи однозначно добьются успеха.

Леонид Ерин лично участвовал в работе, сам подписывал письма и запросы в различные структуры Российской Федерации и докладывал Лукашенко о мнимых успехах следственной группы. Впрочем, когда через три месяца стало ясно, что громкое дело провалилось, он едва удержался даже в кресле заместителя... Но я — то пишу о событиях конца июля 1997 года, когда Ерин просто рвался в бой.

Не успел Борис Ельцин высказаться по поводу ареста журналистов, как Лукашенко поспешил ответить. В интервью Псковскому телевидению он

заявил: «Если президент России хочет, чтобы я объяснился перед ним, то я готов дать объяснения с фактами в руках. Однако сначала пусть он объяснится за ту информационную войну, которую развязали российские телеканалы против Беларуси». Лукашенко пообещал через несколько дней положить на стол российского президента документы, подтверждающие мое сотрудничество со спецслужбами западных стран, и тот факт, что я выполнил спланированную провокацию и получил за это вознаграждение. О том, как все «планировалось» на самом деле, я уже рассказал. А фантазии на тему денег, родились, вероятно, от того, что во время обыска у меня нашли пластиковую карточку российского банка. Для белорусского лидера это было «неопровержимым доказательством» — ну, не мог он понять, что сотрудники ОРТ получают зарплату по карточкам.

Так или иначе, но никаких документов, Ельцину Лукашенко не прислал и уже через три недели объявил меня террористом, готовившим покушение на президента.

31 июля

В тюрьме все точно по звонку. В шесть утра — подъем, после этого нары должны быть застелены и спать, укрывшись одеялом, запрещено. Сразу после подъема — завтрак: полмиски каши и кружка чая. В 9.00 начинается утренняя проверка. В корпусе 66 камер и к нам проверка доходит только к часам одиннадцати. Пересчитывают заключенных, проверяют, все ли живы, выводят всех в коридор и проверяют камеру. Огромной кувалдой простукиваются стены, нары, решетки на окне — ищут тайники, оторванные железные пластины от нар или перепиленные решетки. Раз в неделю утренний обход проводит кто-нибудь из начальства, тогда в бригаде кроме корпусного и нескольких надзирателей есть и медик, и воспитатель. Выясняют, имеются ли жалобы и предложения, хотя жаловаться и просить здесь так же бесполезно, как и пилить решетки.

В 12.00 — обед, самое радостное время суток. Сначала развозят суп — жидкая баланда с трудно уловимыми овощами. Нам весь август вместо картошки давали «клейстер» — смесь муки и порошкового картофеля. Этот же клейстер добавляли и в суп, поэтому, с позволения сказать, блюдо на первое напоминало кисель. Есть такое с непривычки невозможно, но день-два голодухи вкусы все-таки меняет.

Пока баланду развезут по этажу, надо успеть съесть суп, так как в эту же миску на второе положат кашу или чистый клейстер. Честно говоря, клейстер я так и не смог в себя впихнуть, так и не смог заставить свой организм проглотить эту серую массу с неприятным запахом комбижира. В сентябре с кормежкой стало лучше, появились нормальный картофель, свекла и капуста.

Нашу камеру обычно после обеда выводили на прогулку, на один час. Перед этим всех обыскивали и под конвоем нескольких надзирателей выводили на крышу в специальные клетки. Обитая железом дверь похожа на огромную терку, это сделано специально чтобы заключенные на дверях не могли оставить послания друг другу, ведь в одних и тех же прогулочных двориках в течение дня бывают все. Тем не менее, почти месяц я каждый день оставлял на двери информацию для Дмитрия Завадского, в какой я камере и как со мной можно связаться, но мы так ни разу в один дворик и не попали.

18.00 — ужин. Дают либо суп, либо кашу. Примерно в 21.00 принесут еще полбуханки черного и четверть белого хлеба, и грамм тридцать сахара. Раз или два в неделю после ужина дают жутко соленую кильку.

20.30 начинается вечерняя проверка. Она проходит быстро, заступивший на смену корпусной сверяет по списку заключенных в камере. До нас доходит уже ближе к отбою.

22.00 — отбой. Звонит звонок и тюрьма... начинает содрогаться, как при землетрясении. Заключенные перестукиваются с соседями справа, слева, сверху, снизу... Так зеки желают друг другу спокойной ночи. Когда слышишь это в первый раз — дух захватывает. Но все это повторяется каждый день. В течение месяцев и лет. Человек проводит все время в замкнутом пространстве в постоянной борьбе с надзирателями. Выезды на допросы редки. Через месяц это сказывается на психике.

Но мой первый полноценный день в тюрьме проходит в движении. Утром уводят в медсанчасть: каждый вновь прибывший сюда должен пройти флюорографию, сдать кровь из вены, его осматривает зубной врач. Тюремный стоматолог — совсем молодой парень — подошел к клетке, в которой держат в медсанчасти, и участливо сообщил, что меня все время показывают по телевизору.

Здесь ни с кем не церемонятся — кровь берут тупой «конской» иглой, которую санитар достает из черного, похоже, дерматинового свертка. Иглы в

этом свертке лежат в специальный ячейках, как сверла в наборе автолюбителя.

— Ты СПИДом своими иглами не заразишь?

— Не волнуйся, есть гарантия.

В разговор вступает стоматолог:

— Смотри осторожно, а то потом ответишь, что Шеремета мучил.

— А я, может, специально для него иглу выбрал.

На меня завели тюремное дело, сфотографировали именно так, как в фильмах показывают, — в профиль и анфас с табличкой на груди, на которой коряво выведены фамилия и год рождения. Снимают отпечатки пальцев, ладоней и даже берут отпечатки нижней части ладоней. Старшина все делает основательно, не спеша — листов пять в корзину выбросил, пока не подобрал достойный вариант.

Гродненская следственная тюрьма — УЖ-15\ст-1 — считается самым суровым учреждением по условиям содержания. В Беларуси вообще две тюрьмы, в которых содержат и тех, кто под следствием, и тех, кто уже осужден: в Могилеве и Гродно. Но в Могилеве режим содержания — общий и усиленный, в Гродно — строгий и особый. Да и администрация гродненской тюрьмы своими порядками гордится, за порядком здесь следят 2 тысячи надзирателей. Просто завод какой-то!

УЖ-15\ст-1 занимает небольшую территорию. Тюрьма расположена в бывшем монастыре, построенном еще в 17 веке. За высоким забором — два трехэтажных корпуса и несколько построек поменьше: санчасть, что-то типа клуба, здание, где проходят допросы и свидания. Есть в тюрьме столярная мастерская и магазин, в котором изделия из тюремной мастерской и продаются. Фактически на территории тюрьмы стоит и общежитие для администрации, поэтому многие надзиратели со своими семьями проводят здесь столько же времени, сколько и те, за кем им приходится надзирать. Осужденных и подследственных содержат в разных камерах, но в общих корпусах. Правда, в нашем, первом, корпусе почти все камеры были для подследственных.

На первом этаже — карантин и карцер, второй и третий этажи — обычные камеры. На крыше одного из зданий — прогулочные дворики. Между этажами натянута сетка. Вдоль камер на каждом этаже прохаживается по

одному надзирателю — «продольные». В одном и том же корпусе содержат и мужчин, и женщин, и малолеток, и «тубиков» — больных туберкулезом. Говорят, сбежать из Гродно практически невозможно. По крайней мере, за последние двадцать лет здесь помнят два случая, причем бежали не из камер, а из медчасти.

Надзирателей периодически, примерно каждые две-три недели, тасуют, — переводят с одного поста на другой: то на вышке дежуришь, то на том этаже, то на этом, то на воротах... А вот должность банщика постоянная. Как, впрочем, и приемщика передач. Передачи принимал и разносил толстый невысокий прапорщик. Этот человек живет, кажется, лучше всех. Продовольственную передачу можно передать всего один раз в месяц и только 8 килограмм и за каждый лишний грамм прапорщику благодарны, как спасителю.

Если нет допросов, из камеры выводят только на прогулку, оставшееся от проверок, приемов пищи и шмонов время приходится придумывать себе развлечения и занятия.

... Белорусские власти решили все-таки объяснить по поводу ареста группы ОРТ. Пресс-служба президента Беларуси выступила с официальным заявлением: «Комментарий президента Российской Федерации Бориса Ельцина по поводу возбуждения уголовного дела в отношении гражданина Республики Беларусь Павла Шеремета воспринят белорусским руководством с удивлением и недоумением. Тон и характер высказываний российского президента можно объяснить только тем, что его сознательно ввели в заблуждение по этому факту. Демонстративно незаконный переход государственной границы и последующая кампания в российских средствах массовой информации свидетельствуют о преднамеренной провокации».

В ответ на это пресс-секретарь российского президента Сергей Ястржембский сообщил, что Борис Ельцин настаивает на освобождении журналистов ОРТ: «Президент Российской Федерации исходит не из гражданства и национальной принадлежности корреспондентов, работающих в России или Беларуси, а из взятых Москвой и Минском обязательств по обеспечению свободы слова...».

Коллег отговорки белорусских властей тоже не убедили, и в 16.00 более пятидесяти белорусских и иностранных корреспондентов, аккредитованных в Минске, собрались около здания Министерства иностранных дел

республики, чтобы высказать свой протест в связи с уголовным преследованием сотрудников ОРТ.

Перед зданием МИДа они писали мелом на асфальте: «Свободу Паше, Диме и Славе!». Собрали подписи под петицией «Цена свободы слова в Беларуси — личная свобода журналиста» с требованием немедленно освободить группу ОРТ. Вместе с заявлением Белорусской ассоциации журналистов (БАЖ) петицию передали сотрудникам Министерства иностранных дел.

После этого журналисты направились к зданию Комитета государственной безопасности. Там они написали мелом на асфальте: «Свободу журналистам ОРТ!» и демонстративно, выстроившись в цепочку, прошествовали, заложив руки за голову и скандируя «Свободу Шеремету!». То же самое журналисты сделали и у здания МВД, и напротив штаба погранвойск. Все это время журналистов сопровождали сотрудники милиции, которые не знали, что делать. Однако около здания Администрации президента приказ поступил, и милиция арестовала почти всех участников акции. За нарушение президентского декрета N 5 — участие в несанкционированной акции.

1 августа

Утром вывозят на допрос. Следователи МВД и прокуратуры допрашивают своих подопечных, как правило, в специальном корпусе на территории тюрьмы, чекисты ходить по тюрьмам не любят и на допрос привозят к себе в следственное управление.

Перед началом допроса мы с Гарри Погоняйло просим свидания наедине. Оптимизма по поводу быстрого освобождения у Погоняйло стало значительно меньше.

Даже если не обращать внимания на надуманность предъявленного обвинения и играть по правилам следствия, то были все основания освободить меня, Славу и Диму под подписку о невыезде. За нас поручились нескольких авторитетных и уважаемых людей. Гарантию того, что Шеремет, Завадский и Овчинников не скроются от следствия дал генеральный директор ОРТ Олег Благоволин, обращение к белорусским властям было принято от имени трудового коллектива ОРТ, у каждого из нас малолетние дети, чистая биография, никаких судимостей и так далее. Но все это власти проигнорировали. Следователи же твердили одно: что нас спасет только вмешательство Москвы.

В этой ситуации, посоветовавшись с Погоняйло, мы решили отказаться от дачи показаний и участия в следственных действиях. Я написал соответствующее письмо на имя Генерального прокурора, в котором сознательно оговорился: «Возможно, в ходе проведения съемок мы неумышленно нарушили государственную границу...» У заместителя начальника следственного управления Владимира Тупика прямо дрожь в руках появилась, когда он это прочитал: «Вы должны честно во всем признаться. Вы — известный журналист, вам верят, поэтому надо быть честным до конца».

Ничего не добившись, Тупик уговорил нас сначала дать показания, и только потом передать письмо прокурору: «Мы решаем сейчас вопрос об освобождении Ярослава Овчинникова, поэтому ради него дайте показания, чтобы мы могли спокойно отпустить его под подписку». Мы с Погоняйло согласились, хотя сегодня я понимаю, что это было обычной уловкой — плевать им было на Овчинникова, его продержали в тюрьме до 8 августа и выпустили просто из-за отсутствия даже намека на возможность обвинения.

После допроса меня вернули в тюрьму, и до 13 августа я больше ни с кем с воли не общался.

Погоняйло показал мне статью из газеты о том, что накануне в Минске задержали 15 выступивших в мою защиту журналистов. Это было очень приятно.

Вспоминает известный белорусский журналист Леонид Миндлин:

Примерно к 16 часам дня собрались возле МИДа. В требовании— «Свободу Паше, Диме, Славе!» каждый вывел мелом свою букву. Все проходило по-своему забавно, даже наивно.

Когда народ двинулся к резиденции президента, стали подтягиваться милицейские машины, оживились переговоры по рации. Нас стали потихоньку оттеснять к боковому входу, а там уже и машины стояли. Ирину Халип потянули, потом — Щукина (он, как всегда, упирался). Мы все снимаем — единственная камера у нас осталась — НТВ и РТР поехали перегоняться. И тут нас в машину — и в Ленинский опорный пункт, а там уже 15 журналистов собралось.

Поначалу менты были агрессивны, только вот «публика» оказалась не совсем обычная, они и перепугались. Начали составлять протоколы, выяснять, кто

есть кто. Узнают, что Бабарыко из «Рейтер» — иностранец. Звонят — докладывают, нервничают.

Через какое-то время появился ОМОН — для нашей охраны. А у нас камера с кассетой, пленка отснята... Что делать? Если повезут в изолятор -заберут. Я стал искать, где спрятать кассету. Хотел было спрятать в туалете, но потом положил в сумочку Томашевской. Надо сказать, вид у нее был такой, что можно было не сомневаться — отпустят совершенно точно: она пришла митинговать в коротком платье, на высоких каблуках...

Часам к шести «Рейтер» уже сообщил о задержании журналистов, пошли звонки из Госдепа, центральных офисов ведущих российских и мировых СМИ...

Из рассказа оператора компании «Рейтер» Владимира Бабарыко

Больше всего мне было обидно за коллегу-оператора, Диму Завадского. О Шеремете говорили все время, на всех заборах — «Свободу Шеремету!». Защитников у него хватало и надо было отстоять Завадского. Операторы всегда на втором плане, такая у нас работа.

...Возле резиденции Лукашенко обстановка обострилась и всех начали арестовывать. «Сядьте в машину». Я сел. Отвезли в отделение милиции, а там почти все наши, журналисты.

Милиционеры нервничали. Им надо было записать фамилии, адреса, составить протокол, а тут постоянно звонят из администрации, КГБ, Совета безопасности, газет. Милиционеры мечутся, краснеют, бледнеют. Но вели себя корректно. Просим открыть двери — открывают, просим выпустить в туалет — пожалуйста.

2 и 3 августа.

Самые тягостные дни в тюрьме это — суббота и воскресенье. Все вокруг замирает. В первое время подолгу разговариваешь с сокамерниками. Основные темы: прошлая жизнь, уголовное дело, женщины, политика. (В тюрьме, естественно, не любят власть, а Лукашенко и просто ненавидят).

Обсуждать в камере свое уголовное дело надо очень осторожно — туда почти всегда подсаживают профессиональных «уток». Распознать в соседе по нарам подставу не просто: это может быть и «интеллигент», и уголовник с «мастями», юноша или дряхлый старик. Общее у них одно — навязчивое

желание обсудить детали вашего дела, поговорить о друзьях, знакомых. Как правило, по особо важным делам с подозреваемым работают сразу несколько человек. Они могут все одновременно сидеть с вами в одной камере. Их могут одного за другим менять через неделю-две, специально для того, чтобы подобрать тот психологический тип, который наиболее близок вам и способен вызвать на откровенность. Причем, часто «подсадные» работают вообще нагло и в открытую. Например, Тамара Винникова просидела в одиночке почти десять месяцев, но первые две недели после ареста в камере «американки» — изолятора КГБ — с ней находилась молодая женщина. О таких обычно говорят: «Приятная во всех отношениях». Тамара Дмитриевна рассказывала, что ее соседка сильно не маскировалась и постоянно пыталась получить ответы на три вопроса: как Винникова относиться к президенту Лукашенко, удалось ли ей спрятать какие-нибудь документы и с кем из оппозиционеров она дружна.

Мне удалось вычислить двоих. Первый просидел всего неделю и запомнился только тем, что в никогда не умывался. Второй оставался на весь срок.

Целенаправленно гебисты работали с Дмитрием Завадским, но, к счастью, хитроумные схемы нужного им результата не принесли. Дима уверен, что многие ходы в тюрьме смог угадать:

«Утконоса» мне посадили еще на ИВС. Вел он себя обычно, только был очень разговорчив. Постоянно рассказывал о своих родственниках, какие-то деревенские истории... Но знал больше меня — всех собкоров в корпунктах ОРТ, всех ведущих, кто у нас на канале работал раньше, кто работает сейчас. Я поначалу этому значения не придавал, а потом заподозрил, что все-таки он — «их» человек. Например, он клялся, что ни о чем не разговаривает с надзирателями, а те иногда интересовались вопросами, о которых мы говорили только в камере.

В тюрьме о «подсадке» я старался не думать. Но мыслям же не запретишь появляться. Сидит в камере четыре человека и один из них, такой интеллигентный, особенный — говорит, что полгода сидит ни за что, ничего внятного о себе не рассказывает... Он постоянно напоминал мне про тот участок границы, на котором мы побывали. Будто невзначай вдруг говорит: «Там дубы такие хорошие, помнишь?..» Это меня настораживало — откуда ты знаешь, если последние полгода провел за решеткой, где именно я был и какие там дубы...

О том, в чем меня подозревали, я практически в камере не говорил. На всякий случай. Хотя не давал себе никаких алгоритмов и даже не задумывался над тем, о чем говорить, о чем нет.

Кстати, когда этот человек выехал, на его место заехал прямо противоположный тип, такой «матерый» уголовник весь в «куполах». Представился Колей Сараном. Он рассказывал свои «страшные истории»: что ходка эта не первая, что на северах сидел, что был когда-то приговорен к смертной казни... Как-то он даже предложил: хочешь, попрошу адвоката и он принесет тетрадь с записями того времени, когда я был приговорен к вышке. Рассказывал, что ограбил ларек, его взял патруль, он отсидел 3 или 4 года, потом вышел и убил тех, кто его посадил. За это его якобы и приговорили, сидел во всех зонах, мыслимых и немыслимых... Многим премудростям и примочкам различным он меня, кстати, и научил — тюремной почте и всяким бытовым вещам: научил делать клей, ружья духовые, объяснил, как по панораме связываться, если нельзя связаться через решетку. Он открыто ничего не спрашивал. Более того, в первый же день написал записочку: «Ты ничего не говорил? Здесь подсадные утки». А через день ко мне приходит малява, замаскированная, в двух обертках. На одной обертке один номер камеры написан, разворачиваю — другой... В общем, полная конспирация. В маляве следующее: у тебя сидит такой-то и такой-то, у него такие-то масти на руках, мы с ним вместе с этапа приехали, он — подсадная утка. Вот тогда у меня мурашки по телу побежали, начал в голове прокручивать все разговоры, которые с ним вел. Когда ничего серьезного не вспомнил, успокоился.

Пробыл я с ним в одной камере неделю или чуть больше. И только он «поехал по этапу», как через день-два выяснилось, что сидит он уже в другой камере и рассказывает совершенно другую «легенду». А ведь он мне свой адрес оставил и я ему свой. Его-то «координаты», конечно, липовыми оказались.

4 августа.

Утром выводят на разговор к оперативникам. В маленькой комнатке двое — капитан и чином постарше — майор. Разговор недолгий: за что посадили, как было на самом деле, спокойно ли в камере, есть ли конфликты?.. Обычная процедура — «кум» должен поговорить с каждым вновь прибывшим.

... Во всех независимых белорусских газетах появилось обращение к гражданам Беларуси защитить сотрудников ОРТ и подписаться под обращением к президенту Лукашенко с требованием освободить журналистов. Уже через несколько дней активисты «Маладога фронта» принесли в редакцию «Белорусской деловой газеты» две тысячи подписей. Всего за два месяца с небольшим удалось собрать больше 10 тысяч подписей белорусских граждан в нашу защиту. Социологические опросы в начале августа показывали, что 35% избирателей не одобряют войну властей против журналистов ОРТ, в сентябре процент резко пошел вверх.

5 августа

Кажется, сегодня самый счастливый день — родные передали продукты. Вещи в изолятор можно передавать без ограничений, а продукты — лишь раз в месяц и всего 8 килограммов. В этих восьми килограммах сконцентрированы все удовольствия мира, поэтому очень важно максимально эффективно рассчитать, сколько и чего передать.

Конечно, в первую очередь — мясо. Лучше всего передавать сырокопченую колбасу, либо сало, остальные мясные продукты портятся на следующий же день. Колбаса не «приедается» и ее легче хранить. Для калорий неплохо пару пачек сухого детского питания — идеально с гречневой мукой, поскольку эту смесь добавляют в пресные тюремные каши. Тюремную баланду невозможно есть, поскольку она пресная и безвкусная. Потому, в соответствии с рекламным слоганом, добавьте быстрорастворимый бульон «Галина Бланка». С ними каши и супы становятся солеными, у них появляется нормальный приятный запах, исчезает ощущение, что питаешься кормом для скота. В нашей камере сидел бомж Василий из далекого российского города Кирова. Его взяли польские пограничники при попытке нелегально перейти белорусско-польскую границу. Белорусские пограничники его не заметили, а сигнализация не сработала, поскольку ее периодически отключают ради экономии электроэнергии. Василий без куриных бульонов вообще есть отказывался и все время повторял: «Молодец Галина Бланк. Только она нас, зеков, понимает, хоть соль добавляет!»

Без сигарет и чая «дачка» вообще немыслима. Мама моя в первый раз все удивлялась: зачем Паше сигареты, он же не курит. Сигареты нужны, поскольку в тюрьме это валюта. Правда, вместо чая можно передать кофе. По

мне, кофе даже лучше. Там кофе — из разряда неисполнимых желаний, а чай — традиция, он нужен главным образом, чтобы варить «чиф».

Еще неплохо получить банку жира, пачку масла или импортного маргарина (он не портится). Никогда не забуду бутерброды с жиром. У нас ничего не осталось, кроме свиного жира, а голодуха просто доводила до безумия — чуть ли не минуты считали до обеда или ужина. И вот намазываю один кусок хлеба с жиром, посыпаю солью и почти мгновенно съедаю. Потом второй «бутерброд». На третьем усилии воли заставляю себя остановиться, чтобы хватило на завтра. И, кажется, что ничего вкуснее хлеба с жиром в жизни никогда не ел.

Обязательно надо передавать лук и чеснок — легкие и очень полезные. Овощи можно передавать только в случае, если их не включают в отведенные 8 килограммов (в некоторых изоляторах это практикуют). Если нет, то огурцами, помидорами и яблоками можно пожертвовать в пользу чего-нибудь более важного.

И, наконец, десерт — печенье и конфеты. Это съедается в последнюю очередь, когда колбасы или сала не осталось. Здесь тоже важен вес и объем: легкое печенье, небольшие конфеты. Неплохо получить растворимые напитки и соки, варенье, сахар, соль, спички. И ничего не должно быть лишнего. Мать одного из сокамерников с перепугу прислала ему хлеб, напиток в пластиковой бутылке, яблоки, стеклянную банку с крестьянской колбасой. Все это съели за два дня, а могли бы пропаять на правильно «дачке» и неделю.

Раз в месяц можно отовариться в тюремном ларьке на одну минимальную зарплату. Отмечаешь по списку, что хочешь купить, и баландеры все это принесут. Ассортимент в ларьке, мягко говоря, не — богатый: сигареты, чай, печенье и какая-то мелочь. Трудно высчитать, что лучше взять: пять пачек сигарет с фильтром, две пачки чая и полкило конфет или десять пачек «Примы», три пачки чая и банку солянки. На свободе такой выбор кажется смешным, но в тюрьме, когда считаешь каждую сигарету и хочется поесть чего-нибудь сладкого, принять решение не просто.

Конечно, это странное меню не актуально для нормальных цивилизованных государств. Даже в России к продовольственным передачам в тюрьму подходят значительно либеральнее. Но в Беларуси человека, попавшего в тюрьму, сразу лишают самого необходимого.

...Полдня перебирали «дачку», раскладывали по пустым пачкам сигареты, считали, сколько дней протянем. Одним словом — праздник.

Такие же чувства передача вызывала передача и у Дмитрия Завадского: «Продукты в передачу каждый „заказывал“ родственникам по своему вкусу. Самая популярная еда — сало. Кстати, в зависимости от того, кто сидит в камере, устанавливаются и традиции приема пищи. В первой камере хлеб мы не резали — ломали, а во второй все уже было по полной программе: где-то без пяти шесть нарезался хлеб, чистился чеснок, тумбочка выставлялась в центр...

Особое удовольствие — делать пирожные. Полбуханки черного хлеба и буханка белого (в реальности он серый) делится на пять частей. Каждая из частей поливается и засыпается сахаром. Сахар на хлебе размокает — получается сладкое пирожное».

6 августа

В тюрьме четыре раза в неделю разносят газеты, но нашу камеру обходят стороной. Меня полное отсутствие информации просто подавляло, и я стал требовать свежую прессу. Принесли газету «Конъюнктура рынка» — рекламная газета для торговцев оргтехникой... В сентябре информационная блокада несколько ослабла: начали приносить «Гродненскую правду». Теперь всех лучших комбайнеров Гродненщины я знаю в лицо.

Удручало не столько отсутствие информации (в белорусских газетах ее в принципе не много, а в государственных и вовсе одна пропаганда), сколько невозможность убить время чтением Правды, бывали и светлые минуты. Статьи из российских газет, например, «Известий» нам пересылали тюремной почтой заключенные из соседних камер, иногда зачитывали через стенку. Однажды специально для нашей камеры надзиратель принес «Московские новости» на английском языке. «А может быть я — немецкий шпион!» — моя реплика уперлась в закрытую «кормушку».

Еще в тюрьме есть библиотека. Библиотекарь — пожилая добрая женщина, она, видимо, не видела во мне врага народа, потому приходила каждую неделю с новыми книгами, которые специально для меня подбирала. Принесет сразу книг двадцать и спрашивает, что мне больше нравится. В среднем в день прочитывал одну книгу страниц на 300 — смаковал. Но это было уже позже, начиная со второй половины августа, а вначале не было ни

газет, ни книг, ни радио, ни телевизора. С собой был только сборник рассказов Хулио Кортасара, который потом оставил в тюремной библиотеке.

7 августа

На утренней поверке «продольный» загадочно сообщил, что сегодня принесут «хорошую газету». Что это означало, я понял только вечером, когда прочитал в «Известиях» о освобождении из тюрьмы нашего водителя Ярослава. Камень с души свалился. Слава женился за неделю до ареста, и я чувствовал перед ним особую вину. К счастью, для него эта эпопея быстро закончилась:

«Время остановилось. К тому же, часы отобрали — что происходит, день, ночь? Когда привезли в тюремный изолятор, ощущение, по правде, было жутковатое. Не знаешь же ничего — как, что, как себя вести... Все навыки-то по фильму „Джентльменам удачи“...»

Оказалось все по-другому. В камере уже сидело четверо человек. Я — пятый. Двое сравнительно взрослые (одному за тридцать, другому — около того) и двое совсем молодых — чуть за двадцать. Трое, видимо, в первый раз попали, а один — уже бывал в подобных местах, весь в наколках, колоритный такой.

Захожу: «Здрасьте, где у вас можно присесть?»

Они мне показывают: «Вот, садись» Потом уже начались расспросы: кто ты, что ты. Я «честно признался», что был в составе съемочной группы. Они показывают мне газету: «Про вас написано?» А я же газет не видел, не знаю, что и отвечать. Прочитал — про нас. Они смеяться начали: «Во, говорят, судьба свела. Кто бы мог подумать?»

Так и началась моя неделя в тюрьме. В какой камере был Шеремет, где Завадский, ничего не знал. Хотя привезли нас вместе с Димой. Вернее, везли в разных машинах, но одновременно. Завадского первым и «оформили». После того до выхода мы так и не виделись. Я, конечно, догадывался, что все где-то здесь, но вот где?

Никакой «целенаправленной» работы с собой в камере я не замечал. Днями ничего не делали, да трепались о жизни. Развлекались — как умели, шахматы были, тумбочка, приспособленная под игру в нарды, в тысячу играли...

Телевизора, правда, не было, зато радио в коридоре орало. Были еще две книжки — какие-то колхозно-патриотические. Прочитал.

Никакого особого отношения к себе я, честно говоря, не заметил. Надзиратели относились так же, как ко всем: если «шмон» — все лицом к стенке. Обшмонали, обстучали — гуляй. Тюремное начальство меня не беспокоило, я его — тоже. Сводили на медосмотр, отпечатки пальцев сняли, сфотографировали, вот и все общение. Однажды ребята рассказали, что охранник у них спрашивал, где журналист, покажите? Так я стал «журналистом».

В камере я один был «новичок», остальные уже пару месяцев посидели. Садись есть, мне — как всем. Общий стол. Сало, лук, чеснок, огурцы, даже варенье и масло «Рама» было, а еще печенье, конфеты...В общем, нормальные люди сидели. Все успокаивали меня. Говорили: ерунда у тебя, выпустят через пару дней... Так и оказалось.

Освободили меня, кстати, очень буднично. Сначала был допрос. Все бумаги прочитали, подписали. Заводят в другую комнату и начальник следственного отдела говорит: «Может быть, отпустим тебя под подписку». Я спросил, а какова вероятность того, что отпустят. Тогда он заявляет: «Ну ладно, обрадую тебя — отпускаем. И... на том же узике повезли в тюрьму. Везли, правда, не в „собачнике“, а в салоне. В камеру уже не заводили. Посадили в какой-то комнатухе, принесли мои вещи — полотенце, пасту, щетку. Ворота открыли, и я вышел».

8 августа

Сегодня для нашей камеры банный день. В камере есть кран с холодной водой, но вода в нем бывает только ночью, днем же ее приходится караулить, чтобы успеть набрать в пластиковые бутылки. Даже в туалет идешь, когда есть вода.

Возможность минут 10-15 наслаждаться горячей водой — это на самом деле праздник. Правда, назвать это баней можно с большой натяжкой. В комнате с бетонными лавками весит три «соска» — огромных металлических душа. Камеру — пять, шесть, семь человек — запускают в душевую и надо успеть быстро помыться, постирать свое нижнее белье, которое тут же, еще мокрое, одеваешь вновь. Затем в предбаннике выдают «свежее» постельное белье, такое же серое и иногда просто не стиранное. В целом, приход — уход, смена

белья, помывка и бритье занимают минут сорок или даже целый час. Еще час на прогулку и три часа на еду: день прошел незаметно.

9— 10 августа

Суббота — воскресенье, опять тоска. Никакого движения, сидишь и ждешь. В камере есть шахматы, шашки, играть в карты запрещено. Мы, например, даже на приседания не играли. Одному далеко за пятьдесят, второму — сорок, третьему — под тридцатник. Все берегут силы, а мне присесть лень. Когда шахматы надоели, начали играть в «мандавошку».

Начертили на крышке тумбочки поле, сделали из хлеба кубики и фишки четырех видов и разного цвета. Игра простая: надо первым прогнать через поле пять фишек. Существует масса вариантов подобной игры для детей и, наверняка, каждый в детстве хоть раз в нее играл. Никогда не думал, что детская игра столь увлекательна, но в камере мы рубились с таким азартом, что доходило до потасовок.

11 августа

Новая неделя — новые надежды. Однако, все тихо. Нас поселили между женскими камерами, снизу — тоже женщины, сверху — крыша. Дамы ведут активную переписку, движение маляв и посылок идет бесперебойно.

Между камерами есть аж три вида связи и администрация об этом знает. Между камерами существуют три типа связи. Администрация знает о них прекрасно. Иногда подсаженные оперативники сами стимулируют активную почту между камерами, чтобы отловить нужную им информацию.

Связь с нижней камерой довольно проста. Из грубых, шерстяных ниток сплетается «конь» — веревка метра четыре. К нему привязывается «грузило», сделанное из хлеба и запаянное в целлофан. На «коня» цепляют записки или посылки. Затем из газеты сворачивают «причал» — метровый бумажный шестик, к которому на конце привязывают спичку или крючок. Нижняя камера своим причалом за все это устройство цепляется и втягивает к себе. Почта получена. Все это делается синхронно и по команде, например: два удара ногой в пол или рукой в потолок. Раз-два, раз-два — мы опускаем коня, раз-два, раз-два — грузило втянули, раз-два, раз-два — почта снята, можно вытягивать коня обратно.

Между соседними камерами делают «дорогу». Сначала нужно сделать клей. Вымачиваешь мякоть черного хлеба, воду отжимаешь, а потом протираешь хлеб через тряпку. Масса, прошедшая через ткань, снизу снимается кружкой. Это и есть клей.

Газета или лучше книжные листы сворачиваются в трубочки (впоследствии они составят своеобразный футляр, поэтому они должны один в другой заходить), а последние коленья вставляются друг в друга под углом в 45 градусов. «Устройство» скрепляется нитками и сушится. Получаются довольно крепкие трубочки. «Пульки» делают из пачки от сигарет: сворачивается картон, крепится внутрь нитка. Далее кончик нитки привязывается к ружью, вставляешь в ружье, набираешь в легкие побольше воздуха — выстрел.

Соседняя камера уже ждет. Крючки или спички зацепились друг за друга, нитка натянута — это и есть «дорога». Если у вас не получается с первого раза — не расстраиваетесь, потому что когда хочется курить или выпить чая, а взять негде, вы быстро освоите эту технологию.

«Дорога» между камерами висит постоянно. Когда она сделана, берут более толстую нитку (обычно распускают свитер или теплые носки) и плетут на метров 5-6 веревку — «конь». Когда нужно что-нибудь передать — маляву или чай, сигареты и т.п. — стучишь в стенку, если есть «готовность», получаешь ответный стук. Оперативность и здесь — основа успеха.

Камеру, в которой сидел Дмитрий, называли «главпочтамт» — там постоянно занимались почтой. Скорее всего, администрация закрывала глаза на то, что мы с Завадским активно пытаемся связаться. Может, надеялись, что гостайны будем передавать друг другу, тут и возьмут с поличным... «Нас практически не шмонали, хотя „дорогу“ обрывали практически каждый день, но мы, естественно, ее каждый день восстанавливали», — позже рассказывал Завадский.

Пользуются и другими способами связи. К примеру, «самострелом». Он делается из обложки книги и кусочка пластмассовой бутылки. «Устройство» получается небольшое, одно должно вмещаться в пачку сигарет. Конструкция несложная, но придумал ее кто-то явно имевший техническое образование. «Самострел» делается по типу арбалета. Здесь нужна моделька — тонкая резинка — ее, понятно, достают из трусов. Далее резинки сплетаются в одну толстую. Это устройство достаточно эффективно,

практически с первого раза «достигается цели», да и спрятать его достаточно легко.

Иногда связываются «по панораме». Это самый трудоемкий и сложный способ. Его применяют для связи с карцером или между большими камерами, когда окна расположены достаточно далеко друг от друга. Там для связи и веревка нужна достаточно крепкая, и определенные хитрые навыки. Послания и передачи, запаянные в целлофан, через «очко» спускаются в общую канализационную трубу. Дальше уже дело техники их забрать и передать по назначению. И не надо морщиться, захочешь курить и труба канализации станет «дорогой жизни».

Первого коня нашли в матрасе — оставил предыдущий хозяин. Груз сделали из куска мыла. В одно послание уместили и приветствие, и просьбу: «Привет, девчонки. Нас четверо, сидим без курехи и уши пухнут. Подгоните, если можете», Ответ: «Привет, мальчики. Рады, что вы нам написали. Тоскуем без мужского общения. Пишите о себе все, и будем дружить». И еще какой-то рисунок — девушка с цветами. К сему прилагалось немного табака и несколько спичек.

12 августа

В камеру приносят уведомление, что суд Октябрьского района Гродно не удовлетворил жалобу адвоката об изменении мне меры пресечения на подписку о невыезде. Так растаяла последняя надежда на быстрое освобождение. Значит, пора начинать голодовку.

Умереть или выйти на свободу — в общем-то, такого выбора передо мной не было. Вспоминал лишь угрозу Лукашенко: «Приползешь ко мне на коленях!», но знал — этого он не дождется. Собираясь объявить голодовку, поставил конкретные условия: требовал свидания с родными, газет, телевизор. Понимал, ставить невыполнимые условия бессмысленно.

Весь день почти ничего не ел, чтобы подготовиться.

13 августа

Наконец, приехал Погоняйло. Я сообщил ему, что начинаю голодовку. Гарри Петрович отнесся к этому спокойно. Обсудили некоторые детали моего поведения, поговорили и он уехал. К тюремной жизни своих подзащитных

адвокаты относятся по-философски, ведь многие их клиенты находятся под следствием годами.

18.00 — звонок на ужин. Подкатывает с бачком баландер. Заявляем: «Нам три порции. Один в отказе». Тут же в кормушке появляется голова надзирателя: «В чем дело, кто отказывается от пищи?» «Шеремет». «Корпусной, корпусной, подымись на третий!» — зовет надзиратель начальника корпуса. Оказывается, голодовка в тюрьме — это ЧП.

Приходит корпусной.

— В чем дело?

— Заключение Шеремет отказывается брать еду.

— Что случилось, Шеремет?

— В жалобе Генеральному прокурору все сказано, — передаю я письмо.

— Нет, ну, вы еду возьмите, а там решайте, есть или нет.

— Лучше сразу откажусь.

— Ясно.

Через три часа развозят хлеб на завтрашний день. У камеры кроме «продольного» уже стоит корпусной. Баландер дает две полбуханки, затем еще две.

— У нас один в отказе.

— Отдай им четыре, — приказывает корпусной.

— Если не заберете мою порцию, положу ее возле двери и никто к ней не притронется, — вмешиваюсь я в разговор.

«Кормушка» захлопывается.

До отбоя обсуждаем варианты развития ситуации.

— За голодовку карцер полагается.

— Нет, давить его они не будут. Журналист, весь мир следит за этим делом.

— Плевать батьке на весь мир.

Шура шепчет мне: «У нас есть несколько кубиков „Галины Бланки“. Давай, когда все уснут, заделаем тебе, никто не узнает».

— «Не будь умнее всех».

14 августа

На завтраке ситуация повторяется: корпусной следит, как в нашу камеру передают четыре миски каши. Пришлось объясняться с ним еще раз.

День выдался бурным. На утренней проверке появляется воспитатель — молодой старлей.

— Какие ко мне у вас претензии? — спрашивает.

— Никаких.

— Книг у нас на всех не хватает. Я отобрал самые интересные, выбирайте.

— Что ж вы в камеру не заходите? — спрашиваю.

— -А, чтобы не попасть в мемуары. Потому и фамилию не называю.

«Воспет» работает в тюрьме лет десять. Начинал постовым, дослужился до лейтенанта. Бегающие глаза, наигранная простоватость. Старался казаться любезным, но все его обещания чаще всего оказывались пустым звуком.

Через час заходит врач. Осмотрел, послушал, поставил диагноз — бронхит.

— Надо вас внимательнее посмотреть, может, сделаем еще одну флюорографию. В общем, в понедельник вызову вас в медчасть.

Странная рекация на недолгую голодовку. После обеда все, наконец, прояснилось. Корпусной вывел меня из камеры и отвел в кабинет опера. Там уже ждали полковник и человек в штатском.

— Здравствуйте, Павел Григорьевич.

— Здравствуйте, а вы кто?

— Я — начальник тюрьмы.

— Как вас зовут?

— Это не обязательно. Просто начальник тюрьмы. Скажите, Павел Григорьевич, откуда у вас столько пренебрежения к белорусскому народу?

— В каком смысле?.

— Ну, вот вы написали в своем заявлении, что в стране беззаконие, что страх вернулся в общество и так далее.

— А в чем здесь пренебрежение к народу?

— Ну, я смотрел программу Доренко в прошлую субботу, в его словах столько ненависти...

— Так я же не Доренко, за его слова не отвечаю. Что же касается меня, то вы путаете власть и народ.

— Значит, отказываетесь от пищи? Мы знаем — вас настроил на это адвокат.

— Погоняйло здесь не при чем.

— Но вы же понимаете, у нас есть достаточно способов не дать вам умереть.

— Принудительное кормление законом запрещено.

— Все-таки советуем пересмотреть свое решение. А газеты вам в камеру принесут. Телевизор постараемся починить. Что же касается изменения меры пресечения -это не от нас зависит. Советую: побережь силы — о вас уже забыли.

— Посмотрим. полковник. Через месяц, два, год я все равно выйду.

— И начнете писать мемуары?

— Конечно.

Потом почти час обсуждали политическую ситуацию в Беларуси. Я и поделился историей наших отношений с Лукашенко. Им было интересно.

— Хорошо, Павел Григорьевич, в карцер я вас не отправлю, но советую заканчивать голодовку. Возвращайтесь в камеру, от обеда можете еще отказаться, а уж вечером поешьте.

После обеда принесли телевизор.

— Давайте проверим, — неожиданно предлагает корпусной.

Включаем в сеть, не работает.

— Странно. Ну что, забирать? Из корпусного получился бы неплохой актер.

— Забирайте.

Через некоторое время еще один сюрприз. Саше приносят продуктовую передачу. Колбаска, чеснок, лук, печенье, сигареты, варенье. С ума сойти. Как хочется жрать, именно жрать...

Шурик тычет мне колбасой под нос: «Да ладно, поешь немного, наплюй на все...».

Чтобы перебить голод, стараюсь заснуть. Проспал до ужина, едва дождался, пока камера доела свою баланду, и снова спать.

15 августа.

Завтрак опять передают в присутствии корпусного. Похоже, надзиратели нервничают.

Перед обедом всех выводят из камеры и начинают шмон. Переворачивают все вверх дном. Наконец, нашли «коня» и заточку, сделанную из ручки от алюминиевой кружки.

— Чье это?

— Не знаем, кто-то оставил.

После обеда уводят к тюремному психологу.

— Здравствуйте, как себя чувствуете, расскажите о себе

— Нормально чувствую.. Травм головы не было, в детстве по ночам в постель не мочился. Что еще?

Смеется.

— Да нет, я просто спрашиваю. Голодовка считается у нас пороговым состоянием, по инструкции я обязан с вами поговорить.

— Давайте поговорим.

Попросил этого психолога, чтобы он нашел Диму Завадского и побеседовал с ним — пусть Димон развеется, поболтает. Психолог свое обещание сдержал, встретился. Правда, Дмитрию разговор не очень понравился: «Откуда я знаю, что за психолог такой. Я эти тюремные методы усвоил, поэтому особого желания общаться с ним не было. Так покурили».

Вечером приехал Погоняйло, привез письмо от родных, в нем просьба— не голодать и следить за здоровьем.

— Паша, надо кончать с голодовкой. Она ничего не решит, ты только здоровье подорвешь.

— Ладно, подумаю...

16 августа.

Третьи сутки голодовки. Кризис как раз и наступает на третий-четвертый день. Опытные в этом деле люди говорят, что надо много пить воды и, как ни странно, двигаться. Организм перестраивается и главное в это время — выводить токсические вещества и яды. На седьмой день становится легче и голодать можно хоть месяц. Но двигаться мне не хотелось и я большую часть времени с головной болью валялся на нарах. На прогулку меня уже не вывели — наказали.

17 августа.

Сегодня нашему этажу повезло — на смену заступил спокойный «продольный», пожилой прапорщик. Он редко заглядывает в глазок, не достает заключенных требованиями и, главное, не отключает электричество. Пить чай и смотреть телевизор можно не переставая. Телевизор практически не выключали, выбирая между тремя каналами: ОРТ, РТР и Белорусским.. Вне конкуренции был, все-таки, «Первый».

В программе «Время» вновь вспомнили о нас. Володя Фошенко сделал сюжет о работе Белорусского бюро ОРТ. Толя Адамчук отправился на белорусско-литовскую границу и попытался пройти ее в том месте, где мы снимали свой июльский репортаж. Конечно, его и всю съемочную группу задержали. И дураку понятно, что на «засвеченный» участок выведены дополнительные силы пограничников. Зачем туда было лезть?

Из «дела Адамчука» чуть было не родился «заговор иностранных корреспондентов».

18 августа.

Утром куда-то выводят. Конвойный заставил раздеться, прощупал вещи, туфли, заставил присесть. Что-то уж слишком внимательно проверяют, может, везут на встречу с кем-то из Минска? Оказалась, обычный допрос.

Пришел следователь Рагимов. С меня сняли наручники и отвели в кабинет. Там уже ждал новый адвокат — Михаил Валентинович Волчек.

Допрашивал меня Рагимов — пять часов без перерыва.

Подследственный для следователя — не человек, а один из элементов уголовного дела, которое должно быть завершено в срок, а в ситуации, когда поставлена задача найти любую зацепку, чтобы покарать, то на обвинение может сработать любое слово. Лучшие показания — это отсутствие всяких показаний. А чистосердечное признание, как известно, «облегчает работу следователя и удлиняет срок». Следователям помогать нельзя, свою работу пусть они делают сами.

Рагимов часто повторял: «Я жду от вас чистосердечного признания».

— Так в чем признаться — то?

— Вы ведь специально сделали сюжет о границе, чтобы развалить Союз!

— В своем ли ты уме, Рагимов?

Молчит. Разговор следователя и подследственного — беседа глухого со слепым. У большинства из них есть внутренняя убежденность в вашей виновности, особенно, когда эта убежденность доводится сверху.

Вернули меня в камеру перед самым ужином.

19 августа.

Снова допрос. Потребовали рассказать о себе: где родился, учился, работал. Затем экспертиза голоса. Чекисты решили придать своей работе больше солидности и документально подтвердить, что сюжет от 23 июля озвучен именно моим голосом и в кадре тоже я.

После обеда одного из наших сокамерников — Юзика забирают на этап. Ему еще утром объявили, что переводят в Барановичи, в СИЗО по месту жительства. Последние два месяца конвой ведет себя очень жестоко. В середине июля именно в Барановичах пятеро заключенных напали на конвой и попытались бежать. Один солдат погиб, но беглецов расстреляли прямо на вокзале. Разговоры вокруг этого случая не утихали и конвой продолжал мстить.

Из письма заключенного Юрьева А.:

— Я стал свидетелем произошедшего 13.07.97 г., попытки побега осужденных из «вагонзака» возле Баранович. Не имея к инциденту ни малейшего отношений, был избит и подвергнут издевательствам и пыткам как в «вагонзаке», так и в СИЗО г.Барановичи. А именно: при выгрузке из вагонзака нас заставляли ползти по-пластунски по коридору вагона, залитому кровью. Все это сопровождалось ударами ногами и дубинками. Из «автозека» нас просто «выгружали», в камеры в прямом смысле слова закатывали ногами.

А у меня на свободе в ноябре 1996г. была серьезная травма головы. Но этого ведь никто не спрашивал: били по чему попало. Сейчас здоровье ухудшилось, постоянные головные боли, а лекарства, что у меня были, выбросил конвой в г.Барановичи.

За что я пострадал, до сих пор не могу понять. По сей день ээков избивают и унижают, как конвойные солдаты, так и военные СИЗО г.Барановичи. Если Вы, можете, то повлияйте на прекращение этого беспредела. Там льется кровь.

Из письма заключенного Ляха Владимира Александровича:

— В начале лета я заболел очень тяжелой болезнью — менингитом и был отправлен в Республиканскую клиническую больницу. Там меня немного подлечили и отправили в ИТК-5 со 2-й группой инвалидности. 13 июля я ехал из Баранович в Ивацевичи в тот момент, когда произошел захват «вагонзака». К этому захвату я отношения не имею, но пострадал очень сильно.

После перестрелки, перед тем, как вывести нас из купе, пришел офицер в звании подполковника и приказал из купе выползти и ползти вдоль вагона к выходу. Когда я полз по вагону, солдат меня избивал дубинкой. Когда нас посадили в машину, мы все уже были очень сильно избиты.

Потом повезли в Барановичский СИЗО. Там было самое страшное. Когда выводили из машины, один солдат сразу бил кулаком по лицу, чтобы сбить с ног, а потом, когда ты уже лежал на полу, солдаты избивали ногами и говорили, чтобы полз до камеры. А до камеры метров 10. И все эти 10 метров меня солдаты избивали ногами...

В камере меня поставили к стене и сказали, чтобы руки положил на стену. Но руки мне сильно болели, я просто не мог их приподнять. Тогда меня начали

обратно избивать дубинкой и я потерял сознание. Когда очнулся, камера была закрыта. Я стал к стене, как стояли все остальные.

Тем временем в Минске чекисты продолжали раскручивать «заговор ОРТ» против Беларуси. Около 11.00 в офисе Белорусского бюро ОРТ появились два офицера госбезопасности. Они пришли за Дмитрием Новожиловым, редактором бюро. Накануне Диму предупредили о том, что ему лучше уехать из Минска, и он срочно отправился в Москву. В Минске оставались Ярослав Овчинников и Виктор Дятликович, наш новый корреспондент.

Чекистам дверь открыл Дятликович.

— Мы бы хотели переговорить с Дмитрием Новожиловым.

— Его нет, он в командировке в Москве.

— Разрешите, мы пройдем.

— Пожалуйста.

Сотрудники КГБ вошли, осмотрели офис, спросили фамилии тех, кто там в это время был. Действительно, Новожилова нет. Чекисты молча уходят.

Не успела за ними закрыться дверь, как на пороге появляется корреспондент газеты «Известия» Александр Старикевич, который едва ли не силой уводит за собой Виктора Дятликовича: «Быстрее, пошли. Идут за тобой!»

Через пять минут в офис приходит вторая группа КГБ, но уже — за Дятликовичем.

— Нам нужен Виктор Дятликович!

— Его нет.

— А где он.

— Не знаем, куда-то вышел.

— Мы подождем.

Оперативники прождали три часа. Проверили документы у всех, кто был в бюро. Ушли «без добычи». Одновременно облавы сделали на квартирах Дмитрия и Виктора, но и там их не нашли. Виктор на машине друзей уехал в Москву и позвонил оттуда только через два дня. До этого никто не знал, где он. Многие думали, что его задержали чекисты и где-то допрашивают.

Вечером из Лиды вернулись сотрудники российского посольства, которые встречались с Владимиром Фошенко, принудительно доставленным в Лиду для дачи свидетельских показаний по делу о задержанных сотрудниках ОРТ. Однако «нормальный разговор» у представителей посольства с Фошенко, по их словам, «не получился». Он отказывается отвечать на любые вопросы следователя, поэтому в российском посольстве не исключают, что его могут взять под стражу в качестве подозреваемого по тому же делу.

20 августа.

Не успели позавтракать, как опять забирают из тюрьмы. Несколько часов водили вдоль белорусско-литовской границы в паре с конвоиром: левый браслет на моей руке, правый — на его. Я еще пошутил: «В паре когда-нибудь бегал. Нет? Сегодня попробуем».

В принципе, следственный эксперимент - тот же допрос, только на свежем воздухе, поэтому ничего нового он не дал. Единственным полезным моментом было то, что я, наконец узнал, где же на самом деле проходит граница.

21 августа.

Пока с допросами закончили. Следующий раз следователь вызовет меня только в начале сентября. До понедельника адвоката я тоже не увижу. Самое время заняться бытовыми проблемами.

22 августа.

В 8 часов 50 минут утра после очередного безрезультативного допроса корреспондент Воронежского бюро ОРТ Владимир Фошенко выдворен за пределы Беларуси. Его посадили в поезд, под конвоем довели до белорусско-российской границы и отпустили.

Анатолия Адамчука, Александра Оганова и Валерия Асташкина освободили из-под стражи в 10.15 и привезли из Лиды в Минск, в российское посольство. КГБ распространило официальное заявление: «В ходе расследования уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью 2 статьи 15 и частью 2 статьи 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь,

доказана попытка совершения Адамчуком незаконного умышленного пересечения Государственной границы Республики Беларусь, пособничество ему в этом Оганова и других участников группы. Компетентными органами Республики Беларусь получена информация о физических угрозах жизни и здоровью освобожденных из-под стражи корреспондентов ОРТ и о возможных инсинуациях, в том числе и о методах работы следствия, со стороны организаторов провокации на белорусско-литовской границе. С учетом вышеизложенного, а также в связи с тем, что в процесс освобождения журналистов были вовлечены их родственники и коллеги по работе, принято решение о передаче Адамчука, Оганова и Асташкина их близким, а также официальным представителям Российской Федерации».

Распоряжение об освобождении было отдано лично Александром Лукашенко. Белорусские власти объяснили решение освободить группу ОРТ личной просьбой спикера Госдумы Геннадия Селезнева. Даже сейчас Лукашенко и российские коммунисты хотели поиграть судьбами людей.

Геннадий Селезнев прилетел в Минск и на импровизированной пресс-конференции после встречи с Лукашенко объявил, что журналисты будут переданы их женам и директору общественно-политических программ ОРТ Александру Любимову.

Тут же белорусский президент заявил, что группа Адамчука находится в российском посольстве под охраной службы безопасности президента Беларуси, поскольку им, якобы, угрожает опасность. От кого исходит эта опасность Лукашенко не сообщил. Он сказал, что передал Селезневу весь пакет документов, содержащих оперативную информацию по делу названной съемочной группы ОРТ: «Эти документы свидетельствуют о действиях сотрудников ОРТ, начиная с 10 августа, когда они попали на контроль Комитета госбезопасности. Информация о том, что затевается такое мероприятие, Комитетом госбезопасности Беларуси была получена из Москвы. Тогда же Генеральный прокурор республики отдал распоряжение о прослушивании телефона Белорусского бюро ОРТ».

Геннадий Селезнев вспомнил и о группе Павла Шеремета. По словам российского спикера, сейчас заканчиваются следственные действия, материалы будут переданы в суд, после чего это дело ожидает судебное разбирательство: «Вы знаете ваши законы — может быть подано прошение о помиловании и т.д.». Видимо, тогда родилась идея жестоко осудить Шеремета и Завадского, а потом помиловать указом Лукашенко.

Тюремная почта работает мгновенно. После обеда на прогулке в соседний дворик попала «камера 64» — женщины слева от нас. Обычно, гуляя, заключенные перекрикиваются, песни поют. Девушки уже знали, что я сижу в 65 и мы всю прогулку знакомились через толстую стену. Оказалось, что Дмитрия держат через камеру от меня. Девушка по имени Алена пообещала, что простучит Диме по стеночке и скажет, где я.

Но успела она это сделать, как вечером прямо перед ужином Дмитрия перевели, переселили на противоположную сторону, в самую крайнюю камеру. В новой камере жизнь у Дмитрия не изменилась: «Эту камеру как и первую сформировали в день моего переселения. Здесь я уже сидел в компании наркомана, малолетки — он до того имел условное осуждение, а „сел“ за то, что кому-то морду набил. Третьим был Петрович. Он говорил, что сел по второму разу. Так — не так, кто знает. Он какой-то слизковатый был — нет у меня уверенности в том, что он был чист.

Во второй «хате» людей уже было больше положенного по норме. Вначале мы вчетвером сидели, а потом еще двоих человек «подселили». Ничего. На одной из верхних нар есть другие нары, которые откидывается на противоположную сторону — вся эта конструкция называется «вертолет». Это несложное приспособление устанавливается, значит, уже могут спать пять человек. Для шестого дают деревянный поддон, на ночь он устанавливается на пол. Поддон, кстати, видимо, с богатой историей, весь исписанный: кто кого сдал, кто кого любит... В первые дни, когда его только начали приносить, мы около получаса не отходили — изучали, дописывали.

А днем, честно говоря, шестерым в одной камере тесновато. Если сидишь, то еще ничего, но ведь если ты не очень буйный и охрана нормально относится, то и днем в СИЗО можно полежать. В моменты «перенаселения» спать днем приходилось по очереди. А так в домино играли — когда сидишь, места хватает.

В обеих камерах отношение ко мне было нормальное. Там изначально ко всем отношение нормальное, просто у каждого свой характер. Есть люди конфликтные. И если два конфликтных попадетсся, то следовательно и им тяжело, и всем остальным тяжело. У нас народ был более-менее спокойный, но это все равно непросто, находясь все время в четырех стенах, видеть одного и того же человека с одними и теми же недостатками. Иногда люди не выдерживают. В первой камере, в которой я сидел, нашлись два таких несовместимых. Мне, правда, удавалось их рассаживать на разные нары и все заканчивалось просто трехэтажным матом.

Пытались мы и связываться с соседями, но не очень удачно. Это была самая крайняя камера со стороны двора. А двор всегда просматривался. Но мы все равно связывались, с «низом». И уже я сам, как человек обученный, сделал грузило, коня сплел — нитку в матрасе нашел. Нам даже пару раз сигарет прислали, но по большому счету на связь «низы» выходили не очень охотно. А вот рядом сидели рецидивисты, они сами вышли на связь. Мы уже отстрелялись, начали дорогу тянуть, но прибежал наряд — и все вымел».

23-24 августа.

Суббота — воскресенье. Тихо как в могиле. От нечего делать сварили чифирь.

Чифирь — отдельная тема. В тюрьме — это святой напиток, но вокруг него очень много легенд. Чиф — означает сваренный «вкрутую» чай. Он не вызывает никаких галлюцинаций, весь кайф от него — невероятная бодрость и активность. К чифу надо привыкнуть, первое время он вызывает только рвоту и головокружение. «Специалисты» рассказывают, что после частого употребления чифа без него трудно — наступает вялость и упадок сил. Зеки варят чиф и разбираются в его видах так же, как любители кофе или чая.

Кто-то уважает крепкий чифирь. У нас была большая кружка на два коробка чая с горочкой, сверху — обернутый фольгой картон или фольга от шоколадки. Чай намокал, оседал, но пока весь не намокнет, его не размешивают. Потом по глотку пускали по кругу. Первый раз меня чуть не вырвало — рот вяжет как он неспелой хурсы. Лучше пить «купец» — чиф с вареньем или сахаром, это намного приятнее. Для гурманов важно даже то, из какого чая варить: индийского («индюху»), «цейлона» или «грузии». Делают даже смеси, например: «цейлона» с «грузией». Считается, что цейлонский дает толчок крови, а грузинский «первый сорт» долго держит и гоняет кофеин по венам, поэтому кайф от такой смеси дольше. Но для человека, первый раз попавшего в эту запредельную жизнь, чифирь — питье непонятное. Потом я замечал, что с большим наслаждением здесь пьют кофе, который из-за недоступности считается роскошью. Чифирь — это ретро, больше традиция, чем необходимость. Кофе, наркотики, таблетки и прочая дрянь постепенно вытесняют из тюремного рациона «чай в крутую». Другие времена — новые технологии.

25 августа.

Приехал Волчек. Единственное светлое пятно за последние трое суток. Поговорили о жизни. Он мне все рассказывал, что там и как там на воле. Михаил Валентинович приносил вырезки из газет со статьями по нашему делу. Почитаем, поговорим и обратно в камеру. Раза два в неделю он или Гарри Погоняйло приезжали. Хоть кого-то из знакомых повидать — все легче. К суду готовится или документы штудировать бессмысленно — сам предмет уголовного дела вымышленный, что там обсуждать. Надо бороться и ждать.

Сегодня в Лиде освободили Владимира Костина, единственного белоруса в группе Адамчука. Только он и смог рассказать, что произошло со второй группой ОРТ в Ошмянах.

Из рассказа телеоператора Владимира Костина:

— Мы доехала по старой дороге на Вильнюс от Ошмян почти до заграждения на дороге. До самого заграждения мы не доехали, остановились метрах в трехстах от него, потому что в сторону Литвы ехал какой-то мужик на велосипеде. Обычный местный житель, в старой кепке, с котомкой. Мы его тормознули и спрашиваем: «Мужик, где тут граница?». Он показывает в сторону заграждения: «Так вот же она. Но вы на машине здесь не проедете, лучше объехать через лес». И объясняет нам, как и где въехать в лес и по какой тропинке выехать на литовскую сторону. Мы посмеялись, записали мужика на камеру и сели обратно в машину. Мужик спокойно доехал до первого заграждения, объехал, затем также преодолел второе заграждение, добрался до шлагбаума, перетащил велосипед через шлагбаум, потом также поступил и на втором шлагбауме и покатил себе дальше уже по литовской земле. Никто этого мужика не тормознул. Самое смешное, что буквально через пару минут с литовской стороны идут две бабушки. Свободно перешли эту границу и идут прямо к нам. Создалось такое впечатление, что люди ходят через границу туда — сюда совершенно свободно, никого это не интересует, никого это не волнует и всем начхать на это. Мы сняли этих женщин, поговорили с ними и решили уезжать, потому что материала для сюжета было больше чем достаточно. Но тут Толя Адамчук захотел снять стенд-ап на фоне того же Литовского пограничного щита, что и Шеремет. Мы ему говорим: «Толя, надо сваливать отсюда, пока все нормально». Но Толю невозможно было переубедить. Решили хоть первую кассету спрятать, засунули ее под запасное колесо в багажнике. И втроем — я, Толя и оператор — пошли в сторону границы. Не успели мы отойти от машины метров на

тридцать, как Валера — водитель — кричит нам: «Мужики, по наши души!». Поворачиваемся, а со стороны Ошмян из леса выбегают два пограничника, оба прапорщика. Видно, что пробежали они много. Оказалось, они ждали нас на лесной дороге, думали, что мы действительно собираемся перейти границу.

Добежали они до нашей машины, мы тоже вернулись, представились, отдали им наши документы. Пограничники забрали ключи от машины, нам приказали в нее сесть и начали связываться по рации и вызывать наряд. Приехало еще человек восемь солдат пограничников, они оцепили место, где мы стояли. Я пошел в кусты по надобности, а из кустов автомат торчит. Я говорю: «Осторожно, не отстрелите мне ничего».

Подождали мы еще полчаса и всех повезли в комендатуру. Развели по разным комнатам и попросили написать объяснительные, потом начали допрашивать. Меня допрашивал начальник оперативного отдела погранотряда Страх. Он интересовался, зачем мы сюда приехали, что мы здесь хотим найти и так далее. Но беседа была спокойной, мирной. Как я понял, все рассказали, что не собирались нарушать границу, хотя и не скрывали, что приехали в Ошмяны, чтобы убедиться собственными глазами, как охраняется граница.. Ну там действительно, абсолютно непонятно, где проходит граница. Такое ощущение, что мы пересекли границы Минской и Гродненской областей: никаких знаков, табличек, стоит посреди дороги одинокий шлагбаум. И все.

Раз пять или шесть Страха вызывали к телефону, и, насколько я понял, звонили какие-то начальники из Минска. И чем дальше, тем он все более заводился, нервничал. Забрали камеру и все кассеты.

Часа через три передали нас в местное отделение милиции. Там тоже все повторилось, написали мы объяснительные, проверили документы и объявили каждому штраф по 450 тысяч белорусских рублей за въезд в пограничную зону без специального разрешения. И дальше начинается самое смешное.

Нас повезли пообедать за счет милиции в местный ресторан. Сопровождал нас замначальника РОВД и там он говорит: «Ребята, зачем вы сюда приехали. Как можно быстрее берите ноги в руки и сматывайтесь отсюда, чтобы не было никаких проблем». Вернулись после обеда в отделение, часа три там посидели и нам надо было только уплатить штраф. Но было уже семь часов вечера. Ни у кого не было белорусских рублей, только российские.

Пока нашли обменный пункт, закрывается сберкасса. Сам этот замначальника позвонил в банк и попросил не снимать кассу и на охрану не ставить, пока мы не приедем и не заплатим штраф, и постоянно нас торопил. И вдруг раздается звонок из Минска. Нас попросили выйти из кабинета, минут пять там шла беседа, и когда мы вернулись, милиционер развел руками и сказал только одну фразу: «Поздно. От меня уже ничего не зависит. Оставайтесь здесь ночевать, завтра все оплатите и тогда уедите».

Честно говоря, мы были уверены, что завтра нас отпустят. Машину оставили возле РОВД. Перед этим милиция и пограничники ее обыскали и только по дурацкой случайности они нашли главную кассету. Машину уже обыскали, Валера собирается закрыть багажник, тут подходит мужик и просит закурить. Валера дает ему прикурить, хлопает крышкой багажника, она не закрывается, он хочет еще раз закрыть и тут пограничник говорит сержанту милиционерскому: «Посмотри под запасным колесом». Тот отказывается: «Да не надо, грязное колесо. Зачем». Пограничник не унимается. Мент подымает колесо, а там кассета.

Отвезли нас в гостиницу, поселили, предупредили, что выходить нельзя. Мы, правда, вечером пошли с Валерой гулять по городу, хотя чувствовали, что за нами присматривают. Адамчук позвонил в Минск, поговорил с Володей Фошенко и его понесло. Толя запсиховал, при чем основательно. Он начал что-то несвязное говорить: «Меня подставили, меня выгоняют. Моими руками пытаются убрать Доренко». Но нам было неинтересно все это слушать, как он ныл, и мы ушли к себе в номер.

Утром сходили в сберкассу, заплатили штрафы и пришли обратно в отделение милиции. Нам не возвращают документом. Держат в холе РОВД, но на улицу не выпускают. Так час три продолжалось. Мы начали возмущаться, в конце концов, когда весь этот бред закончится. Приезжает местный прокурор, долго совещался с милицейским начальством, с кем-то разговаривал по телефону, потом вызвал нас. Начался какой-то идиотский разговор.

— Что вы делали, зачем вы там шлялись? — спрашивает. Мы ему объясняем, что работали.

— Нет, надо проверить, может быть у вас фальшивые документы.

Тут нам все стало ясно. И нас задерживают до выяснения личностей за ... бродяжничество.

— Вы думаете, что вы говорите, — накинулся уже я на него.

— Ну что вы от меня хотите, я ничего не решаю.

— Так вы прокурор или просто погулять вышли. — Ребята меня в бок толкают: «Володя, тише, тише».

Нас развели по разным комнатам и составили протоколы задержания за бродяжничество. Все отказались отвечать на вопросы. Например, был вопрос: «Занимались ли вы бродяжничеством и попрошайничеством?». «Нет». Вижу мент зачеркивает слово «попрошайничеством», но оставляет «бродяжничество». Вообщем всех оформили, посадили в машину и — вперед.

Привезли нас в Лиду, в изолятор временного содержания. Правда, сразу по камерам не раскидали, пару часов держали всех во дворе. Документы везли отдельно, в изолятор нас не хотят принимать, потому что не знают, кто мы такие, им лишняя головная боль не нужна. Те, кто привез нас из Ошмян, хотят побыстрее от нас отделаться. Вообщем, получалось, что никому мы не нужны.

К счастью, нас не обыскивали, а у меня был сотовый телефон из бюро ОРТ. Я попросился в туалет и там тихонько позвонил в Минск в бюро. Трубку поднял Дима Новожилов, я рассказал, где мы и что с нами, попросил, чтобы он матери позвонил. Теперь хотя бы люди знали наше местонахождение, ведь милиция ничего никому не говорила, КГБ тоже отмалчивалось. Даже когда моя мать приехала в Лиду, то в местном РОВД ей сказали, что такого нет, в КГБ — тоже, а больше идти и ехать некуда, у нее была почти истерика. Тогда один из сержантов по секрету сказал ей, что мы в изоляторе. Дурдом!

Вернулся к ребятам, Толя Адамчук говорит: «Дай телефон, я позвоню». Я прошу его этого не делать, потому что могут заметить и забрать телефон. Нет, он уперся. Отдаю ему телефон, он его во внутренний карман куртки засунул, а антенну не открутил — сержант увидел и телефон забрал.

Наконец привезли документы, нас завели внутрь. Провели личный досмотр, описали имущество. Я говорю: «Запишите, что изъяли паспорт». Сержант отказывается: «Твой паспорт у начальника, я его не видел, записывать не буду. Отдаст начальник, потом впишу». «Ну ладно», — думаю, наверное это будет правильнее. На самом деле милиционерам ни в чем верить нельзя, никогда, потому что обман — это их методы работы.

Заселили нас всех в одну камеру, ни матрасов, ничего там нет — только деревянный настил и параша.

Поздно вечером, уже темнело, нас вызвали на допрос. Отвезли в сопровождении ОМОНа с автоматами в какое-то здание и там держали чуть ли не пол ночи. Первого на допрос увели Толю, затем через час постепенно уводили всех остальных.

Меня привели к мужчине средних лет. Я спрашиваю:

— Где мы, что с нами происходит.

— Вопросы здесь задаю я, отвечайте на мои вопросы.

Ну я сел, молчу.

— Отвечать будете?

— Вы сначала скажите, кто вы, где мы.-Видно, что беседа у нас не получается, но он все-таки представился — следователь КГБ.

— А при чем здесь КГБ?

— На вас заводится уголовное дело, я должен разобраться.

— Какое уголовное дело, о чем вы говорите?

Мы так и не нашли общий язык. Уже было два часа ночи и нас всех увезли.

В изоляторе посадили по разным камерам: я был с Сашей Огановым, а Валера — с Толей.

Утром обратно повезли в местное КГБ. С тех пор Толю я уже не видел, его все время вывозили и выводили отдельно. Вечером только, когда дезинфицировали камеры, сначала Толю с Валерой перевели на некоторое время к нам, потом меня и Оганова подселили на полчаса к ним. Но мы толком и не поговорили, никто до конца серьезно ситуацию не воспринимал.

Я опять написал объяснительную, как в Ошмянах. Следователь предложил, что он будет задавать вопросы по моей объяснительной, а я буду отвечать. Получилась бы та же объяснительная только в виде вопросов и ответов, т.е. обычный допрос. Я отказался: «Это не дело. Почему мы сидим в приемнике-распределителе? Что такое? У вас против нас какие-то обвинения?» «Нет, нет, нет», — затараторил. «Тогда в чем дело. Административное нарушение — штраф мы заплатили. Что еще?» «Ну, вот надо кое-что уточнить».

«Обязательно это делать в приемнике-распределителе? Мы же ни от кого не скрываемся. Заселите нас в гостиницу. Деньги у нас есть. Это абсурд — задержать за бродяжничество людей, у которых есть деньги, работа и жилье». «От меня ничего не зависит. Я выполняю свою работу. Может быть сегодня вы поедете домой». «Пусть придет начальник, который может это решить. Дайте, в конце концов, позвонить домой». Приводят меня к начальнику из Гродненского КГБ. Разговор с ним тоже не получается. Выводят меня из кабинета начальника и я сталкиваюсь лицом к лицу с Иваном Ивановичем Пашкевичем, заместителем главы администрации президента. Поздоровались.

На следующий день опять вызвали к следователю и уже начали задавать конкретные вопросы: «Как вы готовились перейти границу?» «Кто вам приказал нарушить границу?» и прочее. Я вообще отказался отвечать на любые вопросы и отказался в изоляторе брать еду. Потом все отказались есть. Буквально через полчаса появился следователь, начальник изолятора, привезли местные старые газеты, начали уговаривать отказаться от этой затеи.

Толя начал требовать встречи с российским послом, мы — адвокатом. На это следователи отвечали, что адвокатов дадут тогда, когда нам предъявят обвинение. Постоянно следователь повторял, что сегодня утром, сегодня днем, сегодня вечером, завтра, вот-вот нас отпустят. И так каждый день. Мы же знали, что без адвоката можно было вообще рта не открывать, мы же не юристы, этим милиция и гебешники пользовались.

Следователь постоянно давил: «Признайтесь, как вы готовились перейти границу». «Да не собирались мы переходить границу», — отвечаю. «Ну посидите, подумайте», — и уходил часа на два, три. Возвращался и все начиналась по-новому: «Ну, вспомнил? Лучше сразу, чем потом». Я отказался вообще с ним разговаривать. «Не хочешь общаться, не надо». Меня отвезли обратно в изолятор и больше фактически до самого освобождения никуда не вызывали.

На допрос возили Сашу Оганова. Дня через три он говорит мне, что вроде бы Адамчук подписал какое-то обращение к Лукашенко. Но с нами в камере сидел еще один мужик и при нем мы старались подробно ситуацию не обсуждать, и я, честно скажу, толком не понял смысл того, что рассказывал Саша. У меня были свои мысли, я еще голодал четвертый день, я не мог врубиться в то, что происходит. Толю и Валеру я видел только раз в сутки, когда утром нас выводили на парашу, через сетку я их видел. Валера

постоянно шутил, а Толя выглядел подавленным. Там в туалете между кабинками мелкая сетка, я их вижу, они нас — нет, но Валера знал, что мы его слышим, поэтому шутил о своем внешнем виде, что жена его домой не пустит и в таком духе.

Появлялся периодически врач, который интересовался моим самочувствием и предупреждал, что на десятый день они могут меня кормить принудительно: «Не ты первый, не ты последний, вгоним трубку в горле и будем кормить. Не одному уже кадык рвали, зубы выбивали, лучше прекрати».. Сержанты, которые нас охраняли, относились к нам хорошо, ничего плохого не могу сказать. В субботу ребят увезли с вещами, меня не забрали. Чисто психологически очень тяжело слышать, как один раз замок в камере открывается, и ты не слышишь больше, как их возвращают назад в камеры. Остаться одному трудно. В восемь вечера выводят на парашу, ты слышишь — один. В воскресенье новая смена мне уже сказала, что ребята в самолете на Москву — Любимов их забрал. Появился начальник изолятора, начал меня успокаивать, что в понедельник и меня освободят. В понедельник приехал за мной «воронка», повезли в город. Минут пятнадцать возили по Лиде, хотя от изолятора до отделения КГБ всего пять минут пешком идти. Перед этим пришел мент и говорит: «Парень, сегодня десятые сутки голодовки. Есть будешь или нет? Смотри, это не шутки, зачем тебе медицинское вмешательство». «Я не буду есть». Поэтому, когда меня повезли, я решил, что будут сейчас кормить. Двери «воронка» открылись, смотрю — КГБ.

Появился гродненский следователь: «Говорить будем?» «Я уже все объяснил». «Твои ребята подписывали, на вопросы отвечали, поэтому их отпустили. Ты же останешься. Подпиши бумаги, иначе мы не можем закрыть уголовное дело». «Я ничего подписывать не буду». Часа три я там просидел, потом появился следователь и дает мне бумагу? «Подписывай». «Я ничего не подпишу». «Ты сначала посмотри, что это такое». А там — постановление о том, что приемник-распределитель установил, наконец, мою личность и может меня отпустить. Я все равно решил ничего не подписывать. Тогда он дал мне бумажку с описью изъятых у меня вещей? «Ну хоть это подпиши, что претензий по вещам не имеешь». За это я расписался. Отдали все вещи кроме паспорта. Паспорт был у начальника изолятора, следователь заявил, что не имеет к этому никакого отношения, то есть они в футбол с нами играли. Так паспорт и не нашли, забрал его я только через пару дней.

Вышел на улицу и понял, что я действительно теперь похож на бомжа: десять дней не брился, не мылся, в грязной одежде. У меня до ареста была светлая рубашка, которая стала черной. Запах от меня, наверное, шел терпкий. Я вижу, как люди обходят меня стороной. До дома родителей в Щучине — 50 километров, гебисты везти меня отказываются. Добрел до поста ГАИ на выезде из Лиды, милиционер остановил попутную машину, люди хорошие оказались и взяли меня, хотя на их лицах все было написано. Внешний вид, вонь — им было тяжело, но лишних вопросов они не задавали. Доехал до Щучина, добрался до дома. Захожу, у матери — истерика, когда она меня увидела. Плачет и бежит воду нагреть, чтобы меня отмыть.

26 августа.

В Столбцах арестовали студента Белорусского государственного университета Алексея Шидловского. В начале августа группа молодых активистов Белорусского народного фронта расписали ночью несколько зданий в городе антилукашенковскими лозунгами и призывами типа «Жыве Беларусь!». Случайно их увидел один знакомый Шидловского, сдал Алексея милиции. На следующий день арестовали еще одного «молодофронтовца», школьника Вадима Лабковича. Молодых людей продержали под следствием в изоляторе города Жодино шесть месяцев. В результате Шидловскому дали полтора года лишения свободы в колонии усиленного режима, Лабковичу — столько же с отсрочкой исполнения приговора на два года. Ребята держались стойко и «заговора молодежной фракции БНФ» не получилось. Из рассказа шестнадцатилетнего школьника Вадима Лабковича, который отсидел в СИЗО города Жлобина шесть месяцев за то, что написал антипрезидентский лозунг за одним из городских зданий:

— Арестовали меня 27 августа в Столбцах. Инна, жена Леша Шидловского, позвонила и сказала, что арестовали Лешу. Я приехал, мы с ней прогуливались, прошли метров двадцать. И тут тихо так подходят и спрашивают: «Вы знакомы?» Я даже ничего не успел ответить.

Допросы описать сложно. Они все сидели. Иногда, бывало, один забежит и ни с того, ни с сего начинает что-то спрашивать. Особо даже не зная, о чем шла речь до того — о своем о чем-то. Чаще всего я отвечал «не знаю». Они говорили «не ври, мы сделаем так, что ты все узнаешь». Получалось, что они сами мне рассказывали, как все происходило.

Когда допрашивали опера, там вообще, кроме них, никого не было. Когда отвели к следователю, туда через некоторое время привели какую-то учительницу в качестве психолога. (Она, кстати, даже пыталась требовать чтобы меня отпустили. Потом, психологи присутствовали на допросах просто для вида. Сидит у тебя за спиной человек, думает о чем-то своем, его ничего не волнует, лишь бы скорее домой). Когда появился адвокат, я точно не помню. Один день, в течение которого шли допросы, его точно не было. На второй, наверное, уже появился. Местный.

«Володарка» (Минская тюрьма — авт.) — старое здание, винтовые деревянные лестницы, пол — какое-то подобие асфальта... По сравнению с минским изолятором, в Жодино намного чище, он более современный. Но зато там отношение к заключенным намного строже. Отношение ко мне... Вообще, надзиратели старались не замечать. Но после шмона в камере, когда видели книги, тетради, конспекты, подходили и спрашивали: что, как, зачем? А вообще, было такое ощущение, будто меня нет. Нет, и все.

Прошло где-то месяца полтора после ареста, когда меня вызвал опер и стал интересоваться, как дела, как администрация относится?.. Оказалось, что приезжал какой-то прокурор, мы должны были с ним поговорить. Но так меня до него и не довели. После этого он у меня постоянно спрашивал, как дела, есть ли претензии. В первую очередь, интересовало — не били ли. Насколько я понимаю, это было после заявления Леши о том, что его избили.

Я содержался в третьем корпусе — он предназначен для несовершеннолетних. В нем, правда, есть несколько камер, где сидят взрослые и несколько камер «баландеров». Малолетних чаще всего содержат нормально, на сколько человек рассчитана камера — столько и «жильцов». Понятно, что при желании всегда можно «устроить», чтобы на шесть «шконаре» было и десять человек, и больше. Все зависит от того, как к тебе относится администрация. Кстати, если сравнивать «Володарку» и Жодино, то методика разная. В Минске наказание какое — переводят в камеру, где старшие просто начинают прессовать. В Жодино, наоборот, отправляют «на острова», где нет ни с кем связи. В камеру не сажают старшего, чтобы не было ни сигарет, ничего...

Довелось побывать «на островах». Даже не могу сказать за что. Ни за что! С целью профилактики! Правда, в моей ситуации смысл был даже не в том, что это был «остров». Там было страшно холодно: октябрь, батареи не греют, плохая погода на улице... Там меня держали около двух недель.

Первое ощущение? Там постоянно крик, гам, менты орут, чего-то хотят. Убивают в человеке его «я», чтобы он вообще не думал. Животное из него делают. Я недолго просидел, около недели, как появился один из постовых и сказал, что вообще нас за людей не считает. Мы, правда, на него все время жалобы писали и его потом убрали. И таких там много.

Меня привели в камеру ночью. Жодино принимает ночью, не знаю почему — все спали. Камера была на десять человек, я и был десятым. Люди вообще не понимали, за что меня посадили. Первое время было тяжело, привыкал. К тому же, нравы такие — мало просидел, ничего не сделаешь, никому ничего не скажешь. Постепенно меня стали «катать» по камерам — бросать из одной в другую. Это у них, наверное, профилактика такая. Но это закаляет характер, когда «поездишь» по камерам — людей узнаешь.

На «Володарке», когда я приехал, похоже, уже было известно, когда суд. Последние дни в тюрьме мне даже сложно описать. Все время старались что-то найти, пытались «крутануть». Это были просьбы рассказать что-нибудь о ком-нибудь. Даже чувствовать не надо было, что в камере «подсадка». Там было все откровенно.

Малолетки, сотрудничающие с операми, — это на Володарке редкость. (В Жодино, кстати, наоборот.) В Минске, в основном, «промышляют» старшие. Если так подумать, им это необходимо — получается, это их работа. Вот «по работе» они меня и расспрашивали, советы давали. Дескать, выйдешь — дома сиди, ничего не делай.

На Жодино, кстати, условия содержания малолетних и взрослых одинаковы. Как кормили? Одно слово — баланда. Кстати, 31 декабря вечером я впервые узнал, что такое пшенка. Меня это блюдо удивило, я даже не мог запомнить название. Перловки не было вообще. Были сечка, капуста, картошка... Но добивала уха из нечищенной рыбы и очень плохой хлеб. Кстати, Жодино называют «рыбным» СИЗО — месяцами супы с рыбной чешуей и костями. Без бульонных кубиков с воли там вообще есть ничего невозможно.

Как выглядит Жодинский СИЗО внешне, я фактически не знаю. Там четыре действующих корпуса: первый и второй — взрослые, третий — малолетки, четвертый — женщины и «больничка». (Построен уже пятый корпус). Все это разные здания, они соединены только подвалами. Там, кстати, постоянно, если куда-то ведут, то именно подвалом, именно под землей. Выглядит это так: сплошной бетон и лампочки...

Самое популярное наказание в Жодино — «лишенка», лишение передачи. Наказание крайне неприятное, но не смертельное. Мы жили обшакон — всю «дачку» делили. Был «бар» — железный ящик, который висел на стене. В нем полки. Все складывалось туда. Еда вся делится. Можно, конечно, подойти и взять что-то, если хочешь. Но чаще всего к «бар» обращались во время обеда или ужина.

О чем разговаривали в камере? Да, много о чем. Обсуждали, как жить дальше. Все, в принципе, надеются, если не с суда, так через некоторое время, выйти и продолжить нормальную жизнь. С теми же, кто не первый раз попал, — сложнее. У них идеология «Мой дом — тюрьма». Я такого только одного встречал. (Худенький такой парень). С ним было интересно.

А вообще все происходившее там забывается. Может, это защитная реакция какая. Помню просто, что были дни, когда было действительно хорошо: никаких проблем, ничего. Как это получалось, не знаю, но попытаюсь объяснить. В камере сидят несколько человек, вроде как друзья. Но в любую минуту тебя могут увести и ты никого больше не увидишь. Постоянно ощущение, что сегодня вместе, разговариваешь, а завтра осудят, дадут срок — и все. Пока никого не увели, пока вместе — хорошо.

В тюрьме люди разные. Есть «черты». Они чаще всего сами себя опускают. К примеру, он заезжает на тюрьму и через три дня говорит: я буду вам тут стирать, еще чего-нибудь делать, а вы мне будете давать курево. Никто ж его не заставлял. Там если курят, то курят все. Я не понимаю и не представляю себе, почему и зачем люди на это идут. Там и так хватает унижения. Меня, к примеру, на «Володарку» этапировали в «стольпине». «Стольпин» — это переделанный купейный вагон, в котором окна либо черные с решетками, либо их вообще нет. В общем, ничего страшного. Но сам переезд из изолятора до вагона, а потом от вагона до изолятора — это просто издевательство. Это дурацкое сидение на корточках в снегу в ожидании, пока поезд подойдет, а вокруг конвой с собаками... Пока поезд подъедет, за это время и ноги могут отмерзнуть, и все остальное. Когда в Жодино загружались, я просидел минут десять, а вот в Минске — гораздо дольше. Пока они разбирались, кто осужденный, кто подследственный, кто по какому режиму, то получилось, что малолетки пошли последними...

Каким я вышел после тюрьмы? Наверное, более наглым, более раскрепощенным. Окружающие говорят, что изменился взгляд — стал более

оценивающим. Тюрьма воспитывает в человеке характер и волю. Но она может и сломать. Я общался со многими, кто попал по первому разу, и не за политику. Создается ощущение, что страна создает себе преступников. Гораздо правильнее было бы дать возможность человеку исправиться на свободе.

28 августа.

Сегодня у Завадского день рождения, юбилейный — ему исполнилось 25 лет. Внешне добрый и интеллигентный, но стойкий следователь Рагимов пообещал матери и жене Дмитрия свидание, они приехали в Гродно, но чекисты как всегда в своем амплуа. Они начали обработку Димы, чтобы вырвать у него покаянное письмо к Лукашенко. Отказал в свидании с родными и начальник Гродненской следственной тюрьмы. Мама Завадского Ольга Григорьевна призналась: «Мы ехали в Гродно окрыленные, надеясь увидеть сына в день рождения — ему 28 августа исполнилось 25 лет. Следователь, ведущий дело, сказал ранее, что против нашей встречи не возражает». Однако, родственникам Дмитрия не только не разрешили встретиться с сыном, но даже не приняли от них передачи.

Дима отмечал день рождения с сокамерниками, которые преподнесли ему неожиданный подарок:

— С нами «гуляла» камера напротив, женская, — 66. Мы не раз, переговаривались завязали дружбу... Я взял, да и написал, что у меня праздник — а чего еще было писать? Дальше события развивались так.

Вернулись с прогулки, меня все поздравили. К этому дню приберегли корочки от копченого сала — в сыром виде они не жевались, так мы их сварили, вышел настоящий деликатес. В жару надзиратели открывали «кормушку» — нашу или напротив. На этот раз «кормушка» была открыта в камере 66, а мы через щелочку в своем окне видели все происходящее. Вдруг меня подзывает Петрович. Смотрю: кормушка открыта, а к ней девушки подходят, лишь прикрытые простыней, раскрывают ее, проделывают пару-другую сексуальных движений и отходят... И так, сменяя друг друга. Трудно сказать, понравился мне этот «подарок» или нет, но такого я никак не ожидал.

29 августа.

Главное событие дня по пятницам — баня. Банщик — должность в тюрьме такая же бластная, как и приемщик передач. В Гродно в баню водит молодой сержант, черноволосый, курчавый, похож на Лукашенко. Его так и зовут в тюрьме «Президент». Держится строго, в голосе — металл. Знает, что распоряжается редким для зеков удовольствием. От него зависит, сколько продлится блаженство — 15 минут или все 25.

При банщике работал баландер. Выдавал белье, топил котельную, стриг заключенных.

Была у меня одна проблема — сохранить отпущенную бороду. Поступал я без нее и уже несколько раз получил замечания. И вот теперь вот банщик заставил побриться — электробритвой «Харьков», похоже, послевоенного образца.

Пресс-служба КГБ передала в СМИ официальное сообщение: «Комитет государственной безопасности дополнительно изучил обстоятельства применения к обвиняемым по уголовному делу N 96 сотрудникам ОРТ Павлу Шеремету и Дмитрию Завадскому меры пресечения в виде заключения под стражу и необходимость содержать их под стражей в период проведения предварительного следствия. Анализ имеющихся в уголовном деле материалов показал, что достаточных оснований для принятия решения об изменении меры пресечения в виде содержания под стражей не имеется».

Во второй половине дня суд Ленинского района Гродно рассмотрел ходатайство адвоката телеоператора ОРТ Дмитрия Завадского об изменении ему меры пресечения на подписку о невыезде и «пришел к мнению о нецелесообразности ее удовлетворения, оставив решение следствия в силе».

31 августа.

Пытались раздобыть огонь тюремным способом, потому сигареты есть, а спички закончились. Из матраса достается клочок ваты, натирается о сухое мыло и кладется на лампу. Вата начинает тлеть — так добывается огонь.

1 сентября.

К нам заселили нового соседа — Толю, деревенского парня. Полгода как демобилизовался из армии. Первое время держался настороженно, больше помалкивал. Толя попал в тюрьму за попытку изнасилования. По пьяному

делу пристал к местной десятикласснице, но бабушка засекала и Толя загремел за жажду любви. Он наверняка получит свои пару лет, при удачном стечении обстоятельств — условно, правда, под следствием просидит месяцев шесть.

Министр иностранных дел России Евгений Примаков объявил о том, окончательное решение относительно судьбы сотрудников Белорусского бюро ОРТ, скорее всего, будет выработано во время визита Лукашенко в российскую столицу, 6 сентября. Министр сообщил, что, по поручению Бориса Ельцина, ежедневно связывается с президентом Беларуси.

В Совете безопасности Беларуси вновь обсуждали, как выйти из не утихающего скандала. Последние социологические опросы населения шокировали власти. По рейтингу доверия Шеремет вышел на третье место после Лукашенко и Шушкевича. Окружение президента лихорадочно ищет возможность переломить рост популярности арестованного журналиста. Придумали какие-то варианты, но суть планов не раскрывается.

2 сентября.

Началось малопонятное оживление в общении со следователем. Вызывает меня под разными предлогами, например, сообщить, что результаты такой-то экспертизы станут известны недели через две. Ладно, две так две. При этом мы ведет долгие и душевные разговоры «за жизнь». Тогда я не придавал этому значения — возможность вырваться из камеры, проехаться по улицам города и попить кофе, пусть даже у следователя, казалась большой удачей. Только после освобождения Димы я понял смысл этих бесед — следователя заботило письмо к Лукашенко.

— А если тебе написать Лукашенко?

— Бесплезно, только унижаться.

— А если пять лет дадут?

— Значит, судьба.

— А как же Дмитрий?

— Что Дмитрий?

— Ты ведь и его обрекаешь, начальник, все-таки.

— Нет, здесь я ему не начальник. Писать Лукашенко или нет — его личное дело.

Как выяснилось позже, следователи уже несколько дней «разрабатывали» Дмитрия. Покаяние перед президентом — вот что им было нужно.

Борис Ельцин принял Виктора Черномырдина, чтобы обсудить вопрос освобождения сотрудников ОРТ. Ельцин сказал: «Раньше я говорил с журналистами, что на днях будет решено — ну, на днях... Ведь речь не шла, в какой-то день, это или первого, второго, значит, сентября». Далее последовал вопрос, обращенный к Черномырдину, — по поводу встречи российского президента с А.Лукашенко в Москве: «Мы с ним встречаемся, по-моему, четвертого? Шестого? Шестого... К этому времени, конечно, все должно быть решено».

Ельцин подтвердил, что достигнутую во время телефонного разговора с Лукашенко договоренность он понимает однозначно: сотрудники ОРТ должны быть освобождены до московской встречи президентов 6 сентября.

3 сентября.

Приехал Михаил Валентинович Волчек. Предупредил, что атмосфера накаляется, возможны провокации. Все понимали — накануне саммита президентов Центрально-Европейских стран в Вильнюсе 6-7 сентября Лукашенко захочет оправдаться перед президентами и показать себя либо добрым и либеральным политиком, либо строгим, но справедливым президентом

5 сентября.

Утром Завадского опять отвезли в КГБ на допрос:

— Уже после допроса я почувствовал, что ситуация изменилась. Рагимов был приветлив, а в конце сказал конвоиру, чтобы меня везли обратно в тюрьму без наручников и не в «собачнике», а в салоне «Уазика». Освободили меня после того, как Лукашенко заявил, что я уже еду домой. Где-то через час я и выехал.

Появляется начальник корпуса:

— Завадский, с вещами на выход!

Я собрал вещи, матрас. Не ожидал скорого освобождения, потому решил, что просто переводят в другую камеру. Но меня завели в отстойник на первом этаже, минут десять я там просидел, затем подписал какие-то бумаги (я так понимаю сейчас, что это была подписка о невыезде) и передали двум сотрудникам КГБ. Эти посадили меня в машину, отвезли от тюрьмы метров на сто и остановились. Из другой машины вышел начальник следственного отдела КГБ, пересел к нам и в довольно жесткой форме предупредил, что я сейчас буду препровожден в гостиницу, из номера выходить нельзя, звонить тоже запрещено. По дороге мне купили две бутылки пива, селедку и кусок колбасы. Поселили в гостинице под чужой фамилией.

Я был уверен, что о том, что меня выпустили, дома никто не знает и потому не суетился — чего без толку беспокоить.

Тут смотрю — «Новости». Когда я услышал «новость» о собственном покаянии, то стал пытаться дозвониться до Москвы. Связи не было. Вечером КГБ распространило сообщение об освобождении. Дмитрия Завадского из тюрьмы. По поручению президента. «Принимая во внимание полученные в процессе расследования доказательства о роли и конкретном участии Завадского в совершенном деянии, его семейное положение и другие обстоятельства, предварительное следствие считает, что дальнейшая необходимость его содержания под стражей отпала. В связи с этим, Завадскому по постановлению следователя на основании статьи 98 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь мера пресечения в виде заключения под стражу заменена на подписку о невыезде, и сегодня он освобожден из-под стражи. При этом учитывалось также, что данное решение не отразится на всестороннем, полном и объективном расследовании дела. Таким образом, все журналисты, как России, так и Беларуси, в отношении которых были возбуждены уголовные дела по фактам нарушения государственной границы Республики Беларусь, освобождены из-под ареста. Что касается Павла Шеремета, то на момент совершения противоправного деяния он в соответствии с действующим в республике законодательством был лишен аккредитации как журналист ОРТ и его деятельность в этом качестве носила незаконный характер».

О том, что Диму освобождают. Часа в два приехали Погоняйло и Волчек, оба радостные, возбужденные. Адвокаты уже не сомневаются, что дело идет к освобождению. Однако, Рагимов объявляет, что в субботу с утра следственные действия продолжатся. Я прошу Погоняйло выйти на улицу к

отцу, взять пачку сигарет. Погоняйло вбегает с радостным криком : «Так Завадского же освободили?! По телевизору только что передали». Рагимов только ухмыляется. У меня сдают нервы: «Ах ты сволочь! Ты же знал, что Завадского сегодня освобождают, мы же у тебя, спросили...».

Параллельно начался раскручиваться новый эпизод «шпионской истории Шеремета». Литовские правоохранительные органы арестовали семерых ополченцев добровольной службы охраны края. Ополченцев задержали по требованию белорусских спецслужб, которые сообщили, что на Лукашенко, во время его приезда в Вильнюс, готовится покушение. Однако, спустя несколько дней литовцы разобрались, что это всего лишь авантюра белорусских спецслужб. Но Лукашенко не сдается: «Шеремет оказался не так прост, как мы об этом думали. Он входил в группу, которая собиралась взорвать машину президента Беларуси. На сегодняшний час в Беларуси нет российских журналистов, которые находятся под следствием... Есть господин Шеремет,.. который когда-то был журналистом ОРТ».

6 сентября

В девять утра меня вводят в комнату, где проходят встречи с адвокатами. Появляются растерянные Погоняйло, Волчек и адвокат Димы Зарина. Пересказывают выпуски вечерних новостей, в которых сообщалось, будто, Дима обратился с покаянным письмом к Лукашенко.

Появляется Рагимов.

— А где Завадский?

— Не знаю, вчера его выпустили под подписку. Наверное, в гостинице.

И тут приводят Диму...

— Паша, никаких покаянных писем я не писал, это вранье!

Мы обнялись..

— Они меня обманули. Этот Заяц... Я ничего не знал...

— Не волнуйся и запомни: им никогда нельзя верить. Это шакалы, Дима. Все будет нормально, держись.

Тем временем Лукашенко прибыл в Москву, на торжества по случаю 850-летия Москвы. Белорусский президент встретился с Борисом Ельциным.

Лукашенко сообщил: «Мы договорились, что это — дело белорусской стороны... Мы больше на эту тему не ведем разговор, а решаем ее в практической плоскости в соответствии с законами Беларуси. Шеремет — „парень тот“, как в России говорят... Не надо Шеремета делать простой овечкой, которая ничего не знает, не понимает... Это была обоюдосогласованная позиция Шеремета и руководства — отдельных людей ОРТ».

7 сентября

К концу этой недели я уже понимал, что планы КГБ провалились и Лукашенко проиграл. Осталось только ждать, когда выпустят меня. Но время идет, ты продолжаешь сидеть и терпения уже не хватает. А тут еще история с этим Зайцем! Сергей Заяц — мое самое большое разочарование. Когда к человеку хорошо относишься, даже симпатизируешь ему, а потом оказывается, что он писал на тебя доносы, приятного в этом, конечно, мало.

Корреспондента «Интерфакса» Сергея Зайца я знал давно. Вел он себя всегда несколько странно: мало с кем общался, дружеских контактов ни с кем из журналистов не поддерживал, но и не ругался— придет на очередную пресс-конференцию и так же незаметно уйдет.

Завербовали Зайца, скорее всего, когда он служил в армии. После армии легко поступил на журфак, потом поработал в белорусском информационном агентстве, затем перешел в «Интерфакс»

Потеряв надежду вытянуть из нас хоть что-нибудь, КГБ, похоже, решило победить в моральной схватке с журналистами. Акции в нашу защиту не прекращались и общественное мнение все больше настраивалось против Лукашенко и властям срочно потребовалось повторить успех с Адамчуком, но ничего из этого у них не вышло.

9 сентября

Решил написать записку Ксении Пономаревой (генеральный директор ОРТ — авт.) о Диме Завадском. Совершенно очевидно, что его письмо к Лукашенко не имеет ничего общего с покаянием Адамчука, но в Москве могли и не разобраться. На клочке бумаги изложил свои соображения и попросил не делать скоропалительных выводов.

Записку-то написал, но как ее отправить? Главное — вынести ее за пределы тюрьмы. Письмо до Пономаревой дошло.

10 сентября

Обострился бронхит. Заболел я сразу после ареста — взяли ведь меня в аэропорту курортником: в рубашке с коротким рукавом и легких брюках. Постепенно простуда переросла в бронхит, и-за кашля трудно было спать. Заболеть в тюрьме — последнее дело. Хотя в тюрьме есть своя медсанчасть и персонала хватает, но достучаться до него тяжело.

11 сентября

Разнообразие в беспросветную тюремную жизнь вносит глухое противостояние с конвоиром, сопровождающим из тюрьмы в здание КГБ и обратно.

Конвойный в Гродненском управлении КГБ — парень по имени Игорь, высокий блондин с замашками плейбоя и сомнительной биографией. Трудовую деятельность после армии начинал с надзирателя в тюрьме, «дорос» до конвоира КГБ. По сравнению с тюремным надзирателем -статус повыше. Ходит в гражданском, причисляет себя к элите стражей порядка. Но поскольку работа, все-таки, грязная, Игорь испытывает от нее внутренний дискомфорт, пытаюсь компенсировать его строгим обращением с подконвойными. Запомнился тем, что сделал много пакостей, Правда, по мелочам, но, все-таки...

12 сентября

Сегодня большой праздник — смог отовариться в тюремном ларьке. От последней передачи у нас уже почти ничего не осталось. В начале месяца отец перевел на мой счет в тюрьму 200 тысяч белорусских рублей (около 10 долларов — авт.). Что взять: пять пачек сигарет «ЛМ», десять «Менска» или 20 пачек «Примы» плюс полкило конфет? Две банки сгущенки или пару пачек чая? Попробуйте рассчитать с максимальной эффективностью.

13 и 14 сентября

Опять выходные. В тюрьме это звучит издевательски. Надо учиться развлекаться. Самое простое — переписка с соседями. Тем более, что это

женщины. Переписка и любовь завязываются очень трогательные. Постукивая по стене, определяешь, где держит ухо собеседница, и, сложив ладони трубочкой, говоришь. Но говорить надо громко, потому «продольные» эти разговоры слышат и тарабанят в дверь. Переговоры между камерами — нарушение режима и особо принципиальные надзиратели пишут по этому поводу рапорта.

Несмотря на то, что адресаты не видят друг друга и могут никогда больше и не встретиться, письма пишут очень серьезные. Перекрикиваясь на прогулках, стараешься по голосу определить, какая она — твоя подружка.

Переписка — это смесь игры с реальностью, имитация нормальной жизни, своеобразный психологический аутотренинг, который позволяет чувствовать себя полноценным, не одиноким человеком. Часто посылают друг другу эротические «малявы», в которых неудовлетворенная сексуальность описывает фантастические выкрутасы.

Адресаты меняются: одних освобождают, других отправляют на зону, третьих переводят в другой корпус, но с каждой новой подругой эта игра продолжается. Поначалу письма составляются коллективно, но потом, втянувшись, каждый действует самостоятельно, оберегая тайну переписки. На прогулках мы специально затягивали проходы по коридорам, чтобы успеть рассмотреть своих соседок, а потом в малявах уточняли кто есть кто.

15 сентября

На прошлой неделе после очередного судебного заседания дед Ричард не вернулся в камеру. Надзиратель Пришел надзиратель, забрал его вещи. Ричарда перевели в другую камеру. Только через несколько дней мы по тюремной связи узнали, что Ричард получил шесть лет «строгача» и ждет отправки на зону. Зато сегодня к нам поселили новенького, бомжа по имени Коля.

Всего 54 года, но выглядел на все 74. Арестовали за мелкую кражу. Коля был тихим, безобидным человеком с признаками былой интеллигентности. Одна проблема — уж очень грязным был этот Николай. Его заставили привести себя в порядок, постирать вещи.

Начали замечать, что Коля потихоньку ворует продукты и все мигом уплетает. Какое-то время мы это терпели, но в конце недели, когда запас продуктов заметно ужался, едва не придушили.

16 сентября

Решил передать на волю статью о тюрьме. Натолкнул меня на эту мысль, как ни странно, следователь Рагимов. Объясняя, почему он разрешил встречу корреспондента «Интерфакса» Зайца с Дмитрием Завадский, следователь сказал, что Заяц единственный из всех журналистов написал официальный запрос с просьбой об интервью. «Белорусская деловая газета» тотчас же направила аналогичный запрос с просьбой разрешить встречу со мной. Газете, конечно, отказали, так же как до этого отказывали и радиостанции «Эхо Москвы» — в просьбе передать мне в камеру мобильный телефон.

Итак, встреча не состоялась, но идея осталась.

Утром взялся за дело. Мелким почерком, прижимая строчки одну к другой, попытался уместить весь текст на одном листочке — вынести из камеры больше практически невозможно. Сокамерникам сказал, будто собираюсь отправить «маляву» бабам. Незаметно закрепил записку под ремешком и поехал на допрос в КГБ. Шмон перед выездом провели формальный — без раздевания. На допросе попросился в туалет и сделал «закладку». Через несколько дней статью опубликовали не только в «БДГ», но и в «Известиях». Шухер в тюрьме был жуткий. Все свалили на адвокатов. После этого меня обыскивали с особой тщательностью.

17 сентября

Вчера во время поездки в КГБ случайно познакомился с поляком. При выходе из корпуса нас соединили одними наручниками и запихнули в «собачник». Поинтересовался: из какой камеры, за что сидит? Оказалось, бизнесмен из Польши. Арестовали в поезде, когда ехал домой. Нашли два пакета с наркотиками, но подозреваюсь и в шпионаже, поскольку в записной книжке обнаружили телефоны гродненского КГБ.

Сидит с середины августа, требует адвоката и встречи с представителями посольства, но почему-то отказывают. В ответ объявил голодовку и оказался в карцере. Это все, что я успел узнать за время, в пути.

Вообще-то, в Гродненской тюрьме иностранцев можно встретить часто. До того я сталкивался с ними еще дважды.

18 сентября

...Допрос заканчивается и мы с адвокатом Волчком заявляем, что хотим переговорить наедине. Отводят в специально отведенную комнатку, которая совмещена с кухней для следователей. И вдруг видим на столе кобуру с «Макаровым» и запасной обоймой! Заворачиваю пистолет в газету, Волчек зовет следователя. Сам выхожу в коридор и громко, объявляю: «Гражданин следователь, я передаю вам пистолет, который в комнате отдыха забыл конвойный!»

Рагимов остолбенел: «Дайте, дайте его сюда». Схватил пистолет и ушел. Мы посмеялись с Волчком, поговорили, я выхожу, растерянный конвойный надевает мне наручники. «Пожалели мы тебя, сержант»...

19 сентября

Сегодня забрали из камеры парня из Гродно. Он по глупости или по молодости подписал все бумаги против себя и еще по настоянию адвоката полностью признал свою вину. Мы его переубедили, показали, как его «развели» следователи и два дня консультировали, как надо себя вести и что говорить. Я даже написал ему жалобу для прокурор на следователей, которые на первом допросе били. Он, лапоть, взял эту жалобу на прогулку и при обыске ее изъяли, хотя права не имели. Вечером парня перевели в другую камеру.

20 и 21 сентября

Страшно хочется есть. От передачи уже давно ничего не осталось. За два месяца похудел на 10 килограмм. До следующей передачи еще целых девять дней.

22 сентября

Последнее время в камере часто меняются жильцы. Сегодня заселили восемнадцатилетнего парня из Кобрина и сорокалетнего алиментщика из Орши. Парня задержали на границе, когда пытался выехать в Польшу с поддельным штампом в паспорте о выезде. Много рассказывал о своих сексуальных похождениях. Эти истории скрасили нашу скучную жизнь.

24 сентября

Сегодня прислали пачку сигарет, причем неожиданно-негаданно — от «крытчиков». Это те, кто отбывает наказание с большими сроками и за нарушения режима на зонах строгого и особого режима. Люди суровые со страшными биографиями. Проводят по несколько лет в тюремной камере, видят только двух-трех сокамерников и надзирателей. У крытчиков идет постоянная война с администрацией. Во время прогулки во дворике-камере через стенку постучали: «Мужики, на вашем корпусе сидит Шеремет?» «Это я». «Ты — Шеремет?» «Да». «Ну как, держишься? Этот сумасшедший ничего не сделает. Россия ему покажет». «Я тоже так думаю». «Тебя там никто не обижает?» «Все нормально» «Подогревают вас?» «Бывает». «Может что надо?» «А сигарет у вас нет?» «Сейчас подгоним».

И «крытчики» через трубу слива дождевой воды протолкнули завернутые в газету сигареты. Целую пачку «Явы» за три раза передали.

25 сентября

В полдень принесли постановление КГБ с резолюцией Гродненского прокурора о продлении следствия по «делу ОРТ» и содержания меня под стражей еще на один месяц. Прокурор в Гродно старенький и в этом году уже должен был быть на пенсии, но наше дело его задержало, а он не прочь бы задержать меня как можно дольше.

Решение чекистов возмутило. Уже узнали все, что могли, последние допросы — абсолютно пустые, но, видимо, чекистам не удавалось отчитаться перед Лукашенко. Похоже, дело «зависло», и это меня слабо утешает.

26 сентября.

В интервью «Белорусской деловой газете» первый вице-премьер правительства России Борис Немцов заявил: «Мы должны констатировать крайнюю необязательность в исполнении 12-й статьи Устава Союза Беларуси и России „О правах и свободах человека“. 12-я статья нарушается белорусской стороной самым грубым образом».

Немцов напомнил, что в ходе проходившей в апреле нынешнего года дискуссии по поводу включения в Устав Союза этой статьи Александр Лукашенко вначале сопротивлялся, а потом бросил: «Да включайте, что хотите, все равно решения будем принимать так, как считаем нужным». Вместе с тем, Немцов не считает, что подписание Устава стало своего рода поддержкой Россией режима Лукашенко: «Я, например, не могу

поддерживать Лукашенко, если он гноит в тюрьме ни в чем не повинного Шеремета и других людей. Не могу поддерживать человека, который препятствует людям говорить то, что они думают. Я не могу поддерживать человека, который явным образом дезинформирует общественное мнение Беларуси, заявляя, что он — за экономическую интеграцию, а вот-де русские — против».

27 сентября

Вызывают на допрос к прокурору. «Белорусская деловая газета» опубликовала мое письмо из тюрьмы. Письмо перепечатали несколько газет в Беларуси и России. Прокуратура начала уголовное дело по факту «утечки» письма из высоких стен Гродненской тюрьмы. Поэтому прокурор по надзору за спецучреждениями и приехал. Я сразу догадался, в чем причина его визита. Но сам прокурор о статье ничего не вспоминал, поэтому минут 20 мы «играли в дурака» — разговаривали о жизни, о журналистах. В конце — концов мне это надоело и я говорю: «Вы же знаете, журналисты часто привирают. Вот сегодня адвокаты привезли мне номер „Белорусской деловой газеты“. Представляете — опубликовали свою статью, подписали моим именем!»

Как тут оживился прокурор: «Да, да! Я как раз хотел спросить у вас об этой статье. Так вы ее не писали и не передавали?» «Ну конечно, не мог же я нарушать тюремный режим. Я порядки знаю». Расстались мы друзьями.

29 сентября.

Сегодня у нас в очередной постоялец. Василий Васильевич -бездомный иммигрант из Курска. Самый, пожалуй, яркий персонаж из всех постояльцев камеры.

Василию уже под сорок. Работал водителем грузовика, потом жизнь дала трещину: семья распалась и превратился Василий Васильевич в самого натурального бомжа. Решил бежать в Германию, но через неделю попался — депортировали в Польшу, где ждал отправки в Россию почти месяц. О жизни в польской тюрьме, не говоря уже о немецкой, Василий Васильевич вспоминает с теплотой. Камеры там просторные, телевизоры стоят, побриться дают и кормят хорошо. В Калининграде власти купили ему билет на поезд до Москвы Доехал искатель счастья только до небольшого

белорусского города Молодечно и на электричках двинулся в обратный путь. Под Гродно Василий Васильевич благополучно перешел белорусско-польскую границу после 12 часов ночи. Даже зацепился за колючую проволоку, но сигнализация не сработала, потому как после 22 часов ее отключают. Польские полицейские поймали его в пятнадцати километрах от границы и передали белорусским властям. «Сам виноват, рано из леса вышел. Надо было еще километров 10 пройти, тогда бы точно в Польшу без проблем прошел», — сокрушался Василий.

Вид у него был печальный. В грязной майке и куртке, спортивные штаны, растянутые в коленях, пляжные тапочки набосых ногах.

— Вася, и куда ты в таком виде собирался дойти?

— Я бы нанялся на работу к какому-нибудь пану и купил, нормальную одежду. Я же в Германии был в августе, тогда жара стояла...

Василий не унывал. Говорил, не умолкая: вспоминал прошлое, ругал, Горбачева, собирался подать в международный суд на Ельцина за поломанную жизнь.

30 сентября

Сегодня й большой праздник. Наконец, пришла передача от моих. Десять палок копченой колбасы, пакет кофе, чай, кубики с бульоном, конфеты и сигареты. Живем! Часа два рассовываем по пустым пачкам сигареты — сигареты принесли в целофановом мешочке, а пачки от них — отдельно. Раскладывали бережно, над газетами, чтобы табачная пыль не пропала. Колбасу разложили на решетке — чтобы проветрилась. Надзиратели, заходя в камеру, каждый раз комментировали: «Да, неплохо вас тут кормят». «Заходите вечерком, попьем чайку». Конфеты вообще были царские. Мой друг Леша работает в итальянской компании «Ферреро» и передал несколько пачек конфет «Рафаэлло».

В Минск для встречи с Лукашенко приехал вице-премьер российского правительства Валерий Серов. Информация о переговорах крайне скупа. В прессу просачиваются подробности, говорящие о том, что поставки в Беларусь энергоносителей российская сторона увязывает с освобождением сотрудника ОРТ. Серов признается журналистам, что Лукашенко пообещал в самое ближайшее время — уже сегодня — рассмотреть этот вопрос. Белорусский президент тянул время, он очень хотел 2 октября улететь в

Ярославль на встречу с группой российских губернаторов и появиться перед ними триумфатором, диктующим свои условия Борису Ельцину.

Вечером центр информации и общественных связей КГБ распространил заявление о завершении предварительного следствия по уголовным делам в отношении Павла Шеремета, Дмитрия Завадского и Ярослава Овчинникова.

Уголовное преследование Ярослава Овчинникова прекращено, поскольку «в результате изменения обстановки он перестал быть общественно опасным».

1 октября

Сегодня опять везут в КГБ. Рагимов дергается: «Почему тюрьма тебя три часа не выдавала?» Оказывается, администрация ждала обеда, чтобы убедиться в том, что я перестал отказываться от пищи. Сегодня утром пришел прокурор по надзору — узнать, что собираюсь делать дальше? Я объявил, что голодовку прекращаю, но он, видимо, не поверил и администрация до обеда не отдавала меня конвою.

Как сказали чекисты, следствие близится к концу. Сегодня мне предъявили окончательное обвинение — статья 80, часть 2: нарушение границы по предварительному сговору с группой лиц, повторно. Обычный допрос, стандартные вопросы и прежние ответы. Вины своей я не признаю, обвинение опровергаю и так далее. Адвокаты пытаются узнать у Рагимова, когда начнется ознакомление с материалами дела, и следует ждать суда. Следователь отмалчивается или уходит от ответа. Адвокаты напирают: «Пора освободить под подписку. Вам уже все известно». Рагимов, как обычно, хитро улыбается. Как все это надоело!

Неожиданно, часов в восемь вечера за мной приходит выводящий. Заводят в комнату — Рагимов сидит! «Что случилось?» «Пришел за чисто-сердечным признанием». «Неудачная шутка. Я же уже во всем признался». «Подумайте еще». «Что, подписку о невыезде принесли?» «Нет. Я объявляю вам об окончании следствия, можете приступить к ознакомлению с материалами дела». «А почему не сказали об этом, когда здесь были адвокаты? Без них знакомиться не буду». «Ознакомьтесь с постановлением прокурора об отводе ваших адвокатов: Гарри Петровича Погоняйло и Михаила Валентиновича Волчека. Министерство юстиции лишило лицензии на адвокатскую деятельность Погоняйло и на месяц приостановило лицензию Волчека. У вас есть право в течении 72 часов назвать нового адвоката. Распишитесь».

Я расписался в постановлении и написал, что не согласен с отводом адвокатов: «Мне надо свидание с отцом. Без этого я не соглашусь на новых адвокатов». «Посмотрим насчет свидания. В любом случае через пять дней вы должны начать знакомство с материалами или, если станете затягивать процесс, передает дело в суд.

2 октября

В Москве ждали, когда Лукашенко выполнит свое обещание и освободит корреспондента ОРТ. Валентин Серов накануне заявил, что «это должно быть сделано в кратчайшие сроки». Сроки все вышли 1 октября и ночью в Минск пришла телеграмма из Центральной диспетчерской службы России о запрете пролета самолета президента Лукашенко в российском воздушном пространстве. Лукашенко этому не поверил. В истерике он кинулся в аэропорт Минск-2. Просидел там до вечера, но вылететь не сумел. Вечером ему пришла телеграмма уже из Кремля с перечислением требований, в обмен на выполнение которых белорусский президент мог бы посетить Ярославль. В администрации Лукашенко отказались пояснить, о каких требованиях шла речь, сославшись на секретное содержание телеграммы.

Лукашенко обратился к Борису Ельцину с просьбой дать разъяснение в связи с возникшим недоразумением. А Ельцин мотивы и не скрывал скрывал: «Пусть сначала Шеремета отпустит». Кремлю надоел обман белорусского лидера, от разговоров да уговоров Россия перешла к действиям.

3 октября

Весь день жду свидания с отцом. Адвокатов уже не пускают, никуда не вызывают.

А в это время в следственном отделе КГБ отец требует свидания. Начальник отказывается. Они ругались почти час и тут отец заявляет, что сам будет моим адвокатом. «Как это вы будете адвокатом?»-оторопел чекист. «Вот так и буду?» Пауза. «А докажите, что он ваш сын!» «Два месяца не надо было доказывать, а сейчас вдруг понадобилось». Уголовный кодекс разрешает близким родственникам выступать в качестве защитников даже не имея юридического образования и адвокатской лицензии, но отец тогда этого не знал. Чекисты растерялись и потребовали всякие справки о родстве: метрики, свидетельства о рождении. Отец не унимался и три дня собирал документы.

В конце концов его к защите допустили и разработанный чекистами план информационной блокады начал разваливаться. Но в эту пятницу я чувствовал себя неважно: они приведут нового адвоката и я не знаю, как себя вести.

5 октября

Почему не дали свидание отцу? Что делать? После обеда больше часа простоял возле двери: в коридоре по радио транслировали выступление Лукашенко на съезде учителей. И что слышу? Оказывается, я сам отказался от адвокатов и вообще не хочу выходить из тюрьмы.

Белорусский президент поручает министру юстиции вернуть мне адвокатов, чуть ли не заставить их закончить дело. Отлично, в понедельник напишу заявление на имя министра с просьбой выполнить поручение президента и разрешить Погоняйло и Волчеку довести мое дело до конца.

6 октября

Предчувствие каких-то решающих событий держит в постоянном напряжении. Что будет? Как выкрутиться, если чекисты подсунут своего адвоката? И тут после обеда приехали на встречу Волчек с Погоняйло. Первый вопрос, которым меня встречают адвокаты: «Павел, ты от нас не отказался?» «Но вы же в своем уме, как вам такое могло придти в голову?» Адвокаты рассказали, как в середине прошлой недели у них забрали лицензии, а сегодня утром — вернули. Министр юстиции приостановил действие постановления президиума Минской городской коллегии адвокатов о выводе Гарри Погоняйло из состава коллегии. Действие постановления приостановлено до окончания рассмотрения дела ОРТ. Аналогичный приказ издан министром юстиции и в отношении Михаила Волчека. Погоняйло сказал, что официальным адвокатом станет еще и мой отец, на всякий случай. Настроение моих защитников было хорошее, они не сомневались в том, что в ближайшие дни Москва дождет Лукашенко и он даст команду о моем освобождении.

7 октября

Российский посол передал официальное предупреждение правительства Российской Федерации о том, что поскольку у Беларуси огромные долги за

российский газ и нефть, то со второй половины октября начнется снижение объема поставок энергоносителей.

А 6 октября в Могилеве убивают одного из ближайших соратников белорусского президента. Бомба взрывается в подъезде жилого дома Евгения Миколуцкого именно в тот момент, когда он проходит рядом.

Миколуцкий был начальником управления Комитета государственного контроля по Могилевской области, слыл жадным и коварным человеком. По некоторым сведениям, его убили торговавшие спиртом и водкой россияне, за то, что в Могилеве конфисковали их спирт. Но в администрации президента считали, что это убийство подтверждает слухи о том, что Москва готова к силовому решению «дела Шеремета». Не случайно на похоронах Миколуцкого президента охраняли бойцы подразделения «Альфа» в пуленепробиваемых шлемах, напоминавшие киногероя из американского боевика «Робот-полицейский». Лукашенко боялся нападения. Он панически боится покушения. Через год после этого убийства он заявил журналистам, что на самом деле хотели убить его и покушение готовилось в некой соседней стране. Правда, Лукашенко так и не сказал, в какой.

Но в тот момент, когда я слушал прямую трансляцию с похорон, я еще ничего не знал. После обеда меня возили в КГБ, где предъявили новое обвинение, добавив кроме нарушения границы еще и «превышение служебных полномочий, распространении заведомо ложной информации и дискредитации пограничных войск, в результате чего был нанесен ущерб интересам Республики Беларусь». Короткий допрос и возвращение обратно в тюрьму.

...Прошла вечерняя проверка. Никаких новостей.

В 21.25 заходит дежурный по корпусу: «Шеремет, с вещами на выход». «Товарищ прапорщик, меня переводят в другую камеру или куда еще?» «Не знаю». «Если увозят из Гродно, я оставлю продукты».

Он посмотрел на палки колбас, висевших на оконной решетке, и говорит: «Ну возьмите немного. Пять минут на сборы». Повернулся и ушел. Что тут началось!

«Все, Паша, свобода!» — кричит один. «Нет, в Минск в тюрьму!» — говорит второй. «В какую тюрьму? Этапа ночью нет». «Какой этап, идиот! Его же отдельно возят»...

Быстро распределяю, кому что оставить. Забираю с собой только деревянную ложку — единственную память о Гродненской тюрьме. Свернул матрас, белье. Жду.

Заходит корпусной с дежурным по тюрьме: «Пошли!».

Выходим в коридор, спускаемся по лестнице. Дежурный говорит: «Все, выходишь ты из нашей тюрьмы». «До свидания», — отвечаю. «Не до свидания, а прощай». «Я не суеверный. Мы еще обязательно увидимся».

Дальше надо было пройти через маленький дворик, затем войти в здание, затем пересечь еще один внутренний дворик — уже у самых ворот.

В здании корпусной приказывает выложить вещи на стол, но дежурный по тюрьме торопит: «Да, ладно, не нечего проверять. Давай быстрее».

Стемнело. Меня выводят во двор. Там уже стоит знакомый КГБешный У|АЗ. Выходят два чекиста. Одевают наручники: «Быстрее, быстрее. Где вещи?». Лязг тюремных ворот и мы выезжаем в город.

Через три минуты машина въезжает во двор Гродненского управления КГБ. УАЗик подгоняют к открытой задней двери черной «Волги» — меня вытаскивают из «собачника» и вбрасывают на заднее сидение «Волги». Руководит «операцией» сам начальник следственного отдела. Справа и слева садятся конвоиры, рядом с водителем — следователь. Следом пристраивается «Волга» сопровождения. Наручники не снимают. Прошу ослабить браслеты. В ответ: «Мы ключи забыли». С трудом вытаскиваю сигарету, спички, но не прикуриваю — жду, когда выедем из ворот. Я еще надеюсь, что где-то рядом окажутся коллеги-журналисты, увидят огонек внутри машины, опознают меня.

Начальник дал команду и «Волги» тронулись. Прикуриваю, но вокруг никого не видно.

«Куда едем?», — спрашиваю у следователя. «Увидишь». Выезжаем из Гродно в сторону Минска. Ехали три часа, молча. Наручники конвой так и не ослабил. (Когда на суде у Рагимова спросили, зачем надо было тайно и в наручниках везти Шеремета в Минск, если на руках было постановление об освобождении, Рагимов заявил, что боялся моего нападения на конвой.)

Въезжаем в Минск. Тут в машине раздается телефонный звонок. Рагимов поднимает трубку аппарата и минуту-другую с кем-то разговаривает.

Поворачивается ко мне, спрашивает: «По какому адресу проживает сейчас ваша семья?». «Не знаю». «Я серьезно спрашиваю». «Наверное, в Уручье». «Дорогу покажете?» «Поехали».

Странное ощущение возникает, когда едешь по родному городу ночью после нескольких тюремных месяцев. Спящий город пугает пустотой и только усиливает эту тревогу. Кажется, люди не отдыхают, а вымерли.

Наконец подъезжаем к подъезду дома. Рагимов поворачивается ко мне и объявляет о том, что я освобожден под подписку о невыезде. Конвоир «находит» забытые ключи и снимает наручники. Я расписываюсь в постановлении об освобождении и слишком медленно для освобожденного выхожу из машины. Чекисты отдают два целофановых мешка с вещами и уезжают без лишних слов...

х х х

Конечно, этот дневник — наивные заметки молодого журналиста, случайно «попавшего под лошадь». В 1997 году аресты людей, суды над политиками и бизнесменами, разгоны демонстраций и массовые избиения граждан — все это было в диковинку. Сейчас в Беларуси никого не удивишь своими тюремными воспоминаниями, потому что точное число известных людей, прошедших через репрессии режима Лукашенко, подсчитать трудно. Из журналистов, например, на момент издания нашей книги, «в местах не столь отдаленных» отбывал наказание главный редактор газеты «Рабочий» Виктор Ивашкевич за «клевету на президента». Только что освободились журналисты гродненской газеты «Пагоня», осужденные за нелогичное «преступление». А сколько находится за решеткой в Беларуси людей, за которых некому заступиться или просто рассказать об их судьбе общественности? Таких людей очень много.

Эскадроны смерти,

или

Бывают ли цивилизованные диктаторы?

Если вести отсчет президентских полномочий с 1994 года, то в 1999-м должны были состояться новые выборы. 1998-1999 годы были для Беларуси страшными. Леонов в тюрьме, Винникова остается под домашним арестом, Чигирь ходит под уголовным делом. На первые роли в оппозиции выходит Геннадий Дмитриевич Карпенко — академик, бывший мэр города Молодечно, вице-спикер Верховного Совета. Карпенко — знаковая фигура белорусской оппозиции. Ведь раньше в оппозиции были националисты, Белорусский народный фронт. Оказалось, что политику действующего президента не поддерживают весьма и весьма уважаемые люди.

Лукашенко не однажды пытался привлечь Карпенко в свою команду, посылал гонцов, предлагал разные должности, вплоть до поста премьера. Геннадий Дмитриевич неизменно отказывался. «Мне подойдет только один пост — президента», — отвечал он многочисленным гонцам.

Карпенко между тем не был чистоплюем. Только он мог припомнить «великому стратегу» трехлитровики самогона, которые тот возил в Минск из своего родного Шклова, стянуть с трибуны главного президентского идеолога или дать на посольском приеме пощечину особо зарвавшемуся президентскому глашатаю. «Давайте не будем делать вид, что играем с ними в шахматы, если нас бьют доской по башке», — убеждал Карпенко. Но и в шахматы он умел играть. Запад делал на Карпенко серьезную ставку, Карпенко готовился к встрече с Мадлен Олбрайт. На саммит в Варшаве были приглашены главы государств и правительств стран ОБСЕ, и лишь от Беларуси поехать туда могли только министр иностранных дел Урал Латыпов и вице-спикер разогнанного Верховного Совета Геннадий Карпенко.

Однако встреча с мировыми лидерами не состоялась. Огромный, веселый, здоровяк Карпенко выпил в компании малоизвестных людей чашку кофе... Результат — инсульт. Спасти могла только срочная операция. Но не приходящего в сознание Карпенко несколько часов возят из больницы в больницу, и во всем Минске лишь на следующий день находится врач, способный сделать операцию. Поздно. Карпенко умирает.

На его похороны приезжают люди в штатском и ищут... Тамару Винникову. Оказывается, незадолго до смерти Карпенко приходил в гости к Винниковой. Бывший главный банкир страны передала лидеру оппозиции какие-то документы. Родные Карпенко говорят, что в день смерти Геннадия Дмитриевича кто-то вскрыл их квартиру. А в день похорон искали Винникову, потому что, узнав о внезапной смерти Карпенко, она сбежала из-

под домашнего ареста. Как немолодая больная женщина могла скрыться от двух надзирателей, днем и ночью находящихся рядом с ней, понять невозможно. Может, тоже мертва?

В Минске шок.

Лукашенко пытается оправдаться. Выступает с речью в том смысле, что он выражает соболезнование семье Карпенко, что послал своих людей помочь с организацией похорон, что дал деньги на похороны, ведь Геннадия Дмитриевича не за что было хоронить... «А Винникова скоро объявится», — успокоил президент широкую общественность.

«Чудовищная ложь», — заявит супруга Геннадия Дмитриевича Людмила Карпенко, когда ей станет известно о проявлении «широкой душевной щедрости» г-на Лукашенко, и выступит с гневной отповедью главе государства. Также, когда умрет знаменитый писатель Василь Быков, затравленный властями, президент объявит, что помог лично решить все его проблемы и удовлетворил все просьбы покойного. Надо доказывать, что это была тоже чистой воды ложь? Или Лукашенко говорит: «Я вырос на стихах Быкова». Умные, образованные люди смущенно и лихорадочно начинают вспоминать, какие же стихи написал Василь Быков.

А Винникова действительно объявится. В Лондоне. До сих пор она не раскрыла тайны своего побега из-под ареста, но нет сомнений, что сделано это было с санкции властей: дескать, езжай — подальше от оппозиции ты безопаснее.

Удар, который нанесла по оппозиции смерть Геннадия Карпенко, переоценить невозможно. Шок, страх, безысходность. Юрий Захаренко, бывший министр внутренних дел, а в последнее время — один из самых активных соратников Карпенко начинает создавать альтернативный Союз офицеров. Идею поддерживают не только армейские офицеры, подавленные безденежьем и неопределенностью, но и бывшие сотрудники спецслужб.

— Оппозиция будет вооружаться? — пытаются выведать журналисты у Захаренко.

Захаренко молчит.

х х х

Сергей Рачила работал помощником министра Захаренко, а после его отставки поддерживал близкие отношения с Юрием Николаевичем и его семьей.

.... Сергей позвонил и попросил никуда не уходить и дожидаться его приезда в редакцию. Прямо с порога ошарашил новостью:

— Захаренко исчез.

— Как исчез, куда?

— Вчера вечером позвонил домой жене, чтобы разогревала ужин, и не вернулся.

В самом факте исчезновения человека есть изощренный садизм: свечку не поставить ни за здравие, ни за упокой; нет могилы, нет трупа, но нет и человека; он не жив, но и не мертв. Когда с человеком происходит трагедия — он умирает или погибает — это шок для его близких. Но постепенно люди свыкаются с этим ударом судьбы и время медленно сглаживает боль утраты. Когда человек бесследно исчезает, боль нарастают постепенно и не отпускает годами.

Невозможно было поверить, что кто-то в Беларуси решился на столь чудовищное преступление. Первой мыслью было, что Захаренко запил, загулял, поругался с женой и ушел из дома... Как сообщить об исчезновении экс-министра внутренних дел? Если завтра он объявится, а ты будешь выглядеть по меньшей мере паникером, а по сути — идиотом? Сергей тоже был растерян:

— Ну, черт его знает, может и вправду загулял.

А потом, споря уже с самим собой:

— Нет, что-то случилось. Не такой человек Захаренко.

Александр Лукашенко сначала говорил, что Захаренко скоро объявится, потом — что он с деньгами оппозиции скрывается на Украине, еще позже — что исчезновение экс-министра внутренних дел есть результат криминальных разборок. Захаренко не объявился ни через день, ни через неделю, ни через месяц, ни через год.

Преемник министра генерал Юрий Сиваков клялся, что найти Захаренко или его похитителей для него дело чести офицера. Не нашли. А сейчас и вовсе приостановили расследование.

Потом исчез Виктор Гончар и его друг Анатолий Красовский...

Как обычно по четвергам, 16 сентября они поехали в баню. В 22.30-22.40 вышли из бани, сели в машину... И больше их никто не видел. На асфальте остались только осколки стекла и следы крови.

7 июля 2000 года пропал оператор ОРТ Дмитрий Завадский. Дмитрий поехал в аэропорт встречать самолет из Москвы. Но на площадке у зала прилетов стояла лишь его пустая машина.

Александр Лукашенко лично пообещал, что найдет похитителей Завадского и свернет им шею. Похитителей нашли. Завадского — нет. Ни живого, ни мертвого. Именно по этой причине многие сомневаются, что наказаны виновные. В лучшем случае суд ограничился вынесением обвинительного приговора исполнителям. Хотя по той простой причине, что дело о похищении Завадского все-таки дошло до суда (хотя суд и был закрытым), об этом преступлении кое-что известно. Например, что 21 ноября 2000 года генеральный прокурор Беларуси Олег Божелко обратился к генеральному прокурору России Владимиру Устинову с просьбой предоставить специальное оборудование и специалистов для поисков трупов в земле. Божелко прямо сообщил, что располагает информацией о месте захоронения трупов. Описано и место поиска — лес, к которому прилегают заливной луг и кладбище. Примерная площадь предполагаемого поиска — 2 гектара. Грунт — песчаный...

Оператора ОРТ действительно искали. Поначалу власти посчитали его исчезновение провокацией. А потом начался настоящий поиск причин и мотивов, изучались связи и т.д.. Так и наткнулись на тот факт, что в январе 2000 года в интервью «Белорусской деловой газете» Дмитрий Завадский упоминал о задержанном в Чечне офицере, который прошел подготовку в отряде милиции специального назначения «Алмаз». Офицера вычислили быстро — им оказался Валерий Игнатович. Его задержали вскоре после возвращения из очередной поездки в Чечню, причем прямо на выходе из фотоателье, где он забирал готовые свидетельства собственных славных чеченских будней. На фото были зафиксированы еще три белоруса, сопровождавшие Игнатовича в последнем чеченском вояже: боец спецподразделения «Алмаз» Максим Малик, бывший курсант академии МВД, с которым Игнатович некогда вместе учился, Алексей Гуз и ранее неоднократно судимый Сергей Саушкин. Все эти люди ездили в Чечню, пытаясь стать наемниками в российской армии. И в историю белорусской криминалистики они войдут как «группа Игнатовича».

Игнатович Валерий Александрович, родился 23 февраля 1970 года, уроженец города Крупки Минской области, гражданин Российской Федерации. Не женат. Образование высшее юридическое. Бывший боец спецподразделения МВД РБ «Алмаз», уволен по болезни, инвалид II группы. Ранее не судим.

Малик Максим Михайлович, родился 21 октября 1976 года, гражданин Республики Беларусь. Не женат. Образование среднее. Боец спецподразделения МВД РБ «Алмаз». Ранее не судим.

Гуз Алексей Викторович, родился 27 июля 1975 года. Уроженец города Заславль (Минский район), гражданин Республики Беларусь. Не женат. Образование среднее. Из Академии МВД был отчислен за избиение командира группы. На момент ареста судимостей не имел, проживал в общежитии в одной комнате с Игнатовичем.

Саушкин Сергей Николаевич, родился 3 октября 1967 года, гражданин Республики Беларусь. Не женат. Образование среднее. Проживал в Минске в поселке Степянка. Ранее трижды судим.

Эта четверка уехала в Чечню в день исчезновения Дмитрия Завадского, но только в отношении Игнатовича и Малика суд посчитал доказанной их причастность к похищению оператора ОРТ. Впрочем, материалы дела имеют гриф специального доступа, поэтому утверждать что-либо однозначно сложно.

... 2 января 2000 года в программе новостей телекомпании НТВ был показан сюжет о задержании в Чечне человека славянской внешности, которого российские спецслужбы заподозрили в том, что он воюет на стороне боевиков. И именно 2 января специальный отряд по борьбе с терроризмом МВД РБ «Алмаз» отмечает день своего основания. Во время празднования одному из руководителей отряда позвонили из дежурной части и сообщили, что «их Игнатовича» задержали в Чечне как воюющего на стороне боевиков, и что сюжет об этом показан по телевидению. Праздник был испорчен, а об инциденте узнали даже те, кто в принципе не смотрит телевизор.

В конце января в «БДГ» было опубликовано интервью с Завадским, который вернулся из командировки в Чечню, где он тоже рассказывал об инциденте с задержанием офицера, прошедшего спецподготовку в белорусском «Алмазе». Фамилию офицера Завадский не назвал, но интервью наделало много шума: тот факт, что белорусские офицеры воюют в Чечне, конечно, новостью ни для кого не являлся, однако впервые появились сведения, что воюют они не только на стороне федералов, но и на стороне боевиков.

К моменту выхода материала Игнатович был уже на свободе, российскую сторону устроили его объяснения: дескать, хотел служить на стороне федералов и именно для подписания контракта приехал в Чечню. Каким образом ему удалось пройти десятки КПП федеральных войск и без документов оказаться ночью в чеченских горах?

Следствие считает, что Игнатович затаил злобу на Завадского. Доказательством тому, вероятно, призвана служить просочившаяся в прессу информация, что при обыске у Игнатовича обнаружили ксерокопию интервью Завадского белорусской газете. По версии следствия, Игнатович решил отомстить и план мести вынашивал полгода. За Дмитрием следили, звонили ему домой... А 7 июля план был приведен в исполнение.

Следователи утверждали, что похитили Завадского неподалеку от его дома. То, что происходило дальше, — оперативная, неведомо какими путями добытая информация. Но утверждается, что есть сведения, будто Завадского вывезли в лес и избивали. Когда поняли, что переломали ему позвоночник, решили добить, а труп закопать. Признаки места захоронения Олег Божелко описал в письме Владимиру Устинову. Однако одним из первых решений нового генерального прокурора Виктора Шеймана стал отказ от помощи российских коллег, и все тому же Устинову было направлено соответствующее письмо. Техника для поиска трупов была остановлена в Смоленске.

Многие помнят события последней недели ноября 2000 года. Постов были лишены генеральный прокурор Божелко, председатель КГБ Мацкевич, его первый заместитель Наркевич. Считается, что президентский гнев был спровоцирован арестом по подозрению в похищении людей командира СОБРа Дмитрия Павличенко. И, якобы, эта фигура была настолько значимой, что все руководители, позволившие, чтобы следствие дошло до Павличенко, лишились своих постов.

Следователи тоже не могут ответить на этот вопрос. Хотя, что касается Завадского, то у них был шанс найти труп, поскольку на лопатке, изъятый из машины Игнатовича, осталось биологическое вещество, которое экспертиза с невероятной высокой точностью идентифицировала как генетическое вещество, принадлежащее именно Завадскому. Что это значит? Еще один вопрос без ответа. Одни утверждают, что это является доказательством того, что лопата соприкасалась с Завадским — возможно, когда закапывали труп. Другие говорят, что вещество некое особенное и что это чуть ли не костный мозг...

Впрочем, в итоге обвинение было предъявлено Игнатовичу и Малику с такой формулировкой словно Завадский жив: «тайное, путем обмана, по предварительному сговору, совершенное повторно в составе банды по предварительному сговору похищение с применением оружия и совмещенное с незаконным лишением свободы». (Формулировка «повторно» присутствует потому, что в этом объемном деле есть еще один эпизод с похищением — некоего Котова из деревни Ковалево Пуховичского района.)

Сомневаться в том, что «бойцы» были способны мстить, избивать, убивать, казалось бы, не приходится. Ведь дело «группы Игнатовича» — одно из самых кровавых дел, когда-либо рассматривавшихся белорусскими судами:

— Нападение на квартиру в Жодино (9 декабря 1999г.) с применением огнестрельного и холодного оружия. Хозяин квартиры был тяжело ранен.

— В тот же день нападение на квартиру в Борисове — убийство с особой жестокостью: на месте преступления остался труп с перерезанным горлом.

— Нападение на дом жительницы деревни Ковалево Пуховичского района (9 марта 2000г.) — убийство с особой жестокостью: труп с перерезанным горлом.

— Нападение на квартиру азербайджанской семьи в Минске (22 марта 2000г.) — пять трупов, в том числе пятилетней девочки. У всех перерезано горло, у мужчины отрезана кисть руки.

— Похищение двух человек, грабеж. А также не дошедшие до суда обвинения в организации убийства лидера РНЕ Глеба Самойлова, похищении и избиении главного ревизора Министерства культуры и директора одного из столичных дворцов культуры.

Впрочем, доказанными суд признал только похищение Завадского, нападение на квартиру в Жодино и убийство в Борисове. Но и этого оказалось достаточно, чтобы Игнатович и Малик получили высшую меру наказания — пожизненное заключение.

В биографии Игнатовича много странного, а, главное, так и остался непонятен статус этого человека. Он окончил Академию МВД, в звании лейтенанта служил в спецподразделении по борьбе с терроризмом «Алмаз», а затем в ходе учений получил серьезную травму позвоночника и был уволен из МВД по состоянию здоровья. Как нам удалось выяснить, это не совсем так. Валерий Игнатович действительно получил серьезную травму позвоночника в ходе занятий по специальной тактической подготовке в мае

1996 года. Однако спустя 9 месяцев медицинская комиссия признала, что здоровье после травмы он полностью восстановил, и Игнатович продолжил службу. Более того, звание лейтенанта милиции ему было присвоено в августе 1996-го, то есть уже после травмы.

Лейтенант Игнатович прослужил в отряде еще больше года и лишь в апреле 1998-го обратился к министру с заявлением, в котором содержалась просьба уволить его по собственному желанию. 11 июня 1998 года центральная военно-врачебная комиссия обследовала Игнатовича и пришла к выводу, что он не годен к службе в МВД. Игнатовичу дали III группу инвалидности (в 1999-м — вторую), и 29 июня приказом министра его уволили из МВД с установлением пенсии по болезни. Таким образом, со времени травмы и до увольнения Игнатовича прошло два года.

Инвалид Игнатович «прибился» к Русскому национальному единству (РНЕ) и некоторое время развлекался, обучая молодежь и подростков эффективным спецприемам. Но уже в декабре 1999-го он отправляется в Чечню. И инвалида II группы, гражданина другого государства 1 марта 2000 года принимают на должность разведчика-гранатометчика 22-й бригады Главного разведывательного управления Министерства обороны России.

Теперь очень важно следить за датами, поэтому будем перечислять события в хронологическом порядке.

1 марта. Игнатович приступает к службе в 22-й бригаде ГРУ в Моздоке.

9 марта. Убийство и похищение человека в Пуховичском районе. Вменяют в вину Игнатовичу, а значит, следствие получило доказательства, что он в это время находился не в Чечне, а на родине.

22 марта. Убийство в Минске азербайджанской семьи. Опять же, получается, что у следствия были сведения о том, что в этот день Игнатович находился в Минске. Более того, с 21 по 28 марта Игнатович посещал в Беларуси судебные заседания по делу одного из бойцов РНЕ.

30 марта. Игнатович обращается в МВД Северной Осетии с просьбой о принятии в гражданство РФ.

7 июля. Похищение Дмитрия Завадского. Достоверно известно, что в этот день Игнатович с друзьями выехал в Гомельскую область, а оттуда через Россию — в Чечню.

4 августа — арест Игнатовича, а 24 августа принято решение о принятии бывшего офицера белорусского «Алмаза» в российское гражданство.

Чем же занимался в Чечне этот ценный кадр, если спустя неделю после поступления на службу он уже был в Минске и потом еще как минимум неделю провел отнюдь не в условиях боевых действий? И почему ему, арестованному по обвинению в убийстве пяти человек (поводом для ареста стало обвинение в убийстве азербайджанской семьи), Россия все-таки предоставила паспорт с двуглавым орлом?

Люди, знакомые с делом №414100, утверждают, что ответов на эти вопросы в нем нет. Следствие все списало на неразбериху и путаницу, которые царят в местах боевых действий. Но не будем забывать, что речь идет и о бригаде ГРУ, в которой разведчик-гранатометчик в первой же месяц службы львиную долю времени почему-то проводил между Минском и Моздоком? Видимо, это все-таки не путаница — ГРУ наверняка знает, чем занимался Игнатович и за что ему платили деньги. А вот мы, видимо, не знаем. Также в начале июля, сразу после исчезновения Завадского, группу Игнатовича задержали на посту ГАИ в Краснодарском крае. Молодчики очень грубо себя вели и краснодарские милиционеры, известные свои крутым нравом, «повязали» белорусских солдат удачи. Вызволять их из милиции приезжал таинственный полковник ФСБ, имя которого и должность следователям установить не удалось. Ясно только, что первому встречному «полковнику» краснодарские милиционеры бойцов из Беларуси не отдали бы. Кто стоит за спиной белорусских эскадронов смерти?

Один из адвокатов семьи Дмитрия Завадского после окончания слушаний дела в суде и вынесения приговора напрямую обвинил генерального прокурора Виктора Шеймана в причастности к операциям по похищению людей (в том числе оператора ОРТ). Он назвал Игнатовича «лишь исполнителем». По мнению Светланы Завадской, супруги Дмитрия, в деле вообще нет убедительных доказательств вины Игнатовича. Лопатка, изъятая из багажника его автомашины, странно появилась в этом деле и была обнаружена в присутствии странных понятых (странных в том смысле, что они носят милицейскую форму, соответственно, по УПК не могут являться понятыми). Больше Игнатовичу, по нашим данным, следствие в отношении Завадского ничего «стопроцентного» вменить не смогло. Появлялась, правда, информация, что свидетели видели возле дома Завадского машину Игнатовича.

Людей, следивших за Завадским, в его доме видели очень многие. Дело в том, что накануне в этом самом доме неизвестные обокрали несколько квартир, поэтому обеспокоенные жители присматривались к каждому незнакомцу. Одна из соседок Завадского, обнаружив на лестничной площадке молодого парня в бейсболке, даже спросила у него: «Вы кого-то ждете?» Парень отвернулся к окну, буркнув: «Жду». Другая соседка, обратив внимание на странного парня, который с утра прохаживался у подъезда, придя на работу, даже позвонила участковому с просьбой проверить эту личность. Незнакомцев видели собачники, люди, возвращавшиеся с ночной смены, местный дворник... Соответственно, когда исчез Дмитрий Завадский, они активно помогали следствию, составляя фотороботы. Игнатовича на фотороботах нет. Зато свидетели позже опознали действующего бойца спецподразделения «Алмаз» Максима Малика и нарисовали портрет человека, очень похожего на офицера 1-го отдела управления личной охраны Службы безопасности президента Александра Леоненко (теперь его убрали от высокого тела и вернули на службу в «Алмаз»). Кстати, у Леоненко есть так называемые «особые приметы». Вероятно, у него была переломана и неправильно срослась переносица, так что его достаточно сложно с кем-то перепутать. Леоненко даже арестовывали. Но отвечавший на все вопросы следствия «не знаю, не помню, забыл», он был выведен из группы подозреваемых, и информация о нем как о фигуранте дела просочилась в прессу лишь по чистой случайности.

Есть версия, что именно причастность Леоненко к Службе охраны президента, которой в то время командовал нынешний министр внутренних дел Владимир Наумов, не позволила провести полное и всестороннее расследование дела об исчезновении оператора ОРТ. Ведь «чеченский след» в деле Завадского ведет не только к Игнатовичу. В своем роковом интервью Завадский говорил не только о задержанном офицере, но и о том, что он такой не один, и что в принципе есть сведения о белорусах, воюющих в Чечне. Ни одной фамилии названо не было. По некоторым данным, под категорию «белорусов, воюющих в Чечне» подпадают в том числе бойцы (официально их должности называются по-другому) из личной охраны Лукашенко. В белорусских СМИ появлялись сведения, что в Службе охраны президента служат бойцы спецподразделения КГБ «Альфа» и МВД «Алмаза», которые прошли через своеобразные «курсы повышения квалификации», организованные для них именно в Чеченской Республике. И Игнатович, по одной из версий, был курьером между Минском и местом временной службы белорусских борцов с терроризмом.

Связи с Чечней поддерживал и официальный Минск — помощник Лукашенко по особым поручениям Виктор Кучинский, наверняка, когда-нибудь расскажет, с чьего барского плеча было дано указание о гуманитарной помощи Чеченской Республике. А в концерне «Белфарм», видимо, вспомнят, почему в оставленных боевиками домах находили коробки из-под белорусских лекарств. Чеченская диаспора довольно многочисленна и влиятельна в Беларуси. В свое время чеченец даже возглавлял один из отделов Службы безопасности президента. В Бресте улицу Советскую в народе называют «проспектом имени Джохара Дудаева». Когда-то ныне покойный Салман Радуев по кличке Титаник рассказал, что на лечение в Германию его вывозили через Беларуси, а не Турцию. В Москве к этому никто серьезно не отнесся, но в Минске рассказ чеченского боевика никого не удивил. Могли оказаться эти факты в фильме «Чеченский дневник», над которым работал Завадский в качестве оператора, а автором был «враг народа» Шеремет? Мы знаем, что не могли и не ставил никто перед собой такую задачу. Возможно, тогда — 7 июля, накануне премьеры по ОРТ широко разрекламированного фильма, именно эти вопросы бойцы хотели задать Завадскому — оператору и другу Шеремета. В случае чего — в самолете, который прилетал в Минск прибыл и сам Шеремет...

Логика понятна? Тогда продолжать мы не будем, поскольку вышеперечисленное — одна из версий, просто попытка состыковать разрозненные факты. Ведь никто так и не ответил на вопрос, почему Завадский исчез по дороге в аэропорт или в самом аэропорту, хотя накануне он один выезжал на рыбалку, но никакому Игнатовичу был не нужен? Ведь никто так и не произнес, кем должен работать человек, пригнавший машину Завадского в аэропорт, если он точно знал, что может поставить машину под знак «Стоянка запрещена» и что камеры наружного наблюдения аэровокзала его не зафиксируют по той простой причине, что они вообще ничего не фиксируют. Наконец, мог ли знать Игнатович, что машина, на которой ездил Завадский, когда-то была в полном распоряжении Шеремета и, теоретически, прилетевший в Минск Шеремет мог подождать-подождать, да и сесть за руль... Почему другие доказанные убийства с участием группы Игнатовича по почерку и поведению преступников принципиально отличаются от того, что произошло с Завадским.

По нашей информации, следствие обратило внимание на специфичность знаний, проявленных «группой Игнатовича», но не стало развивать это направление. Мы, в свою очередь, обращаем внимание на то, что все обрезанные концы в этом деле ведут либо в «Алмаз», либо в Службу охраны

президента. Игнатович и Малик воевали в «Алмазе» под чутким руководством командира спецподразделения Владимира Наумова. Леоненко служил в подчинении Наумова в Службе охраны президента. Дело получило совершенно новый поворот, когда Наумова назначили министром внутренних дел и он возглавил межведомственную группу по розыску пропавших людей. Ни разу, ни в одном из интервью Наумов ни слова не сказал о том, как идут эти поиски. Ни слова не сказал он и о том, зачем посещал в СИЗО своих арестованных бойцов.

х х х

Исчезновение оператора ОРТ стало последней каплей. В Минске уже открыто говорили о существовании некоего спецподразделения, которое убивает и похищает людей. После ареста банды Игнатовича поиск «эскадрона смерти» продолжался.

Наконец, 21 ноября 2000 года начальник криминальной милиции, заместитель министра внутренних дел генерал-майор Николай Лопатик ставит на чистом листе страницы надпись «совершенно секретно» и от руки пишет рапорт министру Владимиру Наумову.

«Докладываю о том, что мною получена информация следующего содержания. В апреле 1999 года Шейман В.В. дал задание министру внутренних дел Сивакову Ю.Л. допустить в СИЗО N 1 ГУВД Мингорисполкома командира СОБРа Павличенко во время исполнения процедуры расстрела приговоренного к этой мере наказания и последующим действиям по его захоронению. Сиваков Ю.Л. данное указание передал начальнику СИЗО Алкаеву О.Л. Павличенко к процедуре был допущен.

6 мая 1999 г. Шейман В.В. дал указание Сивакову Ю.Л. выдать пистолет, которым приводится в исполнение приговор о смертной казни, Павличенко. Сиваков Ю.Л. дал указание Алкаеву О.Л. выдать хранящийся у него пистолет Павличенко, что Алкаев и исполнил. В данное время Шейман В.В. дал указание Павличенко физически уничтожить бывшего министра внутренних дел Захаренко Ю.Н. Информационное обеспечение местонахождения Захаренко для действий Павличенко было обеспечено спецподразделением Васильченко Н.В., задание которому также дал Шейман В.В. через своих сотрудников. Акция захвата и последующего уничтожения Захаренко была

произведена Павличенко, командиром роты СОБРа, командиром 1-й роты спецназа внутренних войск и четырьмя его бойцами. 8 ... пистолет Павличенко сдал Алкаеву. По аналогичной комбинации 16 сентября 1999 года Павличенко провел акцию захвата и уничтожения Гончара В.И. и Красовского А.С. Место захоронения трупов Захаренко Ю.Н., Гончара В.И., Красовского А.С. спецучасток номерных могил на Северном кладбище».

Виза министра на рапорте: «Лопатик Н.И. Для исполнения». Мы приводим выдержку из официального документа, подписанного заместителем министра внутренних дел. Он открыто, официально обвиняет Виктора Шеймана — на тот момент секретаря Совета безопасности — в похищении оппозиционных политиков.

Что должен был исполнить генерал-майор Лопатик? 22 ноября 2000 года, председатель Комитета государственной безопасности генерал-лейтенант Владимир Мацкевич подписывает постановление о задержании Дмитрия Павличенко — командира спецотряда быстрого реагирования (СОБР), созданного под патронажем бывшего министра внутренних дел Юрия Сивакова. Санкционировал задержание Павличенко заместитель генерального прокурора Михаил Снегирь. Сейчас уже известен текст и этого документа.

«Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь генерал-лейтенант Мацкевич В.А., рассмотрев материалы ДГОР „Экипаж“, установил:

В материалах оперативной разработки имеются достоверные данные о том, что Павличенко Дмитрий Валерьевич является организатором и руководителем преступной группы, занимающейся похищением и физическим устранением граждан. В частности, руководимая Павличенко Д.В. преступная группа причастна к убийству 5 августа 2000 г. Самойлова Г.В., лидера незарегистрированной Белорусской региональной организации РНЕ, а также к убийствам других лиц.

Принимая во внимание, что нахождение Павличенко Д.В. на свободе может привести к совершению им и членами возглавляемой им преступной группы других особо опасных насильственных преступлений, руководствуясь пунктом 1.8. Декрета президента Республики Беларусь от 21 октября 1997 г. «О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и особо опасными насильственными преступлениями», -

Постановил:

Применить в отношении Павличенко Дмитрия Валерьевича, командира войсковой части 3214 МВД Республики Беларусь, проживающего в Минске, превентивное задержание сроком на 30 (тридцать) суток.

Копию настоящего постановления направить для исполнения начальнику СИЗО КГБ Республики Беларусь».

Таким образом, председатель КГБ считал данные о причастности Павличенко к убийствам и исчезновениям людей достоверными.

23 ноября свой рапорт министру внутренних дел пишет начальник СИЗО-1, единственного в Беларуси следственного изолятора, где расстреливают приговоренных к смертной казни, Олег Алкаев. «Докладываю, что, являясь руководителем специальной группы по приведению в исполнение смертных приговоров, познакомился с командиром СОБР Павличенко Дмитрием при следующих обстоятельствах. В конце октября 1999 года, а точнее 22.10.99 г., по приказу (устному) бывшего министра МВД Сивакова Ю.Л., переданному через начальника Комитета по исполнению наказаний Кадушкина С.А., мною был допущен присутствовать при исполнении приговора командир СОБР Дмитрий Павличенко. Цель его присутствия мне непонятна и неизвестна, мне о ней никто ничего не говорил. В этот день были расстреляны 5 человек. Павличенко присутствовал при расстреле каждого. В один из моментов он спросил исполнителя, почему он стреляет в голову, а не в сердце, заявив при этом, что выстрел в сердце более гуманен и при этом вытекает меньше крови. На исполнителя это произвело некоторое впечатление, так как такие слова мог сказать только человек, на практике знающий характер ранений в различные области тела. По окончании всей процедуры Павличенко ушел и при захоронении трупов не присутствовал. Повторно, уже в декабре, Павличенко лично приезжал и интересовался, когда будет следующее исполнение приговора. Я ему объяснил, что лично не уполномочен решать вопрос о его присутствии и отказал ему в этом. Больше мы с ним не встречались.

Кроме того, хочу пояснить, что дважды по распоряжению министра Сивакова Ю.Л. у меня для неизвестных целей был истребован специальный пистолет с глушителем, которым приводятся в исполнение приговоры. Первый раз 30.04.99 г. и возвращен 14.05.99 года. Второй раз 16.09.99 г. и возвращен 18.09.99 года. Первый раз по письменному указанию замминистра Чванкина А.А. пистолет получил полковник милиции Дик В.И. и возвратил также он, второй раз пистолет получил лично адъютант министра по имени

Владимир Павлович. О получении ими оружия имеется отметка в журнале учета выдачи оружия. Подпись — Алкаев».

24 ноября 2000 г. замначальника отдела прокуратуры РБ советник юстиции Казаков Е.Г. в присутствии понятых произвел выемку книги выдачи оружия по СИЗО-1 и собственно пистолета ПБ-9 с глушителем № РО 57С. Затем была произведена экспертиза этого оружия, арестован и допрошен Дмитрий Павличенко. А дальше происходит странное...

27 ноября страну потрясла весть об отставке ключевых генералов. Председателя КГБ Мацкевича, его первого зама, курировавшего работу группы оперативного розыска «Экипаж», Наркевича, генерального прокурора Божелко и... главу Совета безопасности Шеймана президент отстраняет от должностей. Павличенко освобождает. А еще через несколько дней Александр Лукашенко назначает Шеймана генеральным прокурором. «Я как президент отвечаю за все», — говорит он, пытаясь хоть как-то объяснить столь нелогичные поступки.

Кстати, это только теперь стало известно о событиях, происходивших в те дни в Минске. Выясняется, что выручать своего командира приехали бойцы СОБРа и «Алмаза» (спецподразделение МВД), а Мацкевич выставил у здания тюрьмы КГБ охрану из бойцов «Альфы». Таким образом, в центре белорусской столицы едва не случилось вооруженное столкновение бойцов разных формирований. А тогда никто не мог объяснить, из-за чего разом лишилась должностей вся силовая верхушка страны.

Мацкевич и Божелко срочно уехали в Россию. Олег Алкаев, Николай Лопатик и Николай Снегирь — на дачи. Их просили только об одном: молчать, забыть и не вспоминать. В результате Владимир Мацкевич стал послом Беларуси в Югославии, Михаил Снегирь — прокурором Минской области. Лопатик и Божелко живут в Беларуси, но тише воды, ниже травы. При чем Божелко шесть месяцев прятался в монастыре под Ярославлем. Мы неоднократно встречались с ним и долго беседовали. Он не сомневается, что КГБ и прокуратура находились в шаге от ареста Шеймана, Сивакова и обнаружении пресловутого «эскадрона смерти». Помешал лично президент страны гражданин Лукашенко. Олег Алкаев из соображений личной безопасности уехал в Германию. Юрий Сиваков пересидел смутные времена на должности главного президентского кадровика, потом стал министром спорта. Дмитрий Павличенко в добром здравии командует частью 3214 внутренних войск, СОБР по-прежнему у него в подчинении. Не лишился своего поста и министр внутренних дел Владимир Наумов, хотя в связи с

тем, что как минимум к исчезновению оператора ОРТ доказана причастность его подчиненных, СМИ не раз намекали на необходимость Наумову подать рапорт об отставке.

Ну а Виктор Шейман... Первое, что сделал на новом посту новый генеральный прокурор — отменил просьбу своего предшественника, адресованную России, о помощи спецоборудованием для поиска под землей трупов. Шейману это оборудование было ни к чему.

В то же время из-за невозможности что-либо выяснить по фактам исчезновения Юрия Захаренко, Виктора Гончара, Анатолия Красовского и Дмитрия Завадского расследование этих дел приостановлено. И сколько ни бьются матери и жены, требуя возобновления следствия, результат отрицательный. И хотя сведений о тех, кто причастен к исчезновениям белорусских политиков, становится все больше, их теперь, судя по всему, просто некому проверять. Теперь все дела у Виктора Шеймана. Из той, первой, команды он остался единственным. И стал самым влиятельным человеком в государстве. Заявления бывшего управделами Титенкова о том, что «эскадрон смерти» организовал похищения не менее 30 человек, для него, что укус комара. Неосторожное признание президента, что власти имеют отношение к исчезновению вора в законе Щавлика и других криминальных авторитетов — для него похвала. Этот человек сам себе суд и сам себе закон.

х х х

Постановление о задержании Павличенко — документ, который ранее не публиковался. Его возможная причастность к убийству лидера белорусского отделения РНЕ Глеба Самойлова является абсолютно неожиданным поворотом в еще одном громком деле. Так и не расследованном.

...Убийство Самойлова произошло в 2000 году. В первых числах августа. В субботу, приблизительно около 8.00 в квартиру Глеба, где он проживал с женой и месячной дочерью, позвонили неизвестные. Судя по всему, Глеб был знаком с ними. После короткого, но очень эмоционального разговора лидер белорусского РНЕ вышел на лестничную площадку. Через несколько минут кто-то из соседей услышал крики и вызвал милицию. Стражи порядка

и обнаружили труп Самойлова — три ножевых ранения в грудь оказались смертельными.

В Беларуси заговорили о том, что создан первый прецедент политического убийства. Правоохранительные органы запустили в прессу слух, что по подозрению именно в этом убийстве и задержан бывший офицер «Алмаза», а позже — один из руководителей белорусского отделения РНЕ Валерий Игнатович. Однако сопоставление дат позволяет сделать обратный вывод: Игнатовича задержали 3 августа, а Самойлов был убит 5-го. Таким образом, лидера белорусских чернорубашечников, скорее всего, заподозрили в том, что именно он «сдал» правоохранительным органам боевого офицера. И за это убили.

Сразу после убийства Самойлова Первомайский РОВД Минска, расследовавший это дело, распространил в прессе фотороботы подозреваемых. Один постарше — лет сорока, второй — лет тридцати. Среднего роста, коротко стриженные, среднего телосложения. Оперативники радовались, что свидетели хорошо запомнили лица этих людей, четко описали. Но из района это дело забрали наверх. Так и пылится оно где-то в прокурорских кабинетах.

Что же касается Дмитрия Павличенко, то был человек, который напрямую обвинял его в собственном похищении. Это начальник контрольно-ревизионного управления Министерства культуры Александр Грачев. Неприятности у Грачева начались после проверки деятельности Белорусского государственного цирка, руководитель которого Татьяна Бондарчук является близкой родственницей в прошлом главного президентского идеолога Владимира Заметалина. Результаты проверки были переданы в следственный комитет для возбуждения уголовного дела. Однако МВД дело в отношении столь известной дамы возбуждать не решилось. А вот оперативники низшего звена оказались менее осведомленными. И словили Бондарчук на взятке. Арест, однако, продлился недолго. По высочайшему распоряжению «королева белорусского цирка» была освобождена из-под стражи. А у Александра Грачева, который даже не подозревал, ниточку из какого клубка он потянул, начались неприятности.

— Через несколько дней ко мне на работу приехали ребята из Службы безопасности президента и начали интересоваться «делом Бондарчук». Я им говорю: «Ничего не знаю, вот есть акт ревизии — все...» А еще через некоторое время один знакомый показал мне письмо на имя президента за подписью Виктора Шеймана. Там было написано, что преступная

группировка в составе Грачева, Сосновского (министр культуры — Авт.) и других лиц постоянно преследует Бондарчук...

— Что конкретно было выявлено в результате проверки в Госцирке?

— Было выявлено очень много разных финансовых нарушений и прямых злоупотреблений. Также мы узнали и некоторые нелицеприятные сведения по балету «Серж», в частности: даже сотрудники цирка писали в прокуратуру, что девчат из балета отправляли в Эмираты, и они там проституцией занимались. Некоторые обслуживали... сами догадайтесь кого. Но наших, белорусских.

— Как начиналось дело о взятке директора Госцирка?

— Мне позвонили из гомельского цирка и сказали, что Бондарчук требует огромную взятку. Я сказал: «Извините, я не служба 911. Вот ребята из ОБЭП, с ними и работайте»... Ну, а потом Бондарчук взяли прямо с деньгами. И случилась очень интересная вещь... Через месяц ее выпустили. А еще через день после ее выхода из СИЗО я подхожу к дому и вижу машину «Скорой помощи». Даже испугаться не успел, как ко мне подбежали крепкие парни. Один бьет меня кулаком в лицо и выбивает два зуба. Я падаю. Мне на голову надевают маску, подхватывают и бросают в машину. Меня отвезли на какую-то базу и измордовали до неузнаваемости. Пытались узнать, кто проводил проверки в цирке — кто какие документы просматривал. Били по почкам, угрожали убийством, щелкали возле уха затвором автомата, размахивали пистолетом — это был ужас какой-то! Я им сказал: «Ребята, я ничего не знаю, нас было одиннадцать человек».

— Вы поняли, кто это был?

— Я понял лишь, что это были люди, связанные с силовыми структурами. У меня в кармане лежало удостоверение афганца. Их главный забрал у меня удостоверение и говорит кому-то из своих: «Все, ты тут больше не щелкай ему возле уха затвором — это наш мужик, он прошел все». (А я, скажу вам честно, прошел весь Афган, у меня есть боевые ордена и медали.) Тогда они перестали испытывать меня на прочность и начали просто рассуждать: или убить, или Бог его знает что с ним делать... А главный их... Я не знаю, кто это был, но голос его очень похож на голос Авсянского — это главный специалист Совета безопасности, теперь он вместе с Виктором Шейманом в Республиканской прокуратуре работает.

— Вы написали заявление в прокуратуру. Прокуратура занималась расследованием?

— Мне позвонили Иван Бранчель, замначальника отдела по организованной преступности, и старший следователь по особо важным делам Чумаченко (первый возглавляя следственную группу, занимающуюся расследованием объединенных в одно производство дел оператора ОРТ Дмитрия Завадского и убийства Глеба Самойлова, второй входил в ее состав). Вызвали они меня в прокуратуру и говорят: «Вот погляди, кто тебя бил — эти, эти, эти...» И показывают мне множество фотографий. Я двоих опознал — тех, кто меня тащил в машину с улицы — они тогда не были в масках. Потом мы провели также опознание голосов — по плееру. Одним из опознанных мною (и по голосу, и по фотографии) был Игнатович.

Грачева, опознавшего своих похитителей, уволили с работы и едва не затолкнули в психушку. Дело до суда также не дошло. Даже на закрытом суде Валерию Игнатовичу не вменяли похищение и избиение руководителя контрольно-ревизионной службы Министерства культуры.

Что же касается Татьяны Бондарчук, то она по-прежнему «королева белорусского цирка». Получается, что слухи о том, что она являлась держательницей публичного дома для высокопоставленных белорусских чиновников, не подтвердились. Да и кто рискнет их проверить?

х х х

Тем не менее свидетельств о причастности высших должностных лиц к похищениям и убийствам людей, все больше. В пользу этой версии свидетельствуют даже те, кто молчал долгие годы.

Хронометраж видеозаписи бывшего начальника минского СИЗО-1 Олега Алкаева составляет шесть часов. Алкаев подробно рассказывает белорусским правозащитникам все, что знает об исчезновениях белорусских политиков.

О Юрии Сивакове:

— По моему мнению, Сиваков пробивал дорогу лично себе. По отношению к президенту он, бывало, вел себя даже покровительственно. Президент его и выгнал. А когда Сиваков понял, что никуда уже не выплывет, — сломался. Он загнанный человек. Он где-то все уже, может, записал, и только за счет

этого его еще держат. Ничего такого нового он не откроет, разве что более детально расскажет и назовет заказчиков. Исполнителей мы найдем.

Сиваков спрашивал меня, можно ли организовать тюрьму человек на 20. Кого он собирался держать в этом «зиндане»? И потом, когда пишут постановление об аресте, там указано, где будет содержаться арестованный: в СИЗО N8 в Жодино или в СИЗО N1 в Минске. А тут что писать, если такая тюрьма нигде не числится? «Содержать задержанного в личном следственном изоляторе Сивакова»? Значит, это будет делать уже не следователь. И вся эта идея вовсе не для официальных действий. И потом, даже убивать ведь не будешь на улице... Но я знаю точно, что такая тюрьма была. Она нигде не значится, нигде не числится. Сиваков ее открыл в нарушение всех законов. Я знаю начальника той тюрьмы. Однажды он ко мне обратился с просьбой: подыскать ему несколько человек в сотрудники. Я ему их нашел. Я даже знаю, где она находилась. Поверьте, места в Беларуси достаточно. Это не так далеко от Минска. Очень удобное место.

У Сивакова в окружении были одни военные, не милиционеры. Вообще, это тенденция: Лукашенко окружил себя военными. Шейман — танкист, Сиваков — военный, Павличенко — замполит. Люди, которые руководствуются не законами, а приказами. В милиции все-таки даже если последний дурачок стоит на улице с дубинкой, а к нему подъедет министр и скажет: «Пойди вон того прохожего стукни дубинкой по голове», — он не стукнет. А военный — стукнет. И в подразделении наружного наблюдения, которое создал Шейман, все военные. Поэтому я сразу подумал о Павличенко, когда узнал, что за Захаренко следили на красной «БМВ». Наружное наблюдение — служба деликатная. Там люди все — неприметные, и машины у них такие же. Но все сотрудники — высшей квалификации. Вот меня бы из-за объемов даже не взяли в «наружку», потому что я два раза появился — меня уже запомнили. А тут — красная «БМВ»! Все знали, что на красной «БМВ» разъезжал Дима.

Министр хотел объединить два подразделения — мое и Дмитрия Павличенко — в одно, чтобы узаконить официальные убийства, которыми я занимался, и неофициальные. Вот, мол, вы два друга, идите и «мочите». Меня просили подружиться с Павличенко. И даже, насколько я знаю, министр хотел передать функции расстрелов СОБРу. А еще он мне все руки выкручивал: мол, почему не пользуетесь крематорием для захоронений расстрелянных? Да потому и не пользуемся, что там, у стен, будут круглосуточно дежурить родственники. Да и хоронили мы, как положено людей хоронить. Странно: я

многих министров повидал. Ни один из них вообще этой темой не интересовался — все они как-то пытались ее обходить. Никто никаких вопросов не задавал.

24 мая 1999 года Юрий Сиваков приехал в СИЗО. Тогда как раз осудили одного офицера внутренних войск за покушение на убийство — 6 лет ему дали. Звонят мне из аппарата Сивакова и говорят: «Завтра вы должны привезти этого человека в кабинет к министру». Я ответил: «Для этого есть конвойное подразделение ГУВД». Нет, в самом деле, как я его повезу — без соответствующих документов, без разрешения Верховного суда? Не хотелось позориться перед сотрудниками. Меня потом «на ковер» замначальника ГУВД вызвал. Но я заупрямился. И вот вечером сообщают, что завтра министр сам приедет. Мы всю ночь работали: навели порядок, покрасили, побелили. Министр приехал, был очень доброжелателен. Походил-походил, потом говорит: «Ну хотя бы сюда ты можешь его привести?» По закону к себе в кабинет я могу кого угодно, любого заключенного приводить. И вот, помню, первые слова Сивакова тому осужденному офицеру внутренних войск: «Ну что ты натворил?» А тот отвечает: «Вы же знаете: если бы хотел убить — убил бы». Я тогда еще не въехал ни в суть вопроса, ни в суть ответа. Потом они еще поговорили. Осужденный просил квартиру для семьи. Министр сказал ему: «С квартирой проблемы, а общежитие твоей жене дадим». В общем, они поговорили, осужденного увели, потом министр уехал, поблагодарив меня. Расстались мы очень хорошо. Именно в тот день он спросил меня, почему мы не пользуемся крематорием. Обещал помочь организационно. Это было 24 мая, а 7 мая пропал Захаренко. Я все объяснил насчет крематория (что это может привести к расшифровке), и он перед уходом сказал, чтобы я подумал и внес свои предложения. А спустя какое-то время его зам, Кадушкин, спросил меня: «Ты обдумал предложение министра?» Я ответил, что обдумал, но в условиях Минска сегодня нет никакой возможности пользоваться крематорием».

О Валерии Игнатовиче:

— Он в Ханкале мародерством занимался. Если чечены узнают, что он в Ханкале грабил (он, кстати, сам об этом в камере рассказывал определенным лицам), то ему все равно голову не сносить. Не только руки отрежут, но и все остальное. Он в Ханкале брал золото, бриллианты в чеченских домах. Награбленным, кстати, потом расплатился за автомобиль с бывшим сослуживцем, который в Израиль уезжал. Но Игнатович никем не

командовал — он не был лидером группы, не мог решать, кого ему брать, кого не брать.

На допросах, я знаю, он вообще ничего не говорил. Я его в камере посещал, мы разговаривали, даже про Чечню. Он голодал, правда. Помню, когда Наумов однажды пришел, то сказал: «Вы там поосторожнее с ним. А то он вроде и голодает, но в Чечне по 90 километров в день по горам пробегал». Но к делу Завадского, я уверен, он непричастен. Если бы была малейшая информация, я бы ее знал. Просто Александр Григорьевич поклялся, что найдет виновного, вот Игнатовичу и «нагрузили» Завадского. Расстрел — процедура долгая. В течение года человек пишет кассации. Кто знает, что он там может написать? Возможна утечка информации. Поэтому с ним был заключен договор.

Я Игнатовича как-то спросил: «Ты на чьей стороне в Чечне воевал?» Он в ответ: «А вы чеченец?» Я говорю: «Наполовину». Он сказал: «Тогда я промолчу». На этом разговор закончился.

Кстати, я слышал, что Мацкевич видел запись, где Захаренко — с отрубленными руками. Тогда еще все подумали, что это почерк Игнатовича. Тот в Чечне этому обучился. Мне об этой видеозаписи рассказал друг, который вообще к силовым структурам отношения не имеет, — заместитель председателя колхоза. Он заехал ко мне буквально на следующий день после ареста Павличенко и говорит: «Слышал о видеопленке?» Такая видеопленка могла на второй же день выйти только из одного места: из кабинета Мацкевича. Сейчас, думаю, она осела в кабинете Шеймана.

22 ноября Наумов приходил к Игнатовичу в СИЗО. Я их разговора не слышал, вышел на это время из кабинета. А когда выходил Наумов, я услышал только одну, последнюю, фразу: «Ты подумай, Валера, и скажи, пока не поздно, где закопан Завадский». Потом мы пили чай, и после этого Наумов говорит: «Ну все, мы пошли арестовывать Павличенко». Я еще спросил: «Помощь нужна?» Он ответил: «Сами справимся». Мы как раз готовились отметить день рождения моего заместителя, была бутылка шампанского, так Наумов даже от шампанского отказался. Трезвый был.

То, что Игнатович не давал никаких показаний, было крайне выгодно и следствию, и суду. В результате все обвинение базировалось на показаниях двух других лиц под чужими фамилиями. Эти двое уже были осуждены и сидели в колониях. Им вместо пожизненного дали по восемь лет еще 2 года назад. И вот эти два чудака на Игнатовича нагородили. Почему суд был

закрытый? Чтобы свидетелей никто не опознал. А они дали показания, типа «он с нами был третьим». Их фамилии даже нигде не всплыли.

Игнатовичу, заметьте, так и не инкриминировали убийство Завадского — только похищение. Да их всех Завадский и не беспокоит сейчас — боятся, что если Игнатович заговорит, то заговорит по другим делам. Вот и устроили этот компромисс».

О Дмитрие Павличенко:

— Моя группа работала с высшей степенью конспирации, а Павличенко позволял себе варианты. Он импровизатор, он же не знал ничего, не видел инструкцию. Она, правда, в одном экземпляре и только у меня. Еще в прокуратуре есть, у генерального.

У меня 27 ноября 2000 года состоялся разговор со следователем Иваном Бранчелем. Тот пришел возвращать мне пистолет, протокол моего допроса и прочие доказательства. Я спросил его: «Как же так, Иван Иванович?» Он говорит: «Мы четыре раза ходили президента убеждать в том, что Павличенко и Шейман — преступники. Бесполезно». И в тот же день президент объявил о переназначениях...

Мне кажется, что Павличенко на допросе все подтвердил. Я даже в этом уверен. Я таких сотни видел — людей, которые убивали, а потом сопли распускали. Если бы не подтвердил, Наумов никогда бы не решился просить санкции на арест Шеймана. Это было возможно только после признания Павличенко. И вот тогда всеми силами начали его освобождать. Говорят, что когда его привезли к президенту, тот спросил: «За что тебя арестовали?» Павличенко ответил: «За то, что я выполнял приказы президента». Этого оказалось достаточно.

Когда Дмитрий Павличенко присутствовал на процедуре исполнения приговора, он спрашивал о местах захоронений. Сказал, что имеет информацию о спецучастках на Северном кладбище. Кстати, это неправда — мы тогда на кладбищах не хоронили. И я ему не сказал, где на самом деле это происходит. Правда, предложил: «Если хочешь, тем более если тебя министр прислал, то я могу туда пригласить завтра». Но он на следующий день на захоронение не пришел. Хотя у меня был приказ показать все. А потом еще Кадушкин сказал: «Олег, да свози ты его, пусть посмотрит, а то меня уже министр душит».

Вообще же наше государство к вопросу захоронений расстрелянных подходит очень серьезно. Места захоронений выделялись на высоком правительственном уровне. Это все было настолько законспирировано! Специально — для того, чтобы пустить всех, кто заинтересуется, по ложному следу, — распускались слухи. Да вы что, если бы стало известно, где хоронят, на том месте такое бы началось!»

О «расстрельном» пистолете:

— Это серийный табельный пистолет для специальных операций. Туда входит обычный патрон Макарова, только пружины немножко другие. У этого пистолета малая убойная сила, и он производит мало шума. Предназначен только для выстрелов в упор, то есть для совершенно конкретных боевых действий. Если бы уж очень нужно было такой пистолет для каких-то учебных действий брать — министру бы со склада МВД чемодан таких привезли. А на складе Министерства обороны вообще какие хочешь лежат. Я сам потом еще два пистолета получил. По моему мнению, именно этот пистолет понадобился, чтобы придать убийствам ритуальный обряд — так сказать, законная расправа. И человека унижить до конца. Тем более что Сиваков — человек театральный, большой любитель эффектов. И еще. Думаю, с их точки зрения, именно этот пистолет не идентифицируется. Больше я не вижу никаких причин — в конце концов, человека можно и палкой убить. Не отметаю также версии о видеозаписи — кому-то эта запись должна была порадовать глаз. Шейман должен был потом посмотреть и оценить исполнение. А может быть, и Александр Григорьевич. Во всяком случае, я знаю, что смертные приговоры Александр Григорьевич подписывал именно 31 декабря. А потом поздравлял белорусский народ.

С пистолетом они, правда, перемудрили. Я ж не по устному распоряжению его выдавал. Дик — человек военный, он расписался в журнале. Он сам, кстати, начальник вооружения, и если бы я ему так выдал, без регистрации, он бы меня еще и уличил в нарушении инструкции. Кстати, это была большая ошибка — посылать Дика за пистолетом. Если бы пришел кто-то другой, я бы просто так пистолет дал. А пришел Дик, и я подумал: ага, провокатор. Он еще принес бумагу от замминистра внутренних дел Чванкина с резолюцией Кадушкина.

Кадушкин написал: «Товарищ Алкаев, решите вопрос положительно». А как мне еще решить вопрос? Я думал: может, для какой-то экспертизы, может, отстрелять — мало ли зачем он понадобился?

Дальше цепочка выстраивается такая: Дик относит пистолет Чванкину. Но ему этот пистолет сто лет не нужен — Чванкин ничего крупнее рогатки сроду в руках не держал. Какие, к черту, он может стрельбы организовывать? Короче, они так перешифровались, что вызвали у меня еще тогда большие подозрения.

Но инструкцию я не нарушил. Думал, пистолет берется для учений — в приказе, кстати, так и было написано. Никаких боеприпасов к нему мы не выдавали. Пистолет взяли 7 мая, а где-то в конце мая мне уже надо было с ним работать. Я спрашиваю Дика: «Где пистолет?» Он пошел к Чванкину и принес. Только одно было странно: впервые пистолет вернулся заржавленным. Наверное, где-то на болотах им пользовались, уронили и не почистили. Тогда, правда, я не придал этому значения: мало ли, думал, может, где-то по воробьям или по бутылкам постреляли — у нас, у офицеров, это в порядке вещей.

Есть еще одна штука, о которой я прежде не говорил. Таких пистолетов было два: один у меня, второй — у Вишнякова. Полковник Вишняков тогда командовал бригадой, которой сейчас командует Павличенко. Так вот, у Вишнякова был такой же пистолет. Он вообще очень порядочный офицер. Конвойщик. Его потом сместили, потому что конвойщики очень неудобные люди. Перед ним ставят задачу, а он спрашивает: «Позвольте уточнить, зачем это нужно». А танкисты не уточняют».

О Владимире Наумове:

— Помню, в апреле 2000 года ко мне пришел Наумов. По заданию президента интересовался директором цирка Бондарчук, которая тогда была арестована и содержалась у меня в СИЗО. Президент послал его разобраться. (Сиваков тогда уже ушел в отставку.) И я тогда спросил Наумова: может, это за спиной президента творятся такие дела? Я сказал ему: «Владимир Владимирович, вы у ног президента днем и ночью. Ближе никого нет. Может, он не знает?» И поделился подозрениями, которые у меня уже были. Я сказал, что убежден: Захаренко, Гончар и Красовский убиты. Рассказал ему про странные совпадения с выдачей пистолета в определенные дни, про подозрения насчет использования пистолета для убийств. Ведь только военный мог не знать, что этот пистолет идентифицируется. Он точно так же отстреливается, и пули хранятся в пулегильзотеке. Я Наумову все сказал: «Представь себе, Володя: находят труп, в нем пулю, по пуле устанавливают оружие, а этот пистолет хранится у меня. И что дальше? Через два часа меня арестовывают или вообще расстреливают в моей любимой тюрьме. И кто мне

поверит, что я, человек, совершивший столько „заказных убийств“, не убивал этих троих? Найдут кучу свидетелей, еще и моих ребят пару подкупят». Наумов говорит: «Я тебя понимаю, у меня у самого такой случай был. Получил как-то раз пять автоматов, а из них буквально через месяц на белорусско-литовской границе в Мядининкае литовских таможенников застрелили. Хорошо, успел справку получить, а то сам сидел бы». Я просил Наумова спросить у президента, может, он не знает, что за его спиной происходит. Я считаю, что президент стал заложником ситуации. Если бы не лез в уголовные дела сам, может, его имя и не связывали бы с преступлениями...

Наумов уверенно шел к раскрытию этих исчезновений. Я до сих пор не могу понять, почему ему не хватило ума пойти к президенту и спросить напрямую: замешан ли Шейман? Может, и я бы не стал писать свой рапорт — я ж не самоубийца, в конце концов. И Лопатик не самоубийца. Я писал рапорт потому, что считал Наумова честным человеком. Я ведь не в газету писал письмо! Знаете, как некоторые: захотел за границу — написал письмо в газету. Наумов все знал, но предпочел молчать, сделать вид, будто все забыл или вообще не знал. Ничего не подделаешь — сломался, получив должность. Ему этой должностью рот заткнули. Все-таки стал министром внутренних дел в 44 года! Впрочем, Берия стал министром государственной безопасности вообще в 32 года. Но это для него плохо кончилось.

Я сейчас назову людей, которые все знают и могли бы рассказать, но им мешает трусость. Наумов, Удовиков, Чергинец, Мацкевич, Лопатик, Куприянов, Бранчель. Рассказали бы всю правду Александру Григорьевичу — он бы сам повесился, и не нужно никакой атомной бомбы. Что стоило тому же Бранчелю не выбрасывать доказательства, а выделить все в отдельное производство? Испугался. Трусость не позволяет им всем ничего говорить. Каждому из них пора уже колготки покупать и поздравлять их с 8 марта»...

О Викторе Шеймане:

Генеральный прокурор никогда не подписывает постановлений об аресте. Это всегда делают всякие косухи-снегири... Замахнулись они вовсе не на Павличенко. Они замахнулись на Шеймана, который к тому времени уже всех достал. А тут — такой случай! Как им не воспользоваться? Наумов мне как-то сказал: «Всю работу сделали в результате сведением личных счетов». Может, он и прав.

Я свой рапорт написал уже после ареста Павличенко. Подумал, что делу дан, наконец, законный ход, и я готов быть свидетелем. 23 ноября мне позвонил Наумов и сказал: «Сходи к Лопатику, ему нужна вся информация, которой ты располагаешь». Мы с Лопатиком в одном кабинете рапорты писали. Помню, он уже закончил, а мне еще немного времени надо было. Так он мне еще сказал: «Давай поторопись, вас всех наказать нужно, один я работаю, а больше никто». Довольный такой был. Наверное, он уже представлял себе, как станет заместителем министра внутренних дел. Все-таки, не будучи пьяным или под наркотиками, написать документ на второе лицо государства — Шеймана — большой риск. Значит, кроме наших двух рапортов у него было что-то еще. Какие-то другие документы. Но я их не видел — у нас не принято в чужих кабинетах документы на столах рассматривать.

24-го рано утром снова позвонил Наумов и говорит: «К 10 часам подойди в МВД, тебя допросит следователь». То есть утром еще казалось, что все идет как надо. Меня допросили в здании МВД. Потом следователь Казаков, который меня допрашивал, сказал, что должен изъять мой пистолет. (Кстати, он во время допроса несколько раз спрашивал о захоронениях: смогу ли я отличить «своих» от «чужих». По ходу его вопросов получалось, что была некая группа, которая работала «под нас».) Короче, пошли мы с ним в мой кабинет, там я включил телевизор — как раз новости в час дня передавали по БТ. Слышу: Шейман освобожден от должности госсекретаря Совета безопасности. Ну, думаю, совсем все правильно идет. Пистолет у меня изъяли. Зашел еще прокурор по надзору Заводской прокуратуры. Я ему говорю: «Слышал новости?» Он мне: «Да ты что, не может быть!» В общем, эйфория была. Еще Божелко освобожден, Мацкевич освобожден... В общем, я был уверен, что это все в русле того уголовного дела полетели головы. В такой эйфории день прошел. А 27 ноября прибегает ко мне Бранчель со словами: «Мы тебя не видели, не вызывали, забудь о том, что тебя допрашивали!» Я ему: «Да что случилось?» Он говорит: «Шейман назначен генеральным прокурором».

х х х

Появлялись в Беларуси и видеокассеты с признаниями следователей, занимавшихся поиском пропавших людей. Сначала они скрывали свои лица, потом, уехав из страны, говорили, не таясь. Дмитрий Петрушкевич и Олег

Случек — в прошлом следователи белорусской прокуратуры. Их видеосвидетельство стало первым, проливающим свет на виновных в исчезновении белорусских политиков.

— Меня зовут Дмитрий Петрушкевич, я состоял в следственной группе Республики Беларусь по расследованию уголовных дел по факту исчезновения Завадского, убийства семьи азербайджанца, похищения начальника контрольно-ревизионного управления Министерства культуры Грачева и другим преступлениям. Обвиняемыми по этому делу являлись: один бывший сотрудник спецподразделения «Алмаз» МВД Республики Беларусь Игнатович Валерий, действующий сотрудник спецподразделения «Алмаз» Малик и еще два человека. Когда я ознакомился со всеми материалами уголовного дела, я пришел к выводу, что истинные заказчики всех политических преступлений, в том числе и похищений Грачева и Завадского, найдены никогда не будут. Вернее, они будут найдены, но привлечь их к уголовной ответственности никакой возможности не будет. Потому что это — руководители нашего государства, они до сих пор подписывают документы от имени высших должностных лиц страны и дают санкции на арест.

Поэтому около недели назад я решил обратиться к международным организациям и сообщить о том, как действительно обстоят дела с обстоятельствами похищения многих политиков, которые до настоящего времени не найдены. В 2000 году Игнатович был задержан на территории Чечни. Он рассказал, что участвовал по указанию высших должностных лиц силовых министерств Республики Беларусь, выполнял специальные задания. Видимо, как он это считал. Эта информация попала на территорию Республики Беларусь, после чего его задержали. На момент задержания он совершил множество преступлений в составе сформировавшейся преступной группы, среди которых похищения, около тридцати убийств, разбои. Естественно, наиболее актуально значимые дела — это убийства политиков. Я думаю, в том, что они убиты, уже давно никто не сомневается.

Когда разрабатывали Игнатовича, установили, что в марте 2000 года, нет, в мае, он вместе со своими подельниками под руководством руководителя спецподразделения МВД РБ СОБР Дмитрия Павличенко участвовал в похищении начальника контрольно-ревизионного управления Министерства культуры Республики Беларусь Грачева Александра Викторовича. Его вывозили в район Северного кладбища, где приставляли пистолет к голове, угрожали. После задержания Игнатовича поступала информация, на тот

момент подтверждавшаяся материалами уголовного дела, что в похищении Грачева участвовал Павличенко. После фактического задержания Павличенко при процессуальном оформлении об этом было сообщено генеральному прокурору Божелко, который, в принципе, и дал «добро» на его задержание.

Павличенко был помещен в изолятор КГБ, где Божелко лично с ним беседовал и требовал от него, чтобы тот сознался, где же все-таки находится Завадский. После этого поступила от Павличенко информация, что Завадский находится в районе Северного кладбища. Вероятнее всего, там же находятся и другие пропавшие белорусские политики: Гончар, Красовский, Захаренко. Но на тот момент следствие интересовало больше всего именно Завадский. В тот же день было приблизительно установлено место, где он захоронен, потому что там никто не сомневался, что Завадский действительно убит.

Проводился осмотр на территории воинской части 3214, где работал Павличенко и которая фактически являлась базой преступной группировки. В тот день туда приехали работники прокуратуры Республики Беларусь в сопровождении офицера спецподразделения «Альфа» и сотрудники подразделения КГБ РБ. Попытались произвести осмотр. Но потом явился лично Павличенко, который в тот момент должен был находиться в следственном изоляторе, и раздался телефонный звонок. Одного из работников прокуратуры попросили подойти к телефону. Человек на другом конце провода сказал, что он — Шейман и что у них есть 10 минут, чтобы убраться с территории воинской части. То есть Шейман однозначно боялся, что там будут обнаружены какие-то документы, какие-то записи, может быть, снимки. Спустя какое-то время и Божелко, и Мацкевич были лишены своих должностей. Видимо, за проявленное усердие в отыскании Завадского. А Шейман стал генеральным прокурором. Также можно добавить, что руководил оперативно-следственной группой министр внутренних дел Наумов, который очень хорошо знаком как с Игнатовичем, так и с Маликом, другим обвиняемым по этому делу, который также являлся офицером спецподразделения «Алмаз». Наумов до сих пор их посещает в следственном изоляторе. Я думаю, что он и снабжает их информацией, потому что преступникам известны данные практически о всех членах следственной группы».

Олег Случек, бывший следователь прокуратуры Республики Беларусь:

— Где-то после референдума 1996 года Шейман поручил Сивакову создать спецподразделение из доверенных им лиц, которые должны были

разработать схему так называемого «идеального убийства». То есть человек выходит из дому, пропадает, и больше о нем никаких сведений нет. Нет трупа, нет преступления. Способ убийства выбрали — стрелять в голову. Пистолет для этого подобрали такой, который нельзя проследить. То есть такого пистолета вообще не должно существовать. Это тот пистолет, которым приводится в исполнение смертный приговор. Этот пистолет Сиваков давал Павличенко на один-два дня для совершения убийства, а потом возвращал на место. После разработки детальной схемы «идеального убийства» и одобрения высшей властью группе было поручено попробовать эту схему на криминальных «авторитетах». В то время первым пропал Щавлик, белорусский вор в законе, затем пропадает «авторитет» Мамонтенок, также более-менее крупные криминальные «авторитеты», живущие на территории Республики Беларусь. Тогда же среди криминальных кругов стали ходить слухи, что на базе СОБРа создана группа, которая занимается похищением и убийством криминальных «авторитетов». После исчезновения вышеуказанных лиц шума никто не поднял. Посчитали эту схему идеальной и стали поручать более серьезные, уже политические заказы. Пропадает Захаренко, затем пропадает Гончар с Красовским, последним пропадает Завадский. Всего группой было совершено более тридцати убийств. Но с Завадским у группы вышел прокол».

Дмитрий Петрушкевич:

— Имеются ксерокопии материалов уголовного дела, из которых ясно следует, что Божелко и Мацкевич знали о существовании этой группы и принимали непосредственное участие в их задержании, в допросах самого Павличенко. И именно из-за того, что они проявили ненужную активность, видимо, они и были сняты, но пока об этом можно только догадываться».

х х х

Случилась и вовсе романтическая история. Руководитель незарегистрированной молодежной организации Андрей Жерносек, занимавшийся поиском пропавших политиков, и его куратор от КГБ Геннадий Угляница вместе предстали перед видеокамерой.

— Сегодня 25 августа 2001 года. Сейчас мы хотим сделать заявление для прессы, телевидения, граждан республики и для всех тех, кому оно попадет.

Я — сотрудник отдела по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом Минского управления КГБ Угляница Геннадий. Данный шаг продиктован рядом обстоятельств, в связи с которыми сложилась ситуация, когда лишь обнаружение данных, которыми мы обладаем, может обеспечить безопасность нас и наших близких. Заявление касается пропажи в 1999 году двух людей — Гончара и Красовского.

В то время все газеты пестрели фотографиями пропавших, спецслужбы были подняты на ноги и вели поиск. Через несколько месяцев поиск практически прекратился. Все удовлетворились тем, что люди пропали бесследно и концов найти нельзя. Так думали не все. Люди, которые считали своим долгом узнать правду о пропавших, продолжали работу по их поиску. Об этом лучше скажет Андрей.

— Я — Жерносек Андрей Михайлович. После того, как пропали люди, мы начали свое параллельное расследование. Использовали различные мероприятия, которые могли сами придумать. В конце концов мы вышли на свидетеля конкретно по этому преступлению».

Жерносек показывает групповое фото нескольких солдат внутренних войск, сидящих и стоящих возле двух автомобилей. Номера машин 0221 МІ, 0224 МІ, 8832 ОХ (на одной машине номер висит, а другой — стоит рядом).

— На этой фотографии первый слева является непосредственным свидетелем всех этих дел. Фамилия его Метельский. Зовут его Виталий. Рядом с ним на «Ауди» вверху с номером в руке сидит непосредственный участник этого дела. Его фамилия Мекиянец. Зовут его Александр. Внизу машину — это машина, которая непосредственно участвовала в этом деле».

Жерносек показывает цветной буклет «Внутренние войска Республики Беларусь».

— Значит, в этой вот книжке имеются также фигуранты по этому делу. На общей фотографии участников... вот этот вот сидит — Новаторский Владимир, который являлся руководителем группы захвата, а вот этот вот — Юрий Будько, также являлся непосредственным участником. Фотографию и лицо основного фигуранта — Павличенко — я думаю, видели все: он снимается в рекламе о войсках, купается там в проруби и чувствует себя нормально. К сожалению, фотографии остальных двух фигурантов по делу — этой лейтенант Коклин и прапорщик Мурашко — пока достать не удалось. Но думаю, что это заявление подвигнет и правоохранные органы, и прессу... (В первую очередь прессу, потому что наши правоохранные

органы почему-то оказались в стороне от этого дела.) Подвигнет найти этих людей. Найти и допросить. И закончить то, что мы начали.

Нам стало известно, что в 99-м году группа выехала на двух машинах из части вечером, захватили здесь, в Минске, двух людей вместе с джипом, посадили за руль этого Мекиянца, закинули этих людей в эти машины и уехали на базу в Бегомль. В районе часа ночи они приехали на эту базу. Не доезжая, свернули на проселочную дорогу, застрелили Гончара и Красовского. После этого джип спрятали в лесу. После этого вернулись в часть, поставили машины, пошли ужинать, как ни в чем не бывало.

На следующий день солдат роты подняли, и после завтрака погнали копать яму на полосу препятствий. Вот здесь кассета с пленкой полосы препятствий. И эта яма здесь тоже фигурирует».

Жерносек показывает видеокассету маленького формата.

— Они выкопали яму, бросили туда машину. По предварительной информации, там же находятся трупы. Либо под машиной, либо в самой машине. Раздавили ее БТРом, засыпали землей. Относительно замаскировали место.

Я выражаю соболезнование глубокое женам, матерям и детям Гончара и Красовского. Их мужья, отцы и дети уже никогда не вернуться.

При работе по данному вопросу нами использовалось оборудование, скажем, для обеспечения своей собственной безопасности. Оно в себя включало приборы ночного видения, маскировочные костюмы, а также специальный металлодетектор американской фирмы «Фишер», называется «Джереми-3». Также использовано было четыре радиостанции. Эти все вещи при определенных обстоятельствах были конфискованы милицией. На данный момент они находятся в Партизанском РУВД, сотрудники РУВД могут это подтвердить.

После того, как мы прошли полосу, мы ее обследовали с помощью металлодетектора. Обследовали всю полосу, включая яму. Только в яме металлодетектор показал... Значит, если стоять к ней лицом со стороны полосы, с правой стороны — там видно, как оборван край ямы, видно, что там заезжал БТР. Именно в этой яме, порядка 3,30 — 3,40 метров на 1,6-1,8 метра четко отбивается аномалия на железо. После этого там были проведены два шурфа, раскопа, после чего на глубине порядка двух метров мы наткнулись на металл. Дальше никто копать не стал, потому что рядом

находится эта часть. Часть находится буквально в двухстах метрах от этой полосы. Подъезды к полосе, все там есть. Вот такое вот дело».

Угляница.

— По данному вопросу, если у кого-то возникают какие-то сомнения... Я лично участвовал в опросе свидетеля. Беседовали мы с ним неоднократно. Но только где-то с третьей-четвертой беседы он дал нам полные показания, которые касались всех обстоятельств данного дела. Если кого-то будет трудно разыскать, то он живет в Борисове. Он бывший водитель, служил в части 3214. В сентябре проходил службу в СОБРе у Павличенко. Несколько раз возил его на машине лично. Сейчас уже прошло, наверное, полторы недели, как свидетель скрылся. Несмотря на то, что ему было обещано обеспечение безопасности, он не поверил. Как, наверное, многие люди, причастные к этому делу. Они боятся и прячутся, либо молчат.

Что касается обследования части, то все данные, сообщенные свидетелем, подтвердились. Составлены и план части, и план полосы, его местонахождение в тот день и все остальные детали сходятся. Мы обследовали (я лично участвовал в обследовании полосы препятствий). В настоящее время у нее вид такой, что больше года там никто ничем не занимается. Почему она была заброшена — непонятно. СОБР до сих пор дислоцируется в части под Бегомлем».

Жерносек:

— Сама яма находится сбоку полосы. То есть, вот полоса препятствий — они все идут по прямой, а яма сбоку. Это сразу бросается в глаза...»

Угляница:

— Чтобы не создавалось впечатления, что мы это все придумали, мы можем предоставить записи бесед со свидетелями, которые мы проводили, и в которых отражены все обстоятельства происшедшего, случившегося в сентябре 1999 года в части под Бегомлем.»

Никакие записи никому не понадобились. Министр внутренних дел на следующий день собрал журналистов и повез в часть под Бегомлем. Место не производило впечатления заброшенного: по всему было видно, что здесь недавно работала техника. Но в присутствии телекамер начали копать. Никакого джипа не нашли. На том разбирательство и закончилось.

«Предвыборный трюк», — констатировал министр. И сколько потом Угляница и Жерносек ни пытались доказать, что журналистам устроили постановочную съемку, их уже никто не слышал. Ведь шел 2001 год, год повторных президентских выборов в Беларуси.

Сегодня нет силы, способной завершить расследование тайны исчезновения известных оппозиционных политиков. Мацкевич и Божелко молчат, надежно храня документы как гарантию личной безопасности. Божелко целовал руки священникам из монастыря под Ярославлем, умоляя их благословить раба божьего Олега на рассказ правды о страшных преступлениях. Вроде бы, благословили. И Божелко даже согласился записать свой рассказ на видео. Но потом в тот же монастырь приехали какие-то люди из Беларуси, и их Олег Александрович испугался больше, чем гнева Божьего. Поэтому пока остается довольствоваться косвенными свидетельствами, в частности: рассказом Василия Леонова о своей встрече с бывшим генеральным прокурором.

«...На одной из московских квартир мы встретились с Божелко. Мы хорошо знали друг друга, он работал в Могилевском обкоме партии, поэтому лукавить или недоговаривать надобности ни у кого из нас не было. Встречались втроем: он, я и доверенное лицо, организовывавшее эту встречу. Олег, в основном, рассказывал. Сидели просто: орехи, виноград, немного вина — для согрева души... Если этот рассказ записать и прокрутить по городам и весям, кому-то из нашей Беларуси надо было бы задавиться. И люди, наконец, узнали бы, кто же на самом деле ими правит. Было много связанного с личными поступками президента, причем зачастую такого дерьма, что и вспоминать вслух не хочется. Об исчезнувших Олег Александрович рассказывал подробно, хотя, вероятно, и не все, что знал. Когда стало понятно, что следствие вплотную подошло к некоторым сотрудникам Совета безопасности Беларуси, Лукашенко собрал у себя ряд руководителей следственных органов и, упрекая их, сказал фразу, адресованную Божелко: „Ты меня уже довел до истощения! Я ночами не сплю, пью горстями таблетки. Копаешь, копаешь, копаешь... Тебе что надо — чтобы гробы Захаренко и Гончара по Минску носили? Зачем тебе это надо? Ты ищи Диму Завадского! Ищи Диму. А ты все под меня копаешь... Ищите Диму!“

Рассказал Божелко и о том, как они с председателем Комитета государственной безопасности Владимиром Мацкевичем пришли к президенту после допроса Павличенко с заявлением о необходимости ареста Виктора Шеймана. Он оставил их у себя, а когда Мацкевич и Божелко

возвратились в свои рабочие кабинеты, там уже стояли офицеры и вежливо преграждали дорогу: вам сюда уже нельзя, господа генералы...Прозвучало и еще одно любопытное воспоминание Божелко: в пылу откровенности генерал Николай Лопатик во время какого-то закрытого совещания бросил Лукашенко в лицо: «Какое право вы имели убивать генерала?» (имея в виду Юрия Захаренко)...

Не отрицает Божелко и того, что выяснилось в ходе следствия. Экзекуция над Гончаром, Захаренко и Красовским снималась на видеопленку, демонстрировалась Шейману. Видел ли эту пленку Лукашенко — трудно сказать. Но тогда непонятно, почему при мысли, что следствие приближается к развязке тайны насильственного исчезновения двух бывших членов правительства, глава государства начинает горстями глотать таблетки и утверждать, что генеральный прокурор под него «копает, копает, копает»...

х х х

Временами на центральном проспекте Минска, выстроившись в цепь, стоят люди. Они не выкрикивают лозунги, не привлекают к себе внимание, они просто стоят, держа в руках фотографии исчезнувших людей. И это, пожалуй, единственная акция протеста, разгонять которую власти не решаются. Зинаида Гончар и Ирина Красовская, супруги Виктора Гончара и Анатолия Красовского, Ольга и Светлана Завадские — мать и жена Дмитрия Завадского, стоят в этой цепи вместе со всеми: у них просто не осталось иных способов заставить власти провести расследование. Им больше некуда идти, не к кому обращаться. Они уже прошли все высокие кабинеты: ответ один — следствие приостановлено. Они обращались и к президенту Ельцину, и к президенту Путину, и к президенту Клинтону, и к президенту Бушу, — в ответ только сочувствие.

Зинаида Гончар хорошо знакома с Александром Лукашенко. Депутат Лукашенко бывал дома у семьи Гончаров, говорил Зинаиде Александровне комплименты. Президент Лукашенко не нашел времени, чтобы встретиться с женой своего бывшего соратника. Хотя ей есть, что ему сказать.

— Родные и близкие моего мужа не дадут жить спокойно любому президенту, который придет на смену действующему, да и Лукашенко, если ему еще раз удастся обмануть свой народ, и он останется у власти, —

говорит Зинаида Гончар. — Для всей нашей семьи важнее всего ответ на вопрос, где мой муж. В любом случае, Лукашенко придется рассказать, что же произошло с Виктором Гончаром. Я уверена, что Лукашенко знает, что произошло, кто за этим стоит и где Виктор. За мужем велось круглосуточное наблюдение, телефоны прослушивались, квартира просматривалась. Молчание со стороны Лукашенко является свидетельством соучастия в этом преступлении.

Зинаида Александровна каждый день просматривает все газеты. Она надеется, что хотя бы в одной из них появится хоть какая-то информация о ее муже. Но газеты о Викторе Гончаре уже давно не пишут...

Людмила Карпенко вместе с детьми сейчас живет в Германии. Ей так и не выдали заключение врачей о причинах смерти ее супруга. Людмила говорит, что уехать из Беларуси заставил страх.

— Я уверена, что Геннадия убили. Мы прожили тридцать лет вместе. Я сердцем чувствовала его состояние и здоровье. Все у него было нормально. Кроме того, это была не первая попытка его убить. 21 октября 1996 года, на следующий день после того, как обнародовали состав теневого правительства на Всебелорусском народном собрании, где Карпенко было отведено почетное президентское кресло, в его машину стреляли. Было заведено уголовное дело, которое так ничем и не закончилось. В марте 1997 года у посольства Чехии Геннадия задержали. В то время его обвинили в организации несанкционированного шествия, которое состоялось накануне — 23 марта. Несмотря на то, что суд был отложен, его отвезли в отделение милиции, где начальник отделения часами вел беспредметный разговор, ожидая особого распоряжения. Я и журналисты, которых я оповестила, приехали в отделение, но нам сообщили, что Геннадия там нет и не было. Уже позже он рассказывал, что его отвезли в главное управление, в тюремную камеру. Только после полуночи мы узнали, что Геннадия доставили в больницу. Сопровождали его не люди в белых халатах, а омоновцы, которые даже в реанимации стояли у его кровати с автоматами. Тогда и была попытка подменить Геннадия лекарство...

Не могу сказать, что решение уехать из Беларуси для нашей семьи было спонтанным. Хотя, действительно, еще за несколько месяцев до отъезда мы даже не думали о том, что будем вынуждены уехать и просить политического убежища в Германии. Это никак не входило в наши планы. И переломным в этом смысле стало известное всем заявление Лукашенко, что мне не в чем было похоронить мужа. Президент и раньше-то никогда не отличался

учтивостью по отношению как ко мне, так и к другим женщинам — женам известных оппозиционных политиков. Он публично поливал нас грязью, неоднократно называл истеричками. Однако его заявление о том, что мне не в чем даже похоронить мужа, заставило меня дать ему достойный ответ. Многие наверняка помнят эту историю. Лукашенко это очень сильно взбесило. Мне рассказывали о том, что мой поступок обсуждался его ближайшим окружением. Лукашенко, как известно, человек мстительный, рано или поздно, он отомстил бы мне за тот случай. И я испугалась не столько даже за свою жизнь, сколько за жизнь своих детей».

Испугавшись за жизнь детей, попросила политического убежища в Германии и супруга Юрия Захаренко. А вот мама Юрия Николаевича уезжать из родной деревни категорически отказалась. Юлия Григорьевна все еще надеется, что сын вернется. Ведь, кроме него, у нее никого нет: вскоре после исчезновения Юрия умер ее второй сын — Владимир: «Столько хлебнула горя в молодости, а не могла подумать, что настоящая беда придет на старости лет... Были два сына. А осталась одна. Володю похоронила. Знаю хоть, что он тут лежит, могу за могилкой поглядеть, поплакать. А Юру все выглядываю, хожу по ночам от окна к окну, слушаю каждый стук, каждую машину. Где он? Куда его спрятали? За что?.. За что мне такая жизнь. Мне говорят: жить и ждать. Но никто не скажет — сколько. Мне уже кажется, что если я его увижу, сердце не выдержит.

Если мой сын, по мнению президента, преступник, пусть бы его судили. Сейчас сидят многие, так я бы в случае чего хоть сыну передачу привезла. Но его нигде нет. По-моему, он из-за того и исчез, что судить его не за что. Обвинить — обвинили, а доказать ничего не могут. У Лукашенко тоже есть дети, внуки. Точно так же за него переживает мать. Неужели он не хочет услышать голос такой же матери?»

Нет, не слышит Лукашенко голоса этих женщин. Не хочет слышать.

х х х

Есть в Беларуси художник Алесь Пушкин. Известен тем, что летом 1999 года, в день, когда по неизменной Конституции истекали президентские полномочия Александра Лукашенко, он привез к его резиденции тачку навоза: мол, езжай Александр Григорьевич к себе в совхоз. А еще Пушкин

известен тем, что расписывает церкви. Церковь в деревне Бобры, где сейчас и живет Пушкин, уникальна. Работал он здесь один, запершись по привычке внутри. Пришло время сдавать работу. Приехало местное церковное начальство. Ходят, смотрят — нравится. И вдруг видят: сцена ада. На чертей одета форма, напоминающая ОМОНовскую, на боках дубинки, наручники и прочая мишура. А в котле на пламени адском варится великий грешник — весьма похожий на Александра Лукашенко.

— Это что такое?!

— Это картина Ада, — спокойно отвечает Пушкин.

— А это кто в котле? — проверяющие даже не осмелились называть фамилию.

— Это грешники.

— Убрать!

— Не могу. Я когда рисовал, моей рукой перст святой водил, — аргументирует Пушкин.

— Убрать!

Как рассказывает сам Пушкин, тогда он предложил компромиссный вариант: мол, замажу все черным углем и если завтра картина под углем не проступит, тогда закрасшу. Если же видна будет, значит правда нарисована.

Он тут же взял уголь и зарисовал свое творение.

Наутро вновь является приемная комиссия. Мистика! Лик главного грешника в окружении чертей-омоновцев проступил. В общем, решили, что это знак свыше. Одобрив картину ада.

Секрет фокуса, как оказалось, прост. Уголь в чистом виде не есть стойкая субстанция. Он осыпается через несколько часов после того, как им чего-то нарисуешь. Пушкин как художник это хорошо знал. Вот и осыпался уголь часа через три. Но пока в Белорусии ни у кого не поднимается рука зарисовать «божий знак» в небольшой сельской церкви деревни Бобры.

Разговорчики в строю,

или

Здоров ли он?

В 1997 году в прямом эфире телекомпании НТВ Александр Лукашенко заявил: «Я готов добиваться спокойствия в республике даже ценой собственного разума».

В 2001 году к теме президентского разума вернулась уже оппозиция. Поводом стало электронное послание в ряд российских и белорусских изданий врача-психиатра Дмитрия Щигельского. Врач диагностировал у Лукашенко «умеренно выраженную мозаичную психопатию с преобладанием черт параноидального и диссоциального расстройств личности». И признал, что этот вывод сделан на основе длительного заочного освидетельствования, в том числе на основе неоднократно транслируемых по белорусскому телевидению селекторных совещаний президента, его выступлений перед депутатами национального парламента, воспоминаний о нем его недавних соратников, а также жены.

Дмитрий Щигельский заявил, что нормы врачебной этики и международного права, в соответствии с которыми сведения о здоровье конкретных лиц не подлежат обнародованию, не распространяются на случаи, когда речь идет о лицах, занимающих ответственные государственные посты. А потому он посчитал себя вправе представить общественности «Историю болезни Александра Григорьевича Лукашенко».

У «пациента» были установлены следующие характерные для психопатического диагноза отклонения:

— крайняя склонность к манипулированию окружающими;

— склонность к сверхценным образованиям, подозрительность и общая тенденция к искажению фактов путем неверного их истолкования, склонность объяснять события как вокруг себя, так и вообще в мире исходя из «теории заговора», без достаточных на то оснований;

— отсутствие близких друзей и неспособность поддерживать лижные взаимоотношения с людьми;

— тенденция к переживанию своей повышенной значимости, проявляющаяся в постоянном отнесении происходящего на свой счет, постоянные ссылки на самого себя в соетании с завышенной самооценкой;

— садистские наклонности, низкая толерантность к фрустрации и низкий порог агрессивного поведения, включая насилие;

— неспособность к переживанию вины и извлечению пользы из неблагоприятного опыта;

— грубая и стойкая позиция безответственности и пренебрежения социальными правилами и нормами.

Исходя из всего этого врач, врач Щигельский сделал вывод, что Александр Лукашенко как минимум психопат. Но главная опасность заключается в том, что психопатия его, с точки зрения врачей-психиатров, имеет параноидальные черты, характерные также для диссоциального расстройства личности при наличии стержневой сверхценной идеи собственной значимости. «Мозаичная психопатия» — этот же диагноз был установлен у таких известных деятелей, как Гитлер, Сталин, Муссолини, Иван Грозный...

Врач ссылается и на архивные данные, указывая, что впервые такой диагноз был поставлен Александру Лукашенко в 1976 году, подтвержден — в 1982-м, когда Лукашенко якобы был комиссован из армии. Правда, в 1994 году после первых президентских выборов неизвестные лица изъяли из архивов Могилевского диспансера оригиналы некоторых документов, поэтому на руках у журналистов и врачей остались только копии и то не всех, а только части документов. «человек с таким диагнозом не может занимать пост главнокомандующего белорусской армией. Требования к здоровью военнослужащих армии Беларуси предельно четко описаны в приказе министра обороны РБ № 461 от 4 августа 1998 года. „Умеренно выраженная мозаичная психопатия“ подпадает под ограничения статьи 76 этого приказа и предусматривает негодность к военной службе не только в военное, но и в мирное время». Поэтому Щигельский в своем обращении к депутатам парламента призвал их срочно организовать специальную комиссию по дополнительному освидетельствованию белорусского президента и решить вопрос об освобождении его от должности президента.

Это письмо наделало много шума. Но поскольку амбулаторной карты гражданина Лукашенко никто не видел, письмо списали на происки врагов и «черный пиар». Мало кто в Беларуси видел сам текст письма, но тема неожиданно получила широкий резонанс.

— Александр Григорьевич, почему вы не хотите пройти независимое психиатрическое обследование. Ведь это в любом случае было бы выгодно для вас: либо вы всем сплетникам утираете нос собственным отменным

психическим здоровьем, либо вы дальше живете спокойно, зная, что не несете ответственности ни за какие свои деяния, в том числе и преступные, поскольку на момент их совершения вы были невменяемы?

Журналистка Ирина Халип всегда отличалась тем, что не желала ходить вокруг да около. И на пресс-конференции в августе 2001 года, которую накануне вторых президентских выборов провел Александр Лукашенко, и на которой впервые за несколько лет журналистам независимых СМИ было позволено задать вопросы, она спросила о том, что давно волнует белорусское общество. Ведь что получилось: поначалу поведение белорусского президента находили эксцентричным, потом — странным. Дальше — больше. А когда появился труд Дмитрия Щигельского, сомнения переросли в конкретное подозрение: здоров ли белорусский лидер.

Лукашенко насупился:

— Я же понимаю, что вы меня просто шантажируете. Но, знаете, даже я не могу поверить, что вы меня считаете невменяемым человеком. За семь лет меня уже и одевали, а раздевали, и вертели, и крутили. Я не хочу сказать, что я не делал каких-то там ошибок, поведение мое было абсолютно во всем такое, что всем нравилось. Я абсолютно? Тем более, я человек эмоциональный, и это дает повод вам в том числе спекулировать на этой теме. Ну не вам, Ирина, — вашим хозяевам. Поэтому вот это вот — постановка вопроса: независимая комиссия, зависимая — это ж не для того, чтоб я прошел какие-то обследования. Это ж не для этого делается. Меня просто шантажируют».

Если здоровому человеку предлагают пройти независимое медицинское обследование, в чем шантаж? Что такого страшного, крамольного, оскорбительного? Повод спекулировать на теме дает как раз тот факт, что Александр Лукашенко категорически не соглашается предъявить своим сторонникам и своим оппонентам заключение врачей о состоянии собственного здоровья. В то же время, даже его бывшие соратники считают, что Лукашенко надо показаться врачу. Прямая речь его ближайшего в прошлом помощника Ивана Титенкова:

— В прессе было опубликовано заключение врача-психиатра о невменяемости Лукашенко. Насколько, по-вашему, точен диагноз?

— Я не специалист и не могу об этом судить. Но, думаю, что раз появилась такая статья, Лукашенко нужно пройти через независимую экспертную

комиссию. В 1998 году через медицинское обследование прошли все руководящие работники. Все, кроме Лукашенко».

Лукашенко, кстати, и сам понимает, что пройти обследование надо. 18 января 1999 года он подписал указ «О медицинском обследовании и освидетельствовании руководящих работников государственных органов», согласно которому их состояние здоровья должно изучаться ежегодно. И изучаться углубленно. «За несвоевременное прохождение медицинского обследования виновные несут дисциплинарную ответственность в установленном порядке».

Список особой заботы медиков открывает президент Беларуси. Но некому наложить на него дисциплинарное взыскание. Впрочем, лидер белорусского государства окружил себя особо преданными врачами. Личный врач президента Ирина Абельская по-прежнему всюду сопровождает главу государства, но теперь она не просто врач, а главврач — возглавляет знаменитую «лечкомиссию» и курирует деятельность всех медиков, заботящихся о здоровье высокопоставленных лиц белорусского государства. Министр здравоохранения — мама Абельской: женщину пенсионного возраста забрали из Бреста и доверили высокий пост. Теперь даже если каким-то чудом кому-либо удастся заставить белорусского президента пройти медицинское обследование, он подстрахован по всем фронтам. Хотя президент, вероятно, опасается даже гипотетической возможности, что среди 19 специалистов найдется хотя бы один, который воспользуется правом, в случае несогласия с заключением всей комиссии, изложить в письменном виде свое особое мнение. Все еще опасается. Хотя огнем и мечом, вернее, тюрьмами и уголовными делами Лукашенко все эти годы насаждал в стране страх.

х х х

Здоров ли Александр Лукашенко? Медицинские диагнозы — не наша профессия. А с точки зрения здравого смысла, Лукашенко абсолютно здоров. Он адекватен, он ставит цели и добивается их. Он знает, что он делает и зачем, хотя кому-то его действия могут казаться абсурдными. Когда Лукашенко стал выселять из посольских резиденций западных дипломатов, казалось, что президент Беларуси действительно сошел с ума. Под нелепым предлогом необходимости починки канализации он в один день испортил

отношения со всеми западными странами, послы которых просто покинули Минск. Но прошло время, послы вынуждены были вернуться, а Лукашенко записал себе в актив победу над странами, претендующими на роль мировых лидеров. Кто помнит, что началось все из-за канализации? Зато в глазах избирателей Лукашенко оказался способным выигрывать войны с самыми сильными противниками.

Лукашенко — человек, поднявшийся из социального дна. У него занижен порог нравственности и морали: то, что для обычного человека недопустимо, для него — просто способ достижения цели. Потому ему важно не просто наказать строптивых подданных, ему важно их растоптать и унижить. Попытка организованного сопротивления — тюрьма, участие в акции протеста — огромные штрафы, инакомыслие — агент ЦРУ?

Комплексы неполноценности, которые зародились в несчастном деревенском мальчишке, с годами не прошли. Отсюда и неизменные фантазии на тему «я и великие», отсюда и щенячий восторг при встречах с людьми, чьи имена что-то значат в мировой политике. Отсюда и гипертрофированное чувство собственной значимости. «Я дал вам хорошую погоду», — однажды заявил президент на селекторном совещании с аграрниками. А когда на Пасху верующие возле кафедрального собора в Минске приветствовали его возгласами «Христос воскрес», он отвечал: «Здравствуйте! Спасибо! Здравствуйте. Спасибо..»

«Склонность к сверхценным образованиям, подозрительность и общая тенденция к искажению фактов путем неверного их истолкования?», — пишет доктор Щигельский. Для политика это качество — дар. А потому ни один политтехнолог не построил бы президентскую речь лучше, чем это сделает сам Александр Лукашенко. Когда он отрывается от заранее заготовленного текста, начинается спектакль. Поэтому его речи белорусы слушали часами. Другое дело, что длится это уже девять лет. Надоело даже самым благодарным слушателям. Поэтому он и ищет сейчас другую аудиторию.

Можно не сомневаться, что он любит и Беларусь, и свой народ. Можно не сомневаться, что он искренне желает, чтобы и белорусы, и россияне боготворили его. Наконец, нет никаких сомнений, что он искренне верит в собственную незаменимость и избранность. Другое дело, что для него существуют только сторонники, а оппоненты — это враги, и с ними он разбирается «по законам военного времени». Он здоров и болен

одновременно. Он болен властью. А потому ему категорически противопоказано управлять людьми.